

Кристин Хармель

Жизнь, которая не стала моей

Annotation

Найти в жизни любовь – большая удача. Встретить ее дважды – настоящее чудо. Кейт живет в Нью-Йорке и лечит людей – она специалист по музыкальной терапии. Лишь спустя годы после трагической смерти мужа Кейт снова смогла поверить в возможность счастья. Ее новый избранник – прекрасный человек. Близится день свадьбы, но с Кейт начинают происходить странные вещи. Ей упорно снится один и тот же сон, в котором Патрик не погиб и у них есть дочь по имени Ханна. Пытаясь расшифровать скрытый смысл своих сновидений, Кейт совершит много поразительных открытий, которые полностью перевернут ее жизнь.

- [Кристин Хармель](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Об авторе](#)
-

Кристин Хармель

Жизнь, которая не стала моей

Музыка – в паузе между двумя нотами.

Клод Дебюсси

Kristin Harmel

THE LIFE INTENDED

© 2015 by Kristin Harmel

Published in the Russian language by arrangement with *Baror International*
and *Nova Littera*

Иллюстрации на обложке: Tinx / shutterstock.com

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство
«Синдбад», 2018.

Глава 1

Было уже 23:04, когда Патрик вошел в дом – в последнюю нашу ночь, без малого двенадцать лет назад.

Я помню, как злобно полыхали красным светом цифры на часах у нашей кровати, и звук ключа, повернувшегося наконец в замке. Помню чуть виноватое выражение его лица; щетина, пробивавшаяся на щеках к вечеру, превратилась чуть ли не в бородку, и, когда он остановился в проходе, рубашка показалась мне смятой. Помню, как он произнес мое имя – Кейт: разом и приветствие, и попытка извиниться.

Я слушала «Крепость» *Sister Hazel*, мой любимый в ту пору альбом, и ждала Патрика. Как раз началась четвертая песня, «Шампанское», и я подпевала беззвучно, думая, что «наш миллион часов» – точное и поэтическое описание совместной жизни.

Мы с Патриком прожили в браке всего четыре месяца, и я не могла себе представить день, когда мы не будем вместе. Мне было двадцать восемь лет, Патрику двадцать девять, перед нами простиралась бесконечная, без горизонта, жизнь. Помню, как я прикинула: миллион часов – чуть больше ста лет – нет, этого нам мало.

А оказалось, что нам было отведено всего пятнадцать тысяч часов и еще девять.

Столько часов прошло с той минуты, как мы познакомились под Новый 2000 год, столько часов мы знали, что нашли свою пару, столько часов думали, что обрели весь мир. Но пятнадцать тысяч часов и еще девять – так далеко до миллиона.

– Милая, прости, пожалуйста, прости. – Повторяя извинения и спотыкаясь, Патрик прошел в спальню, где я сидела поверх одеяла, подтянув колени к груди и выразительно поглядывая на часы. Радость оттого, что он благополучно вернулся, мгновенно сменилась раздражением: по какому праву он заставил меня волноваться!

– Ты не позвонил! – Конечно, голос мой звучал сварливо, но мне было на это наплевать. Мы еще год назад, после того как мой дядя погиб на охоте, пообещали друг другу непременно предупреждать, когда задерживаемся. Моя тетя пребывала в блаженном неведении о смерти мужа почти двадцать часов. Нас с Патриком холодный пот прошибал при одной этой мысли.

– Пришлось кое с чем разбираться, – сказал Патрик, не глядя мне в

глаза. Его густые темные волосы были растрепаны, в зеленых глазах – когда наши взгляды наконец встретились – металась тревога.

Я глянула на телефонную трубку на тумбочке. Ни одного звонка.

– На фирме? – уточнила я. Это был уже не первый случай. Патрик работал консультантом по рискам и нередко допоздна засиживался в офисе в центре города – молодой, честолюбивый, всегда готовый вкалывать сверхурочно. Мне и это в нем нравилось, хоть порой нелегко быть с человеком, который только и думает что о работе.

– Нет, Кэтили. – Он назвал меня тем ласковым именем, которое прижилось у нас с первой встречи, когда он не разобрал мое имя, Кэти Бил, очень уж шумело сборище в «Правде». – Моя прекрасная Кэтили, – пробормотал он, усаживаясь рядом со мной на кровать.

Тыльной стороной правой руки он провел по моему бедру, и я потихоньку расправила поджатые ноги, склонилась к нему. Он прижался ко мне, обнял за плечи. Пахло от него одеколоном и куревом.

– Я был у Кэндис, – сказал он мне в волосы. – Ей понадобилось кое-что со мной обсудить.

Я резко вывернулась, соскочила с кровати.

– У Кэндис? Ты засиделся у Кэндис? До одиннадцати?

С Кэндис Белазар он встречался до нашего знакомства – девица из прокуренного бара там же в центре. Короткое увлечение, оно закончилось за два месяца до нашей с ним встречи и все же не давало мне покоя, сколько бы он ни оправдывался, что это «чистая физиология и больше ничего». «У меня давно никого не было, и тут она подвернулась. Я порвал с ней, как только понял, что мы совершенно друг другу не подходим». Однако меня это не слишком утешило. На самом деле даже подташнивало при мысли, что мой муж, в объятиях которого я засыпаю каждую ночь, занимался с другой «чистой физиологией».

Однажды мы столкнулись с Кэндис в ресторанчике в Маленькой Италии, и, когда абстрактное имя обрело лицо, мне стало еще противнее. Выше меня, с огромной, явно силиконовой грудью, выбеленные волосы и пустые глаза. Оглядев меня с головы до ног, она усмехнулась и сообщила подруге театральным шепотом: «Нормальные бабы Патрику уже явно не по силам».

– Кэти, милая, что ты! – торопливо заговорил Патрик и снова потянулся ко мне, а я тут-то и сообразила, что куревом от него пахнет потому, что он дышал одним с ней воздухом. И я окончательно рассвирепела. – Ты ведь знаешь, я никогда тебя не обижу.

– Так почему же ты не позвонил?

– Ну прости меня! – Он в растерянности провел пальцами по волосам. – Виноват. Но ты же понимаешь, что я тебе не изменю, никогда, никогда! – Голос его дрогнул, когда он договаривал последние слова, но в глазах – ни тени вины.

Я почувствовала, как плечи мои чуть обмякли, негодование поостыло.

– Мало ли что! – Разумеется, он говорил правду, но я-то сидела дома и ждала, а он прохлаждался в баре со своей бывшей! Нет, я не готова сказать, что все о'кей, потому что это вовсе не о'кей.

– Да, я поступил плохо. – Он сокрушенно развел руками. – Но разговор был трудный, и я не мог выйти, чтобы позвонить.

– А то Кэндис, не дай бог, обиделась бы...

– Кэти... – Он осекся.

– Я ложусь спать! – Конечно, следовало смягчиться, обнять его, сказать, что я все понимаю. Но я была еще не готова.

– Не хочешь поговорить? – спросил он.

– Нет.

Патрик вздохнул:

– Хорошо, Кейт, я завтра все объясню.

Я выразительно закатила глаза и ринулась в ванную, хлопнув дверью. Посмотрела на свое отражение в зеркале. Ну почему даже через два года после разрыва Кэндис еще имеет какое-то влияние на моего мужа?

Но десять минут спустя, ложась в постель, я уже понимала, что сдаюсь. В конце концов, Патрик же сразу сказал мне, где задержался. И выбрал он меня, и в глубине души я знала, что каждый день до конца нашей жизни он всегда будет выбирать меня. Когда я натягивала на себя одеяло, гнев уже отступал – медленно, лениво, как усталая волна.

Я уже почти спала, когда Патрик пристроился рядом. Отвернувшись к стене, я чувствовала, как он обнял меня сзади, придвинулся, вжимаясь в меня, переплел свои ноги с моими.

Я чуть не рванулась прочь, но это же Патрик, мой Патрик. Утром он расскажет мне, что случилось, и я пойму. Так что я, помедлив, тоже прижалась к нему.

– Ты же знаешь, я тебе никогда не причиню боли, Кэтили, – зашептал он, обнимая меня еще крепче. – Никогда. Даже через миллион лет. Ничего у нас с ней не было и быть не может.

Я закрыла глаза, выдохнула:

– Я знаю.

Патрик поцеловал меня за ухом – по позвоночнику пробежала дрожь.

– Я знал еще прежде, чем тебя встретил... – заговорил он в тот момент,

когда меня уже накрывал сон.

– ...Что ты – моя судьба, – подхватила я. Так мы говорили друг другу «люблю». Наш тайный язык.

Я знала, что это – навсегда, до конца жизни.

* * *

Солнечный свет ворвался в комнату вместе с ароматами кофе и бекона. Я заморгала, повернулась на бок, чтобы взглянуть на часы. Они показывали 6:47, Патрик уже поднялся, готовит завтрак. Я понимала: так он просит прощения, хотя, по правде говоря, уже простила его.

– Доброе утречко, – сказала я, входя в кухню и прикрывая рукой зевок. Патрик обернулся, размахивая лопаточкой, и я засмеялась. Поверх боксеров с надписью «Я люблю Н-Й» и белой футболки он нацепил желтый фартук «Поцелуй повара». Босой, волосы растрепаны со сна.

– Шефф к вашим услугам, – изобразил он французский акцент, и я опять засмеялась. – Садитесь, садитесь. – Все той же лопаточкой он указал на маленький кухонный столик. – Завтрак сервирован, мадам!

С поклоном он поставил на стол две тарелки – омлет, до хруста зажаренный бекон, тосты с клубничным джемом, а полминуты спустя принес две чашки дымящегося кофе, уже со сливками и сахаром, и сел напротив меня.

– Тебе не обязательно готовить с утра, – улыбнулась я.

Он поцеловал меня в щеку:

– Все для моей девочки.

Поднеся ко рту вилку, я заметила, что Патрик пристально за мной наблюдает.

– Ты что? – с полным ртом спросила я.

– Я виноват, что не позвонил вчера, – заторопился он. – Мне очень стыдно. Не подумал, что ты будешь волноваться.

Я отпила кофе и выдохнула:

– Все в порядке.

Улыбка осветила его лицо.

– Ты меня простила?

– Я тоже чересчур погорячилась.

– Нет, ты была права. Совершенно права, – все так же поспешно возразил он. Откусил бекона, а я смотрела, как мощно двигаются его челюсти. – Послушай, мне правда нужно с тобой кое-что обсудить. – Он

заморгал, и что-то в его лице меня насторожило. Патрик явно нервничал. – Поужинаем сегодня в городе? Например, в отеле «Шерри-Недерленд»? Там тебе вроде нравилось.

Я улыбнулась:

– Звучит неплохо.

– Отлично. Я зарезервирую столик. В семь часов сможешь?

– Конечно, к семи я успею.

– Ничего не забыла? – спросил Патрик, когда я доела свою порцию бекона.

Я обернулась:

– Что?

Он натянул фартук за уголки и покрутился передо мной:

– Написано же: «Поцелуй повара». Надо следовать инструкциям.

Простая вежливость требует.

– Да неужели? – расхохоталась я.

– Один из законов всех мировых кухнекратий.

– Кухнекратий?

– Конечно. Всех суверенных кухонных наций. Как наша.

– Понятно, – как можно серьезнее ответила я. – Что ж, сэр, не смею нарушать закон.

– В ваших же интересах соблюдать его. – Он улыбнулся и раскинул руки для объятия.

Я поднялась со стула, смеясь. Патрик наклонил голову, я привстала на цыпочки, и наши губы встретились.

– Годится? – прошептала я спустя мгновение, когда он обхватил меня руками и притянул к себе.

– И близко нет, – проворчал он и вновь поцеловал меня, на этот раз осторожно раздвинув мои губы языком.

В то утро мы успели насладиться нашей любовью – поспешно, настойчиво, вбирая в себя друг друга. А потом я вымыла посуду, пока Патрик принимал душ и одевался.

– Отлично выглядишь! – присвистнула я, когда он вернулся в кухню, приглаживая влажные волосы. Черные брюки, наглаженная голубая рубашка, серый галстук в полоску.

– У меня с утра встреча с очень важным клиентом – боюсь, трусы и фартук на ней не прокатят. Не хочу хвастаться, но ноги у меня очень сексапильные.

Я расхохоталась и снова приподнялась на цыпочках поцеловать его.

– Удачи тебе с клиентами!

– Еще и удача? Зачем? – От лукавой улыбки на щеках проступили ямочки. – Когда у меня лучшая в мире жена. Жизнь и так прекрасна!

– Жизнь прекрасна, – от всей души согласилась я. И еще раз поцеловала, но на этот раз Патрик поспешил высвободиться.

Я открыла глаза, прикрытые для поцелуя, и увидела в руках Патрика серебряный доллар, из той большой коллекции, что собирал его дед.

– Слушай, пусть он побудет у тебя до вечера? Сохранишь для меня?

Я кивнула, взяла монету.

– А эта за что?

У Патрика имелось обыкновение подбрасывать где-нибудь в городе серебряный доллар всякий раз, когда с ним случалось что-то хорошее. «Нужно передать удачу другому, – приговаривал он. – Кто-то найдет монету и загадает желание». Мы оставили серебряный доллар в Центральном парке в тот день, когда я поступила в магистратуру, а другой бросили в фонтан у мэрии в прошлом году, когда Патрик получил повышение по службе. Третий доллар упал в океан поблизости от дома его родителей на Лонг-Айленде этой весной, в день нашей свадьбы.

– Видимо, что-то серьезное, – предположила я.

– Очень! – ответил он. – Скоро все узнаешь. За ужином расскажу. А после ужина бросим ее в Пулитцеровский фонтан. И – Кэтили...

– Да?

Он уже стоял в дверях, но остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Я знал еще прежде, чем увидел тебя... – начал он. Голос проникновенный, взгляд прикован ко мне.

Сердце затрепетало.

– ...Что ты – моя судьба.

Дверь за ним закрылось. На часах было 7:48.

Тогда я видела его в последний раз.

* * *

Это случилось во время утренней пробежки. Я трусила на север вдоль Гудзона, по зеленой дорожке, дивясь, каким ясным и ярким стало небо после нескольких дней дождя, а в этот момент Дженнифер Барвин, тридцатисемилетняя туристка из Атланты, допила бутылку водки, к которой прикладывалась с трех часов ночи, поссорившись со своим дружком. И пока я мысленно повторяла лекцию, прослушанную накануне

на курсе музыкальной терапии (я только что записалась на эту программу в Университете Нью-Йорка), она пристегивала свою полуторагодовалую дочку Лианну к заднему сиденью «тойоты-королла» 1997 года выпуска. В тот самый момент, когда я подумала, как мне повезло, что Патрик уговорил меня бросить работу в банке и получить специальность, о которой я всегда мечтала, эта женщина выехала с парковки у мотеля «Хобокен старлайт».

«*Слушайся своего сердца*» – такими словами ободрил меня Патрик, и они вновь звучали у меня в голове, а кеды весело стучали по дорожке. «Жизнь слишком коротка, нужно успеть осуществить свои мечты, Кейт». И когда я в то утро подняла взгляд к небесам, благодаря за понимающего и поддерживающего меня мужа, Дженнифер Барвин уже въехала в туннель имени Линкольна и понеслась в сторону Манхэттена. Я свернула на юг, к дому, она вывернула на Западную 40-ю, задев при съезде с хайвея дорожный знак.

И в ту секунду, когда я, улыбаясь себе, гадала, какую удачу Патрик собирается отметить серебряным долларом, Дженнифер Барвин на скорости 90 ки-лометров в час точно врезалась в заднюю, пассажирскую дверь такси, в котором ехал мой муж.

Через полчаса, когда я, запыхавшись, свернула за угол возле нашего пятиэтажного дома, перед дверью уже дожидались двое полицейских.

– Миссис Уэйтмен? – спросил младший. Не знаю – то ли его сочувственный взгляд, то ли серьезное выражение лица, то ли интонация, с какой он произнес мое имя, – что-то мне сразу подсказало: стряслась большая беда.

– Что случилось? – спросила я и почувствовала, как подгибаются колени. Молодой полицейский подхватил меня прежде, чем я рухнула.

– Мэм, нам очень жаль, но ваш муж сегодня утром попал в серьезную аварию, – монотонно произнес он. – Он ехал в такси, мэм. Возле Таймсквер.

– Нет, тут какая-то ошибка, – слабо возразила я, переводя взгляд с одного полицейского на другого. Их лица уже расплывались у меня перед глазами. – С ним все в порядке. Он на работе. Он всегда ездит на работу на метро.

И тут же я вспомнила о встрече. *С очень важным клиентом.* Он вполне мог поехать туда из офиса на такси. *Господи.*

– Вы уверены, что это он?

– Да, мэм.

– Но с ним все обошлось? – настаивала я.

Странное, тяжелое молчание.

– Мэм... – неуверенно начал молодой полисмен.

– Где он? – перебила я, поворачиваясь к тому, что постарше, он был похож на моего отца, он все уладит. – В какой больнице? Вы меня отвезете? Я должна как можно скорее попасть к нему.

И снова тишина. Ни один из них не трогался с места. В этот миг – прежде, чем они произнесли те слова, – я уже поняла.

– Мэм, – заговорил наконец старший, и его глаза увлажнились. – К сожалению, ваш муж погиб на месте.

– Нет, – вырвалось у меня, потому что такого не может быть. Двух часов не прошло с тех пор, как мы занимались любовью. Он обнял меня. Поцеловал, уходя, как во все другие дни. Теплый, живой и весь мой. – Нет, нет, этого не может быть, – пробормотала я. – Никак не может быть. Какая-то ошибка.

– К сожалению, это не ошибка, мэм, – произнес старший и тоже подхватил меня под локоть, – я почти повисла между ними. И даже не почувствовала, что падаю. – Кого из близких нам следует вызвать? – Он заботливо наклонился ко мне.

– Патрика! – бессмысленно ответила я. – Если со мной что-то случится, следует звонить ему.

Мне и в голову не приходило, что случиться может с ним. Я позволила отвести меня в дом, усадить на диван. Отдала им свой мобильный, и каким-то образом они отыскали номер моей сестры Сьюзен – судя по тому, что полчаса спустя она взлохмаченная влетела ко мне в квартиру.

– Неслась сломя голову, – выдохнула она, но я не могла говорить, только кивнула. По ее щекам текли слезы, и тут я сообразила, что сама до сих пор не плачу. – Джина уже едет.

– О! – выдохнула я.

– Кейт, – негромко сказала сестра, присаживаясь возле меня на диван. – Как ты, Кейт? Чем тебе помочь?

Я тупо уставилась на нее, словно она говорила на незнакомом языке. Следовало позвонить родителям Патрика, разыскать его друзей, организовать похороны, проделать все, что положено делать, когда человек умер. Но я не была готова принять его смерть. Сидя на этом диване, на диване, где мы с ним провели столько часов, мечтая о нашей долгой совместной жизни, я могла уговорить себя, что Патрик жив. Что мой мир не рухнул.

Чуть позже приехала моя лучшая подруга Джина. Ее муж погиб годом раньше в теракте 11 сентября. Обе они сидели со мной и молча гладили по спине. Прошел весь день, Патрику давно было пора вернуться с работы. Я

все смотрела и смотрела на дверь, надеясь вопреки всему, что он войдет, что все это было нелепой, безумной ошибкой.

Но это не было ошибкой. Миновала полночь, наступило девятнадцатое сентября, первый день моей жизни без Патрика. И тогда я наконец заплакала.

Глава 2

Двенадцать лет спустя

– Ручки, ручки поднимаем! – бодро пою я под гитару и улыбаюсь Макс, моему любимому пациенту. – Ножкой топ-топ! – продолжаю я. – А теперь кругом, кругом. Наклонись...

– И пола коснись! – подхватывает Макс.

– Молодец, Макс! – Я сочиняю на ходу, а Макс, ребенок с аутизмом, заходится в смехе, но подыгрывает мне. Сидя в уголке моего кабинета, его мама Джойя тоже смеется, глядя, как ее сын, выпрямившись после наклона, принимается скакать.

– Еще, мисс Кейт! – просит Макс. – Еще-еще!

– Хорошо, – отвечаю я серьезным тоном. – Но теперь и ты подпевай. Сумеешь?

– Да! – восклицает он, радостно всплескивая руками.

– Честно-честно?

– Да! – Его восторг заразителен, и я смеюсь вместе с мальчиком.

– Ладно, Макс. Значит, договорились: ты подпеваешь.

Я уже пять лет работаю музыкальным терапевтом. Частная практика для детей с особыми потребностями. Макс пришел ко мне одним из первых. Джойя привела его по совету логопеда, Макс, было тогда пять лет, и он отказывался говорить. Постепенно на наших еженедельных встречах я стала вытягивать из него сперва по словечку, потом по фразе, а теперь уже целый разговор получается. Теперь мы с ним вместе поем, танцуем, дурачимся, но на самом деле задача важнее: научить Макса общаться, доверять людям, открыться миру.

– Так, Макс, заполняй паузы. – Ударив по струнам, я начинаю: – Меня зовут Макс, и я жгучий...

– Брюнет! – со смехом выкрикивает Макс. – Меня зовут Макс, и я жгучий брюнет!

Я смеюсь:

– Отлично! – Беру другую ноту и пою: – Я такой красивый, все девочки смотрят вслед! – Гляжу на него, изогнув бровь.

Макс падает со смеху. Я жду. Он снова садится прямо и говорит:

– Мисс Кейт, это очень глупо.

– Глупо? – в притворном ужасе восклицаю я. – Кому глупо, а кому в самый раз. Будешь мне подпевать или как?

– Спойте еще раз, спойте еще раз! – просит Макс. Я подмигиваю ему.
– Я такой красивый, все девчонки смотрят вслед! – повторяю я под гитарный перезвон.

На этот раз Макс подхватывает, так что я могу перейти к следующей строке:

– Мне десять лет, я такой...

– Большой! – кричит Макс, выпячивая грудь и показывая все десять пальцев. – Я все старше и старше.

– Точно, старина! – Я снова дергаю струну и допеваю импровизированный стишок:

– А главное, характер у меня золотой.

Я умолкаю, прижав руку к сердцу, и Макс поет мне в ответ:

– А главное, характер у меня золотой. – Он снова смеется и зажимает рот ладонью. – Но мой характер вовсе не из золота! – восклицает он сквозь пальцы. – Опять получилось глупо.

– Не из золота, – соглашаюсь я. – Но когда мы говорим «золотой характер», то подразумеваем, что ты очень, очень хороший человек, Макс.

Он улыбается во весь рот и радостно вскидывает руки:

– Вы тоже хорошая, мисс Кейт!

Я отложила гитару, чтобы его обнять. Сегодня он, такой жизнерадостный и наивный, был нужен мне гораздо больше, чем я ему. Но не стоит ему об этом говорить. Музыкальные занятия проводятся не ради меня.

– Спасибо, мисс Кейт! – Макс крепко обхватил меня за талию и вжался лицом мне в плечо. – Я вас люблю!

– Макс, ты самый замечательный! – отвечаю я, чувствуя, как слезы щиплют глаза. – Будешь теперь всю неделю маму радовать, договорились?

– Договорились, мисс Кейт! – весело отвечает он. И тут же поворачивается к маме и так же крепко обнимает ее.

– Спасибо, Кейт, – с улыбкой благодарит она, поднимаясь со стула, чтобы обнять сына. – Макс, выйди в приемную, попрощайся пока с Диной. Я еще минутку поговорю с мисс Кейт.

– Хорошо, – кивает Макс. – До свиданья, мисс Кейт. – И он выбежал из кабинета, хлопнув за собой дверь.

Я обернулась к Джойе:

– Все в порядке?

Она улыбается:

– Это я вас хотела спросить. Вы какая-то не такая сегодня.

Я качаю головой, мысленно ругаю себя за то, что позволила личным

проблемам просочиться в общение с клиентами.

– Нет, Джойя, у меня все хорошо, – говорю я. – Спасибо.

Она шагнула ближе ко мне, все еще сомневаясь.

– И с Дэном по-прежнему все хорошо? – уточняет она.

– Замечательно! – торопливо отвечаю я. Мы с Джойей сблизились за эти пять лет. Я, к примеру, знаю, что она мать-одиночка, с трудом сводит концы с концами и делает все, чтобы жизнь ее сына была нормальной, счастливой. И она знает, что я все еще горюю о Патрике, хотя прошло почти двенадцать лет, но наконец начала встречаться с мужчиной, с которым у меня складываются серьезные отношения, и все мои знакомые уверены, что он мне идеально подходит.

– Значит, проблема не в этом? – мягко настаивает Джойя.

– Да нет, вообще нет никакой проблемы! – отвечаю я – слишком поспешно, слишком беспечно, и в ее глазах промелькнула тень. – За меня не беспокойтесь, – как можно тверже повторяю я. – У меня все будет хорошо.

Но когда Джойя наконец ушла, крепко сжимая руку сына и озабоченно оглянувшись на меня напоследок, я падаю на стул у рабочего стола и закрываю руками лицо. Прошло несколько минут, прежде чем я решилась открыть тонкую папку, врученную мне утром врачом, и перечитать диагноз: *хроническая ановуляция, первичное бесплодие*.

* * *

Через два часа я закончила работу, сделала записи и отправилась на юг по 3-й авеню к «Зидлю», уютному бистро на углу Лексингтон и 48-й, которое за последний год стало у нас с Дэном любимым местом. Столик был заказан на семь. Сердце колотилось все сильнее.

Придется сообщить Дэну диагноз, сказать, что мои яичники практически перестали работать, – но что, если после этого он не захочет со мной остаться? Первый мужчина после Патрика, с которым у меня серьезные отношения. Наконец-то я решилась соединить жизнь с другим человеком. Не могу его потерять. Не могу снова остаться одна.

«Ты пока не знаешь, как отреагирует Дэн», – напоминаю я себе, сворачивая за угол на 48-ю. О детях мы ни разу по-настоящему не говорили, разве что мимолетно, когда еще только познакомились. К моменту нашей встречи мне исполнилось тридцать восемь, казалось бы, биологические часы должны были громко тикать, но они почему-то

молчали. Мне казалось (хотя умом-то я понимала: с каждым годом забеременеть будет все труднее), будто у меня еще полным-полно времени. И оказалась совершенно не готова к тому, что на пороге сорокалетия мне заявят: мои шансы стать матерью уже в прошлом. Я еще даже не решила, хочу ли я детей, но чтобы эта дверь вот так захлопнулась перед носом – печальный сюрприз.

Что, если и для Дэна тоже?

Перед дверью «Зидля» я глянула на часы. Опаздываю уже на десять минут, и ловлю себя на мысли: вот бы развернуться и удрать! Напишу Дэну, извинюсь, выдумаю, будто задержалась с клиентом, лучше взять ужин на дом. Тогда у меня появится лишний час, чтобы все обдумать.

– Кейт?

Не вышло – Дэн вынырнул из ресторана, хмурится озабоченно.

– О! – Я выдавила улыбку. – Привет.

– Что стала в дверях? – Он шагнул ближе и положил руку мне на плечо. Сразу же стало легче. Мой Дэн. Идеальный мужчина – светловолосый, кареглазый, общий любимец. Всегда разумный, рациональный – и любит меня. И не бросит только из-за того, что подвели яичники.

Я сделала глубокий вдох.

– Дэн, я должна кое-что тебе рассказать.

Он слегка изменился в лице, но тут же улыбнулся и покачал головой:

– Может, для начала войдем?

– Ну... – промямлила я.

– Все расскажешь, как только сядем за наш стол, хорошо? – Он взял меня за руку и повел, не дожидаясь моего согласия.

– Сюрприз! – приветствовал нас хор голосов, едва мы переступили порог.

Я поперхнулась, отступила на шаг, не сразу привыкнув к полумраку. Оказалось, у дверей столпились мои самые близкие – сестра Сьюзен с мужем Робертом, их дети Сэмми и Келвин, моя лучшая подруга Джина и ее муж Уэйн и еще с десятков друзей и многолетних знакомых. И брат Дэна Уилл тоже тут, а также его лучший друг Стивен и несколько супружеских пар, с которыми мы иногда вместе проводим вечера.

– Что происходит? – в растерянности спросила я сестру. Она единственная способна в любой момент бросить мне спасательный круг, хотя и раскритикует заодно. Но на этот раз она улыбалась, тыча пальцем куда-то у меня за плечом.

Я медленно повернулась к дверям и с ужасом увидела, как Дэн

опускается на одно колено. Я захлопала глазами: сердце стучало оглушительно.

– Ты делаешь мне предложение?

– Похоже на то, – засмеялся он. Достал из кармана бледно-голубую коробочку и, открыв, поднес мне. – Кейт, ты выйдешь за меня?

Наши друзья захлопали в ладоши, время замерло, я не видела ничего, кроме кольца – великолепного солитера от Тиффани – и на какое-то мгновение думала только о том, до чего это кольцо не похоже на то, антикварное, с которым мне делал предложение Патрик. И тут же меня затопило чувство вины. Сейчас не время мыслям о Патрике. Да что же со мной такое! Нужно понять, вправе ли я ответить Дэну согласием прежде, чем сообщу ему диагноз. С другой стороны, не могу я отказать ему на глазах у всех наших друзей.

Да я и не хочу ему отказывать. Дэн – само совершенство, напоминаю я себе. Всегда придерживает дверь, пропуская меня. Никогда не забудет сказать «пожалуйста» и «спасибо». О таком зяте мечтает каждая мать. Вот и моя мама не упускала случая напомнить, как мне повезло с Дэном. О свадьбе я пока не думала, но ведь это логично: когда люди любят друг друга, они должны пожениться.

– Кейт? – Голос Дэна вернул меня к реальности.

Губы сами растянулись в улыбке. Пульс частил.

– Да! – услышала я собственный голос. А потом, поскольку это правда – ведь я знала, что правда, – я повторила громче: – Да, конечно же да! – Так должно быть, сказала я себе, и мое сердце наконец-то наполнилось радостью. – Да, я выйду за тебя, Дэн.

Он испустил ликующий крик, вскочил, прижал меня к себе, пустился в пляс, все поддержали его свистом и криками.

– Кейт Уэйтмен, – сказал он. – Я постараюсь сделать тебя самой счастливой женщиной на свете.

И я смеялась вместе с ним, когда он надевал кольцо мне на палец: луч света упал на бриллиант, рассыпался мириадами крошечных звезд.

– Я люблю тебя, Кейт, – шепнул он, прижимая меня еще крепче. Но за грохотом собственного сердца я едва разобрала его слова.

* * *

Потом еще час я улыбалась и смеялась как по команде, но все расплывалось в тумане: друзья болтали, рассказывали про нас обоих какие-

то анекдоты, называли нас «золотой парой», хлопали Дэна по спине, целовали меня в щеку. С полдюжины человек объяснили мне, что давно пора налаживать свою жизнь, и не меньше дюжины напомнили, какая Дэн замечательная добыча. Официантка – я перехватила ее взгляд – с жадностью рассматривала Дэна из-за барной стойки. Хорошо, что он не обращает на такое внимания.

На какое-то время, пока Сьюзен пыталась приструнить своих шумных отпрысков, а Дэн общался с друзьями, мы остались вдвоем с Джиной. Вот кто понимал, что творилось у меня в душе: она сама вышла замуж после шести лет вдовства, и признавалась мне: когда она дала согласие новому жениху, в ней сталкивались и бушевали противоположные чувства. Она винила себя за то, что окончательно уходит от старой любви. Радовалась, что обрела новую. Робко надеялась на счастье. И грустила о прошлом, с которым настало время распрощаться.

– Ты как? – спросила она, принесла мне бокал шампанского.

– Хорошо, – улыбнулась я. – Спасибо.

Она на миг прижала меня к себе.

– Подумать только, он арендовал весь ресторан целиком, чтобы сделать тебе предложение на глазах у всех друзей. – Она ухмыльнулась и покачала головой. – Вот это по-нашему, верно?

– Джина! – Я схватила ее за руку в тот момент, когда она собиралась отойти. – Как ты думаешь, если я не смогу родить, Дэн все равно захочет на мне жениться?

Она остановилась, вытаращилась на меня:

– Что у тебя случилось, Кейт?

Я почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

– Я сегодня была у врача. – Дрожащим голосом я быстро пересказала все, что сказал мне врач. – Это ничего, я с этим справлюсь, – тут же добавила я, видя ее озабоченный взгляд. – Но за Дэна я переживаю.

– Ох, Кейт. – Она снова крепко обняла меня. – А он-то хочет детей?

Я пожала плечами, высвобождаясь:

– Не знаю, мы никогда об этом не говорили.

– Никогда не говорили? – Не то чтобы в ее голосе звучал упрек, но я почувствовала свою неправоту.

– Как-то все случая не было. – Когда такое произносишь вслух, звучит глупо. – К тому же дети у меня должны были родиться от Патрика, – совсем уже шепотом закончила я.

Джина чуть не заплакала от сочувствия. Она прикусила губу, и я, зная ее столько лет, понимала, что она пытается удержать слова, рвавшиеся с

языка. В итоге она спросила только:

– А ты хочешь иметь детей?

– Не знаю. Но я не была готова услышать, что у меня их никогда не будет. – Я шмыгнула носом и вытерла глаза.

– Этого тебе никто не может сказать, – отрезала она. – Сделаешь ЭКО. Или, если у тебя остались еще яйцеклетки, поможет суррогатная мать. Можно и усыновить. Возможностей сколько угодно. Не смей даже думать, будто у тебя не осталось шансов.

– Спасибо. – Я с трудом улыбнулась в ответ.

– И Дэну сказать надо, – решила она. – Это ничего в ваших отношениях не изменит. Он тебя любит. Сегодня про это больше не думай, договорились? Наслаждайся моментом. А потом поговори с ним, Кейт. Это же нормально – все обсуждать с человеком, за которого выходишь замуж.

– Конечно. Обязательно. Прости, что вывалила это на тебя. Не волнуйся за меня, ладно? – И я отошла, удерживая на лице улыбку, прежде чем Джина успела что-то еще сказать.

Сломалась я через полчаса, когда в ресторан вошла мать Патрика.

– Кейт! – воскликнула она, подбежав, и крепко меня обняла. Пахло от нее, как всегда, корицей и тестом. – Меня Джина пригласила: ничего, что я пришла?

– Это здорово! – Мы с ней оставались друзьями после смерти Патрика и еще больше сблизилась, когда девять лет тому назад умер ее муж Джо. Патрик был их единственным сыном, и, когда не стало и мужа, я почувствовала себя ответственной за нее и была рада этой ответственности: свекровь стала для меня второй матерью. – Я так рада видеть тебя, Джоан.

– Извини, что опоздала. – Она возмущенно закатила глаза. – Представь, я не успела на поезд. И весь мой график полетел.

Джоан жила в Глен-Коув, небольшом городе на Лонг-Айленде, все в том же доме, где вырос Патрик. Иногда я задумывалась – каково там остаться совсем одной, в окружении прошлого? Я-то удрала из нашей с Патриком квартиры через три недели после похорон, не могла вынести пустоту на том месте, где была наша жизнь. Каждый раз, открывая дверь, я снова надеялась увидеть его. К тому же соседи стали жаловаться: я вдруг вставала посреди гостиной и вопила в голос. Хозяин квартиры только рад был досрочному прекращению аренды.

– Ничего, – сказала я. – Ты уже тут, это главное. – Только сейчас я почувствовала, что по моим щекам катятся слезы. – Джоан, послушай, ты на меня не сердись.

– За что? – удивилась она.

– Я... я не хочу, чтобы ты подумала, будто я забываю Патрика, – всхлипнула я, утирая глаза. Не сразу решилась встретиться с ней взглядом.

– Лапонька, – ласково ответила она мне, – ты имеешь полное право строить свою жизнь. Ты *должна* жить дальше. – Она обняла меня одной рукой. – Давай выйдем, подышим? – Она вывела меня из ресторана, за углом вынула из сумочки бумажный платок и вручила мне. – Кейт, дорогая моя, прошло почти двенадцать лет. Патрик хотел, чтобы ты была счастлива. Я знаю, он смотрит на тебя с небес и улыбается.

Мы одновременно посмотрели вверх. Подумала ли она то же, что и я: небо нынче сплошь затянуто облаками, звезд не видно и кажется, будто небо очень далеко.

– Ты все еще носишь монетку? – тихо спросила она, так и не дождавшись от меня ни слова.

Я кивнула и вытянула из-под блузки серебряный доллар на цепочке. Последний подарок Патрика. Ювелир по моей просьбе просверлил монету и продел в нее длинную цепочку.

Джоан слегка улыбнулась.

– Патрик верил, что в мире много хорошего, – заговорила она, дотронувшись до моего талисмана. – Он верил в любовь, в удачу и счастье и хотел, чтобы все это было у тебя. В этом смысл серебряного доллара, ты же знаешь. Он хотел для тебя самой лучшей жизни, какая только возможна.

– Я всегда буду любить его, ты мне веришь?

– Верю. – Джоан снова нежно обняла меня. – Но это не значит, что ты не вправе любить кого-то еще. Жизнь продолжается. Ты ведь нашла свое счастье, да, моя хорошая?

Я кивнула.

– Значит, ты поступаешь правильно. А теперь вернемся на вечеринку? Познакомь меня со своим женихом, пожалуйста.

* * *

После того как я познакомила Джоан с Дэном и выпила еще один бокал шампанского, кто-то поставил Эрика Клэптона – *Wonderful Tonight*. Дэн с улыбкой протянул мне руку:

– Наш танец, моя прекрасная невеста.

Он театрально закружил меня на импровизированном танцполе, и мы привычно подстроились под неторопливый ритм.

– А мать Пата довольно симпатичная, – шепнул он.

Гости уже тоже танцевали парами.

– Патрика, – поправила я. Меня раздражало это уменьшительное имя: покойного мужа никто, кроме Дэна, так не называл. – Да, она замечательная. У нас с ней всегда были прекрасные отношения.

– Ну да. – Чуть помедлив, он добавил: – И ты собираешься поддерживать эти отношения и впредь?

Я высвободилась, посмотрела на Дэна в упор:

– Разумеется. – Он промолчал, и я продолжила: – С какой стати мне их прерывать? – Интонация получилась сварливая, и я поспешила смягчить ее улыбкой.

Дэн снова привлек меня к себе.

– Просто я подумал: когда мы с тобой поженимся, с этой частью прошлого можно бы и расстаться. Однако настаивать не буду. С виду она приятная женщина.

– Она мне родной человек, Дэн. И это не изменится.

– Все правильно, – тут же ответил Дэн.

Однако я уже не чувствовала, что все правильно: Дэн, мне показалась, так не считал.

Как только доиграла музыка, Джина подскочила ко мне с очередным бокалом шампанского, и, сходя с танцпола, я осушила шампанское в два глотка. Подруга поглядела на меня с тревогой:

– Что-то случилось? – Она забрала пустой бокал и махнула официанту, чтобы принес еще.

– Ничего, – ответила я. Пузырьки шампанского постепенно наполняли голову легкостью.

– Из-за Джоан? – догадалась она. – Дэн что-то сказал о ней?

Я кивнула и оглянулась на Дэна, который с несколькими своими коллегами танцевал теперь под YMCA. Каким-то образом он ухитрялся и это делать клево.

– Да, – только и ответила я. Джине ведь ничего объяснять не нужно.

– Ты поступаешь правильно, даже не сомневайся, – сказала она.

Официант принес полный бокал. На этот раз я пила шампанское медленными глотками. Голова уже слегка кружилась.

– Точно?

– Безусловно, – решительно подтвердила она. – Джоан – часть твоей жизни. Так будет всегда. Без вопросов.

– Вот и хорошо.

Прошло еще несколько часов, дело шло к ночи, я выпила много

шампанского, станцевала под дурацкую версию *Call Me Maybe* с Сэмми и Келвином, а потом Сьюзен повезла их домой укладываться спать. Около десяти вечера я усадила Джоан в такси и попросила позвонить мне, как только она доедет. И снова танцевала с Дэном, а он обнимал меня и уверял, что счастливее его нет никого на свете.

Около полуночи Стивен, приятель Дэна, поставил *Guns N'Roses* – композицию *Sweet Child O'Mine* – и потащил Дэна с парнями танцевать. Я присела у барной стойки и, прекрасно зная, что песня на самом деле не о ребенке, невольно снова задумалась о детях.

То ли от шампанского, то ли оттого, что мир вокруг меня словно кружился в веселом танце, но, уронив голову на стойку бара, я вдруг стала воображать, как бы все обернулось, если бы мы с Патриком сразу, как только поженились, решили завести ребенка. Если бы я забеременела до его смерти, задолго до того, как яичники исчерпали свой ресурс? Сейчас нашему ребенку было бы одиннадцать. Часть Патрика осталась бы мной. Тоска стиснула мне горло.

Заиграли *Rolling Stones*. Дэн подошел ко мне, обнял за плечи.

– Я тоже сегодня счастлив, – шепнул он.

Я не сразу сообразила, что плачу и что он решил, будто это от радости.

Я не стала его разубеждать, я ведь и правда была счастлива. Еще как! Многим ли выпадает в жизни второй шанс? И я стала целовать Дэна взасос, пока Стивен и другие его друзья не засвистели одобрительно с другого конца барной стойки. Тогда я оторвалась от его губ и заглянула ему в глаза.

– Спасибо тебе, – торжественно произнесла я.

– За что? – усмехнулся он и поцеловал меня в лоб.

– За то, что любишь меня. За то, что я почувствовала себя желанной, за то, что хочешь на мне жениться и стараешься меня понять, и еще... – Я хотела еще что-то перечислить, но забыла что.

Дэн рассмеялся:

– Кто-то выпил многовато шампанского. – Он помог мне встать, и я сообразила, что он прав: меня слегка пошатывало. – Отвезу-ка я свою красотку-жену домой и уложу в постель.

– Пока еще не жену, – возразила я, удивляясь, что слова склеиваются, словно намазанные сиропом. – Но ладно, хорошо. В постель.

Он снова засмеялся, подхватил меня на руки, помахал друзьям на прощание и понес. Я уже спала, уронив голову на его железную грудь.

Глава 3

Щурясь от утреннего света, я смутно почувствовала: что-то не так. Слишком яркий свет для нашей спальни с окнами на запад. К тому же Дэн, переехав в эту квартиру полгода назад, установил глухие жалюзи: по утрам в комнате обычно темно, хоть глаз выколи.

Куда я попала?

Я поморщилась от головной боли – явно перестаралась вчера с шампанским. Сев на постели, я огляделась, все больше удивляясь по мере того, как глаза привыкали к свету. Совершенно определенно не спальня Дэна. На окнах белый тюль, кровать квинсайз из тика с высоким скругленным изголовьем, а не угольно-черная кингсайз, простыни и покрывало голубые, мягкие, а я уже привыкла к серому скользкому шелку. И все же эта комната смутно мне знакома, вот только не пойму откуда.

Может быть, Дэн вчера уложил меня отсыпаться в квартире у друзей? Я так напилась, что он не смог довезти меня до дому? Я напрягала память, но вспоминалось только одно: как я засыпаю на груди у Дэна, едва мы вышли из бара.

– Дэн? – осторожно окликнула я.

В коридоре послышались шаги, кто-то негромко насвистывал. И снова это показалось странно знакомым. Мне стало не по себе. Дэн никогда не свистел. На первом же свидании признался, что неумение свистеть считает одной из главных своих неудач в жизни. Так он меня впервые рассмешил.

– Малыш? – попыталась я снова, совсем уж неуверенно.

И тут свистевший вошел из коридора в комнату, и сердце мое оборвалось: это был вовсе не Дэн.

А Патрик.

Мой муж Патрик.

Погибший двенадцать лет назад.

– Доброе утро, – сказал он с улыбкой.

Звуки глубокого, такого знакомого голоса – точно удар под дых. Я-то думала, что никогда больше его не услышу. *Этого не может быть.*

Неотрывно глядя на Патрика, я постепенно подмечала, что он выглядит не совсем так, как прежде. Темные волосы поредели на висках, резче обозначились морщинки вокруг глаз, он несколько погрузнел. Таким я себе его воображала, так он должен был бы выглядеть, проживи мы вместе все эти годы. Но глаза были прежние – яркие, зеленые, добрые, и я

не могла ни выдохнуть, ни вдохнуть, ни заговорить.

– Что же это такое? – пролепетала я наконец, сама себя едва слыша. Этот мягкий свет, который наполняет комнату, с благоговейным страхом поняла я, – особый мягкий свет, какой возникает, когда солнечные лучи встречаются в воздухе с потоком тончайших пылинок. Тончайшая паутина света, при виде которой мне всегда представлялся волшебный порошок и чудесное исполнение желаний. Наверное, сейчас это и происходит, решила я: мистика, магия.

Но пока я глядела на Патрика, со мной происходило что-то странное: память словно бы восстанавливалась. Я огляделась по сторонам и поняла: откуда-то мне известно, что в углу приткнулся изящный пылесос фирмы «Дайсон», что на столике у кровати лежит календарь «Слово на каждый день». А на секретере стоят желтые розы в синей вазочке.

Это же наша прежняя квартира, поняла я вдруг. Та самая, на Чемберс-стрит, где мы жили, пока с Патриком не случилась беда. Мебель по большей части новая, но общие очертания комнаты знакомы, и паркет, который мне так нравился, и стены, в которые я колошматила кулаками, пронзительно визжа и требуя Бога к ответу: как посмел он забрать у меня любимого. Но что же с нами происходит сейчас?

– Кэтили? – озабоченно окликнул Патрик. Вырвал меня из путаницы разбредаящихся мыслей, вернул на землю.

Слезы катились по щекам. Я тщетно пыталась ответить ему: изо рта вырывались бессмысленные восклицания, одни гласные. Какая-то часть меня недоумевала, не снится ли это, но чем дольше я здесь находилась, тем становилась увереннее: нет, не снится. Никогда я не видела снов настолько ярких и подробных. Но если это не сон, то что?

Патрик присел на кровать рядом со мной.

– Похоже, ночка у тебя выдалась еще более веселая, чем я думал, – усмехнулся он.

Он погладил мою руку, и все тело вспыхнуло пламенем. Таким реальным было это прикосновение и так напугало меня, что я отшатнулась и тут же об этом пожалела, ведь я бы на все пошла, чтобы вновь ощутить прикосновение его рук.

– Что такое, Кейт? – спросил он и пальцем вытер мне слезы. – Что случилось?

– Ты живой! – выдохнула я, захлебываясь рыданиями. Только его ладонь на моем лице и удерживала меня от безумия. Если сейчас он отодвинется от меня, я вылечу напрямиком в открытое окно, обратно в покинутую мной реальность.

– Ну да, живой! – с недоумением подтвердил он.

Я шмыгнула носом, попыталась объяснить:

– Но ты же... ты погиб двенадцать лет назад. – И едва я произнесла эти слова, комната начала расплываться у меня перед глазами. В панике я ухватила Патрика за руку.

– Хорошая моя, что ты сказала? – откуда-то издали донесся его голос. – Как тебе такое в голову пришло?

– Потому что... – Я запнулась, видя, как продолжает тускнеть и размываться окружавший меня мир. Должно быть, своим сомнением я уничтожала его. Значит, это все-таки сон, ведь именно так происходит, когда слишком глубоко проваливаешься в сновидение. Но что бы это ни было, я отчаянно хочу уцепиться, задержаться здесь, насколько смогу. Поняв, я сделала глубокий вдох, криво улыбнулась и сказала: – Сама не знаю. Не пойму, что на меня нашло. Прости. Конечно же, вот он ты, прямо тут.

И комната вновь навелась на резкость. И вновь Патрик здесь, у меня перед глазами. Несколько секунд я могла только изумленно озираться, вбирая в себя все это. Неправдоподобную синеву за окном. Пронзительную желтизну роз в синей вазе. Тускло-алые цифры на часах у кровати. Словно кто-то расширил в два раза цветовую шкалу, сделав каждый оттенок отчетливым и невыносимо прекрасным. Я глядела на Патрика, и мне казалось, он тоже светится на фоне этих насыщенных красок – и тем не менее остается таким, как был. Только хмурится озабоченно.

– Ты меня пугаешь, Кэтили, – сказал он, и комната вновь начала мерцать, а я еще отчаяннее уцепилась за его руку.

– Нет, нет, прости, – торопливо повторяла я. – Мне плохой сон приснился.

Едва произнесла эти слова, я взмолилась про себя: пусть они окажутся правдой. Может быть, *вот это* – реальность, а все, что случилось в последние двенадцать лет, – всего лишь страшный сон.

– Тебе приснилось, что я погиб? – Он смотрел на меня с тревогой, и я почувствовала, как слезы вновь подступили к глазам.

– Патрик, ничего страшнее я вообразить не могла. Ты не представляешь, как я счастлива снова оказаться здесь, с тобой.

Его лицо смягчилось.

– Конечно, я тут, с тобой. Где же еще мне быть? – Он с улыбкой пихнул меня локтем. – Или за двенадцать лет тебе надоело просыпаться рядом со мной?

Я выдавила смешок, хотя это не было смешно. Ни капельки.

Он снова глянул на меня с тревогой и отодвинулся:

– Ты сегодня очень странная. Давай-ка принесу тебе кофе – и таблетку ибупрофена. Годится? – Он поднялся, шагнул к двери, а я, не соображая толком, что творю, потянулась с кровати и ухватила его за руку.

– Только не уходи! – закричала я.

Если он выйдет из комнаты, я конечно же никогда его больше не увижу.

– Хорошо, – осторожно ответил он. – Пошли вместе?

Я кивнула, чувствуя себя полной дурой, и Патрик, в очередной раз опасливо покосившись на меня, помог мне встать. Голова кружилась: стоило приподняться – и опять все поплыло.

Патрик взял меня за руку и повел в коридор. По пути я выглянула в окно и убедилась, что полуразвалившееся похоронное бюро, торчавшее напротив, снесли, вместо него теперь симпатичный зеленый двор, тренажеры под открытым небом, желтая горка, тополь растет.

– Все изменилось, – пробормотала я.

– Кейт. – Голос Патрика слегка сел от тревоги. – Ты, кажется, все-таки заболела.

Я обернулась к нему, он так близко, невозможно дышать. Я сделала шаг ближе, прижалась к нему, и тело вдруг вспомнило, как точно я уместалась у него под мышкой. Я погладила его по лицу: утренняя щетина на подбородке – что может быть реальнее?

– Я... я не понимаю, как попала сюда. – Я подбирала слова, пытаюсь объяснить, что со мной творится. Коридор замерцал, заискрился по краям: снова я нарушила тонкую ткань сна.

– Где же тебе и быть, если не со мной? – Патрик присмотрелся ко мне, бережно меня развернул и повел обратно в спальню. – Знаешь что, дорогая? Давай я лучше принесу тебе ибупрофен. Ты сегодня сама не своя. Поваляйся еще немного в постели.

Я позволила отвести меня в спальню. Он прав: я в полном смятении, ноги подкашиваются.

– Не уходи! – шепнула я ему.

– Я на минутку, – сказал он, подтыкая под меня одеяло. – Обещаю.

– А еще ты обещал, что всегда будешь со мной, – прошептала я, когда он скрылся в коридоре, а я осталась лежать, глядя в потолок и пытаюсь разгадать, что же происходит. Почему мне все здесь так знакомо? Почему я отчетливо знаю все наперед? Знаю, что пузырек с ибупрофеном, за которым Патрик пошел, – дженерик от «Дуан Рид», – стоит в ванной на второй полке возле раковины, и там осталось не более дюжины таблеток. Знаю,

что в списке покупок, который висит на холодильнике, ибупрофен значится под молоком, маршмеллоу, арахисовой пастой, замороженным луком и туалетной бумагой, и весь этот листок исписан моим почерком. Откуда мне известно, что, попытайся я сейчас включить лампу на тумбочке с другой стороны кровати, где обычно спит Патрик, она не загорится, потому что лампочка перегорела прошлой ночью? Глубоко вдохнув, я потянулась к лампочке и щелкнула кнопкой на цоколе. Не включается. Я устало выдохнула, сдаваясь.

Невозможно отделаться от мысли, что это не сон, а самая подлинная реальность. Но как такое может быть?

Прислушиваясь к стуку собственного сердца, я потянулась за телефоном. Мы так и не отказались от стационарного аппарата, вспомнила я, потому что Патрик считает его более надежным: вдруг однажды понадобится набрать 911? *Откуда я это знаю?* Покачав головой, я набрала домашний номер сестры. Если все это реально, должно быть, она тоже попала в эту параллельную реальность и сможет мне все объяснить.

Но из трубки доносится механический голос: линия отключена. Я кладу трубку, потом беру ее снова и набираю тот же номер еще раз – наверное, в смятении я перепутала цифры. Тот же механический голос. Я попробовала позвонить на мобильный, однако вместо голоса сестры автоответчик ответил мужским басом. Под ложечкой засосало. С ней что-то случилось?

– Со Сьюзен все в порядке? – спросила я Патрика, едва он вернулся в комнату. Неужели во сне вместо мужа погибла моя сестра, один ужас заменен другим? – Пожалуйста, скажи мне, что все хорошо. Она ведь жива?!

Брови Патрика сошлись на переносице.

– Разумеется, жива, солнышко, – ответил он, и облегчение затопило меня теплой волной. – С чего ты вдруг?

– Я пыталась позвонить ей, – призналась я, и меня опять затрясло. Я повторила на память ее номер, словно пытаясь таким образом вернуть.

– Да ведь это старый номер, Кэтили. – Мой муж покачал головой.

Я уставилась на него и вдруг сообразила – словно кто-то открыл в моей голове нужный файл:

– Она же переехала! Роб получил другую работу. Одиннадцать лет назад.

– Разумеется, – все так же озабоченно глядя на меня, подтвердил Патрик. – В Сан-Диего.

– Точно! – шепнула я. И тут же вспомнила, что Сэмми учится

серфингу, что Келвин три недели назад упал, катаясь на скейтборде, и сломал руку, что они живут в маленьком желтом доме с синими ставнями в одиннадцати кварталах от океана. «Откуда мне это известно?» – спросила я себя.

Патрик улегся рядом, обхватил меня рукой, подтянул поближе к себе.

– Солнышко, что ты такое говоришь?

– Не знаю, – пробормотала я. Прикрыла глаза, вдохнула запах – лесной, коричный, единственный, несомненный, его. Прижалась к теплой, надежной груди. Я и мечтать не смела, что когда-нибудь это вернется. Приподнявшись, я стала его целовать, и поцелуи тоже оказались в точности как прежде. Губы Патрика нежны и податливы, и он, как всегда, погладил меня по правой щеке большим пальцем левой руки. Вкус его губ – вкус зубной пасты, жизни, любви, я целовала его жадно, изголодавшись, слезы снова хлынули из глаз, но, пока я целовала Патрика, я ничего не боялась.

Как вдруг меня пронзило острое чувство вины, и я снова отодвинулась от Патрика: *получается, я изменила Дэну?* Нет, ерунда. Никому я не изменяю. Это же все ненастоящее!

– Скажи, что любишь меня, Патрик! – шепотом потребовала я: необходимо услышать это прежде, чем на меня снова обрушится сокрушительная реальность.

Патрик слегка отодвинулся, чтобы прямо поглядеть мне в глаза.

– Сильнее, чем ты можешь себе представить, – очень серьезно ответил он. – Я знал еще прежде, чем тебя встретил...

– ...Что ты – моя судьба! – подхватила я, чувствуя на щеках мокрые дорожки от слез.

Он тихо, бережно целовал меня, волшебство продолжалось. Наш поцелуй становился все более страстным, но в этот момент из двери донеслось:

– Папа!

Я обернулась, как в замедленной съемке, и увидела девочку в розовой ночной рубашке. Волнистые каштановые волосы ниже плеч, огромные зеленые глаза, в точности как у Патрика. Сердце затрепетало.

Я тотчас ее узнала, хотя память отказывалась увязывать между собой известные мне факты: что ей через месяц, восьмого июля, исполнится тринадцать; что она любит *One Direction* и в особенности Луи, поскольку он самый взрослый; что ей нравится рисовать и играть на пианино. На прошлой неделе получила за словарный диктант 4 с плюсом, сделав ошибки в словах «благословение» и «физиономия».

– Привет, – тихо окликнула я.

Девочка испуганно посмотрела на меня:

– Мама?

Внутри что-то оборвалось.

Я снова обернулась к Патрику:

– Я – ее мама?

Я понимала – конечно, так оно и есть, но в ушах уже загудело. Я успела увидеть, как Патрик приоткрыл рот, чтобы ответить, ощутить, как он берет меня за руку, но свет уже стал нестерпимо ярким, и Патрик в нем постепенно растворялся.

– Вернись! – кричала я, но он меня не слышал.

Он пропал из виду, комната тоже исчезла. В самую последнюю секунду я почувствовала, как сильные живые пальцы выскальзывают из моей сжатой ладони.

Глава 4

Будильник вырвал меня из сна, и в тот же момент я припомнила прикосновение Патрика, теплое, надежное, живое. Я резко села, заморгала, привыкая к темноте.

– Патрик! – позвала я, но ответил мне лишь будильник – повторным пронзительным звонком. Я нажала кнопку и в наступившей тишине поняла, что вернулась в реальность, ту, которую делю с Дэном, ту, в которой я навеки осталась вдовой.

– Патрик! – бессильно повторяла я, уже зная, что его здесь нет.

Вот проступают очертания комнаты и исчезает последний ошметок надежды. Глухие жалюзи блокируют утренний свет, я узнаю прохладный шелк постельного белья. Сон был всего лишь сном. Патрика нет. Только никак не могу избавиться от ощущения полной реальности. Его прикосновений. Вкуса его губ. И этого яркого, небывалого света.

И хотя подробности нашей встречи быстро померкли после пробуждения, я никогда не смогу забыть девочку с прекрасными зелеными глазами – глазами Патрика. Совершенно живую. Совершенно мою. В той жизни я, несомненно, любила ее больше всего на свете. Горло сдавило, не продохнуть, когда это «мама» снова прозвучало в памяти.

Но ведь я откуда-то знала, что тринадцать ей исполнится восьмого июля, то есть она родилась через четыре месяца после того, как мы с Патриком впервые были близки, а значит, это – всего лишь сон, а не чудесное проникновение в ту жизнь, которая была мне предназначена.

– Я не ее мама, – прошептала я и сама удивилась, как мучительна мне эта трезвая мысль. – Это сон. – Но сердце колотилось, не принимая резонов, и перед глазами все еще стояло ее лицо.

Я включила лампу на тумбочке. Возле будильника – стакан воды, пузырек адвила и записка от Дэна: он рано умчался на работу, но надеется, что у меня не будет тяжелого похмелья. «Никогда не видел, чтобы ты пила столько шампанского», – снисходительно уточнил он.

Дрожащими руками я закинула в рот две таблетки, голова действительно разрывалась от боли. Запив таблетки, я снова откинулась на подушку и уставилась в потолок.

– Что со мной творится? – вслух спросила я.

Потом нащупала свой айфон и зашла на сайт для недавних вдов – YoungWidowTalk.com. Я время от времени туда заглядывала, хотя, конечно,

не при Дэне. Забила в поисковое поле «яркий сон о муже» – выскочило несколько линков. Открывая их один за другим, я надеялась, что хотя бы одна вдова видела такой же невероятно реальный сон о своем муже – живом, в настоящем, – но попадались только сны о прошлом. Поразительно, как часто вдовам снится, будто покойный муж отвергает их ради новой подружки или жены. Меня эти рассказы опечалили: я и представить себе не могла, чтобы Патрик променял меня на другую. Я еще искала «ребенок во сне», но тут и вовсе линков не было. Похоже, мне выпала новая, уникальная форма безумия.

Со вздохом я отложила телефон и поднялась. Ноги охладили мраморный пол.

* * *

Как в полусне я провела утренние сеансы и к обеду прекрасно понимала, что в таком состоянии толку клиентам от меня чуть. Я попросила Дину, секретаршу, общую с еще тремя терапевтами, отменить приемы, назначенные на вторую половину дня.

– Что-то случилось? – с тревогой спросила она. – Вы же никогда не отменяете запись!

– Неважно себя чувствую, – ответила я. И не то чтобы сказала неправду.

Нужно было подождать, пока Дина всех обзвонит. Я вернулась в кабинет и вынула из ящика стола вставленную в рамку фотографию Патрика – я спрятала ее после пятого свидания с Дэном.

Годами эта фотография стояла у меня на столе, каждый день я много раз встречалась с ней взглядом. Но когда в моей жизни замаячили серьезные отношения с другим мужчиной, я сказала себе: пора расставаться с Патриком. Сказано – сделано. Но, видимо, не до конца.

И в эти два года я время от времени вынимала фотографию и вглядывалась в нее, ища ответа. Стоило мне увидеть эти спокойные, изумрудного цвета глаза, как в моей голове распутывались самые сложные проблемы.

Но сегодня, когда я достала фотографию, все только усложнилось. На фотографии он совсем молодой, не такой, каким я видела его ночью. *Это было во сне*, напомнила я себе. И все же. Легонько обвела пальцем его глаза, припоминая, как трогательны эти морщинки вокруг них – морщинки, которым еще только предстояло проступить. Коснулась густых темных

волос. Как их украсила бы седина на висках...

Зажужжало переговорное устройство.

– Я всем дозвонилась, Кейт. – Металлический голос Дины заполнил кабинет. – Все пациенты на вторую половину дня отменены. – Помолчав, она все же спросила: – Все ли у вас в порядке? Может быть, что-то еще нужно?

– Нет, все прекрасно! – Я даже смешок смогла изобразить. – Спасибо!

Несколько секунд слышались только электрические щелчки. Потом:

– Хорошо, тогда я ухожу на обед.

– Отлично! – еще жизнерадостнее откликнулась я. – Значит, до завтра.

Я снова спрятала фотографию Патрика в ящик, под стопку тонких папок, и вынула телефон. Сьюзен ответила сразу же.

– Я взяла отгул на полдня, – сказала я ей. – Можно к тебе заглянуть?

– Что случилось?

– Ничего. Не могу повидаться с сестрой просто так?

– Обсудим это, когда до меня доберешься, – сурово предупредила она. Как всегда, видит меня насквозь!

Через полчаса такси остановилось возле кирпичного дома. Сьюзен встретила меня на пороге и молча вручила бокал белого вина.

– Всего час дня! – напомнила я, но от вина не отказалась.

– Я слышу по голосу, когда тебе надо выпить. Сегодня как раз такой случай.

Она повернулась и вошла в дом, не дожидаясь моего ответа. Я пошла следом, на ходу делая первый глоток. Сестра, конечно, права.

– Привет, ребята! – Я заглянула в гостиную, где приклеились к телевизору Сэмми и Келвин. Какая-то мультяшная мышь – незнакомый мне персонаж – учила уму-разуму мультяшного медведя, и Келвин радостно хихикал. Сэмми обернулась, улыбнулась и помахала мне. Я с грустью подумала о зеленоглазой девчушке из моего сна.

Сьюзен дожидалась меня в кухне, тоже с бокалом белого: на столике – открытая бутылка шардоне и мисочка с чипсами.

– Ну? – заговорила она, едва я вошла. – Выкладывай. Это из-за вчерашней помолвки?

– Нет, – тут же выпалила я. Сьюзен вопросительно изогнула бровь, и я, уставившись себе под ноги, забормотала: – Это глупо, но мне сегодня приснился безумный сон. То есть я думаю, что это был сон.

Голос мой замер, Сьюзен ничего не говорила, и я заставила себя поднять глаза и встретиться с ней взглядом. Спокойная, подтянутая Сьюзен. Мне бы научиться так себя держать. А меня трясло, как наркомана

при ломке.

– Продолжай, – хладнокровно распорядилась она. И я рассказала обо всем: как проснулась подле Патрика, слышала его голос, ощущала прикосновение. Рассказала, что теперь у него на висках седина и он прибавил в весе, но прикосновение все такое же – знакомое до боли. Сестра смотрела все печальнее. Я договорила, чувствуя, как у меня по щекам катятся слезы.

Сьюзен вздохнула, поставила свой бокал на стол, обняла меня.

– Просто нервы, сестренка. Принять предложение Дэна – штука серьезная. И не такое могло присниться.

– Но раньше мне ничего подобного не снилось, – еле слышно возразила я. – Все так реально, словно происходило на самом деле.

– Ну конечно же. – Она разжала объятия, отступила на шаг. – Какая-то часть тебя угрызается, что ты поступаешь неправильно, живя своей жизнью, без него. Но давно пора, Кейт. В этом нет ничего плохого. Патрик хотел, чтобы ты была счастлива.

Я отпила еще вина и прикинула, стоит ли рассказывать о девочке с зелеными глазами, – увы, Сьюзен и без того наверняка подумала, что я схожу с ума.

– Мне показалось, будто я увидела мою настоящую жизнь, – только и произнесла я.

Сьюзен крепко ухватила меня за обе руки, требуя, чтобы я поглядела на нее.

– Вот *это* – твоя настоящая жизнь. Прямо здесь. Прямо сейчас. Понимаю, гибель Патрика была для тебя ужасным ударом, но с тех пор прошло много лет. Нельзя возвращаться к воспоминаниям всякий раз, когда у тебя появляется шанс сделать шаг вперед. Так вся жизнь пройдет мимо. Неужели ты этого хочешь?

– Нет. – Я шмыгнула носом, потом с трудом заставила себя посмотреть Сьюзен в глаза. – Но мне было очевидно, что мое место – там. Я знала там все. Откуда бы? Это был мой дом, мое место в жизни.

– Только послушай себя! Это только сон, – строго повторила она. – Скажи это, Кейт!

– Но... – Кейт!

– Это только сон, – послушно повторила я.

Тут в дверях кухни возникла Сэмми, и я поспешила скрыть от нее свои слезы, уткнувшись лицом в бокал, но от Сэмми не спрячешься.

– Что случилось с тетей Кейт? – спросила она маму, тревожно поглядывая на меня.

– Мы вспоминали твоего дядю Патрика, и тетя Кейт немножко загрустила, – ответила Сьюзен.

Сэмми была озадачена:

– Но у меня нет дяди Патрика.

Я задохнулась. Сьюзен повела Сэмми обратно в гостиную, и я слышала, как в коридоре она напоминает дочке о том, что у меня был когда-то муж и я иногда вспоминаю его и плачу.

Сьюзен вернулась через минуту, слегка покрасневшая.

– Ты уж нас прости, – сказала она. – Мы не говорим о Патрике при детях, они еще не готовы думать о смерти. Мне так жаль, что она тебя расстроила.

– Это я сегодня в кусках. Не ее вина. – Я выдавила улыбку и попыталась взять небрежный тон. – Кстати, тебе будет интересно: в моем сне вы переселились в Сан-Диего. У тебя наверняка был суперский загар. Так-то!

Сьюзен застыла:

– В Сан-Диего?

Я кивнула:

– Ага, одиннадцать лет назад, Роберту предложили там работу. Вот повезло!

Сьюзен сердито сжала губы.

– Я же просила родителей не говорить тебе, – пробормотала она. – Давно ты об этом знаешь?

– О чем?

– О предложении, которое сделали Роберту.

Я тупо уставилась на нее, и сестра нетерпеливо вздохнула.

– Через год после смерти Патрика Роберту предложили действительно очень заманчивую работу в Сан-Диего.

– Вот как! – По рукам у меня побежали мурашки.

Она кивнула.

– Но мы не захотели переезжать.

– Из-за меня? – пролепетала я.

Сьюзен помедлила с ответом.

– Ты бы поступила так же. Но от кого ты узнала? От мамы?

– Нет. – Я снова уперлась взглядом в пол, окончательно сбита с толку.

– Так кто тебе рассказал?

Я беспомощно пожала плечами – стук сердца оглушал меня.

– Патрик.

Ведь этого не может быть, никак не может быть. Патрик и та жизнь, которая была мне предназначена, такая отчетливая во всех деталях, – это только сон; но откуда же я тогда узнала про Сан-Диего?

Эта мысль не оставляла по пути от Сьюзен, пока я ехала на 86-м автобусе к метро. Мне не давал покоя не столько сон – хотя при виде Патрика ожило все то, что, как мне казалось, я давно похоронила. Непонятно было, что этот сон означал. Если я получаю информацию, которая как-то связана с реальностью, не кроется ли за этим нечто еще более важное?

– С ума не сходи, – сказала я себе, и довольно громко, судя по тому, как прохожий сочувственно глянул на меня и постарался обойти как можно дальше. Я виновато улыбнулась ему и больше не поднимала головы, пока не нырнула в метро.

Я села на шестой маршрут, но вышла не на Гранд-Сентрал, как обычно, а доехала до Бруклинбридж – Сити-холл, а оттуда пошла в западном направлении, туда, где была наша прежняя квартира. Я решила, что должна снова увидеть это место, хотя бы затем, чтобы навсегда убедиться: Патрика больше нет и нашей с ним жизни давно пришел конец.

Я сознательно избегала этого района Манхэттена с тех пор, как переехала. Я даже не приезжала к знакомым на день рождения, если они праздновали его здесь, я просила таксистов выбирать другой маршрут, пусть с их точки зрения и нелепый. Кое-как убедила себя, что самый облик этого района заперт в сейф вместе с прочими воспоминаниями о годах с Патриком, и ключ потерян. Но этой ночью сейф сам собой распахнулся.

Я добралась до двери моего прежнего дома, поднялась по ступенькам и, набрав в легкие побольше воздуха, прочитала список жильцов. Вот строчка 5F, где когда-то прямыми, уверенными буквами – на века – было выведено П.+К. Уэйтмен. Теперь под звонком написано просто: «Шуберт».

Я была разочарована – хотя чего я ожидала? Что Патрик по-прежнему живет тут в параллельной реальности вместе с привидевшейся мне дочерью, что их имена написаны тут всем на обозрение? Я покачала головой и снова вслух напомнила себе:

– Не дури.

И все же не удержалась от искушения и нажала кнопку звонка. Не дождавшись ответа, двинулась прочь и только тут заметила, что похоронного бюро на углу нет – в точности как в моем сне. Затаив дыхание,

я нырнула в узкий проулок справа от дома. Оттуда, сквозь узкие щели новой деревянной ограды, я смогла разглядеть ряд тренажеров и крепкий тополь.

– Невозможно, – прошептала я, отступая, поспешно выходя из переулка на Чемберс-стрит, где уже темнело. Больше десяти лет я не заглядывала в эти места, откуда же мне известно об этих тренажерах и о тополе? Да еще во всех подробностях? Откуда я вообще о них знала?

Я вернулась и снова позвонила в квартиру 5F. Ответа по-прежнему не было. А я все ждала, точно надеялась услышать сквозь потрескивание статических разрядов голос Патрика.

Безумие.

Патрика я похоронила ясным сентябрьским утром много лет назад.

Глава 5

Я вернулась домой в полпятого, просидела полчаса на диване, глядя в стену и ничего не соображая, а потом встала и направилась к бару в углу гостиной – обычно я в него не заглядываю.

Я с удовольствием выпью вина за ужином или пинту пива, болтая на досуге со Сьюзен, но в целом спиртным нисколько не увлекаюсь, так что если сейчас опрокину рюмку-другую чего покрепче, то, может быть, сумею снова уснуть, вернусь в то сновидение, к Патрику. Непременно нужно увидеть его снова, убедиться, что я еще не сошла с ума. Впрочем, не это ли пытается доказать себе любой сумасшедший?

Я отыскала у Дэна бутылку «Бэзил Хейдена», налила немного поверх кубиков льда. Бурбон обжег горло и подействовал почти сразу. Через минуту голова уже поплыла, однако сна пока не было ни в одном глазу, поэтому я долила стакан почти до краев, сделала глубокий вдох и быстро все проглотила.

Через десять минут комната начала расплываться перед глазами. На ощупь я добралась до спальни и укрылась одеялом, благодарно зевая – в голове уже все мешалось.

– Сделай так, чтобы я проснулась рядом с Патриком, – шепнула я, не зная, кого прошу: Бога? Бурбон?

Вскоре я отчалила, но, хотя спала очень крепко, так ничего и не увидела. На следующее утро я очнулась у себя в спальне, рядом с Дэном. Без особой радости.

– Доброе утро, крошка. – Голос Дэна был еще сонным, он повернулся и крепче прижал меня к себе. Потыкался носом мне в шею, потом вдруг отодвинулся, сморщил нос: – Фу, Кейт, ты пахнешь как водочный завод.

– Извини, – пробормотала я. В голове долбило так, словно ее переехал грузовик. – Немного выпила вчера перед сном.

– Опять выпила? С тобой все в порядке?

– У-гу. – Я изобразила лучезарную улыбку, отчего в голове застучало еще сильнее. Пошла почистить зубы и заодно проглотила три таблетки ад-вила, потом вернулась в постель, рассчитывая еще несколько минут доспать, прежде чем встать окончательно. А вдруг...

Но Дэн обнял меня, прижался всем телом.

– Во сколько тебе на работу? – спросил он низким голосом – с намеком.

Я глянула на часы – прощай надежда поспать. Первый пациент явится только через полтора часа, и пришлось честно признаться Дэну, что время в запасе еще есть: было неловко, что всю ночь я мечтала проснуться рядом с другим мужчиной.

Мы занимались любовью лениво, медленно, и я вовсе не думала о Патрике, пока Дэн не ушел в душ, – и тут, когда я осталась в постели одна, и голова все еще гудела, я вдруг снова заплакала – потом поспешно вытерла слезы, встала и начала собираться.

Через пятнадцать минут мы с Дэном попрощались у двери, поцеловались, как вдруг он схватил меня за руку.

– Кейт! – обеспокоенно заговорил он. – Что с тобой такое? Ты словно не здесь.

Я еще не говорила ему про мой диагноз, про бесплодие, и едва ли сейчас был подходящий момент. Рассажу вечером, за ужином, и все устроится.

Так что я ответила:

– Нет, все в порядке.

Он заглянул мне в глаза:

– Точно? Ты сама не своя.

Я все еще думала над его словами – ведь он прав! – когда входила в приемную. Дина спросила, как я себя чувствую, и я пробормотала, что подташнивает, мне в самом деле было нехорошо. Выпивка и странные сны быстро доведут человека.

Глаза Дины радостно вспыхнули.

– Наверное, вы ждете ребенка! – пафосным шепотом заявила она.

– Вряд ли, – ответила я. Под пытливым взглядом Дины рука сама потянулась к плоскому животу, и я поспешила укрыться в кабинете и приготовиться к долгому дню, на протяжении которого думать о собственной жизни не придется.

* * *

В начале шестого, когда я уже собирала свою сумку, в кабинет решительно вошла Сьюзен с толстой папкой в руках.

– Что это ты вдруг? – удивилась я. За пять лет, что я здесь проработала, сестра побывала в моем кабинете лишь однажды. – С детьми все в порядке?

– Они с Робертом, – отмахнулась Сьюзен и протянула мне папку. – А

мы с тобой едем в «Хаммерсмит» планировать свадьбу.

Я взяла папку, и от золотого тиснения – «миссис» – голову сдавило.

– Я обещала Дэну приготовить ужин.

– Это займет всего час, – пообещала она. – На обратном пути купишь еду навынос.

– Сьюзен...

– Послушай, – деловито заговорила она. – Понимаю, помолвка выбила тебя из колеи, отсюда и эти сны. Вот я и подумала: начнем планировать свадьбу, тебе полегчает. Чем реальнее будет становиться твоя новая жизнь, тем легче ты отпустишь прошлое. Верно?

– Это тебе доктор сказала? – спросила я. Сьюзен каждый четверг посещала психотерапевта, хотя я так и не поняла зачем, при ее идеальной жизни. О каких проблемах она там консультируется?

Сьюзен пожала плечами:

– Она тоже думает, что тебе станет лучше, когда ты сосредоточишься на настоящем. Так что же? Идем? Или мне напиться в одиночку?

Я вздохнула. Ладно, зато опробую на сестре монолог, который мне предстоит произнести вечером перед Дэном, – о бесплодии. Тем более я все равно должна ей об этом сказать.

– Ты угощаешь?

Через десять минут мы уже сидели в любимом нашем уголке «Хаммерсмита», английского паба за углом от моей работы, куда мы со Сьюзен заглядывали пару раз в месяц. «Наш» бармен Оливер принес Сьюзен шардоне, а мне «Гиннесс», но я изобразила рвотный позыв и заказала спрайт.

– Я должна тебе кое-что рассказать, – заговорила я, едва Сьюзен сделала первый долгий глоток. – Дэну я еще не говорила.

– Не говорила о чем? – рассмеялась она. – Тон у тебя уж больно серьезный.

Я сердито глянула на сестру – неужели не видно, как я расстроена?

– Сьюзен, я серьезно. У меня не может быть детей. Несколько дней назад врач поставил окончательный диагноз. Мои яичники отработали свое.

– О! – Она уставилась на меня, подумала. – Что ж, это в самом деле печально.

Я рассчитывала на другую реакцию. Ждала слез или каких-то слов утешения. А тут недоумение – не более того.

– И это все, что ты можешь мне сказать?

– Видишь ли, до сих пор я не знала, что ты собираешься обзавестись

детьми, – ответила она, избегая моего взгляда. – То есть если бы ты и раньше пыталась забеременеть и получила такой диагноз, это и правда была бы трагедия. Но тебе уже сорок, так что я думала...

– Что? Что я не вправе родить ребенка? – взорвалась я. – Только потому, что собиралась сделать это не так рано, как ты?

Она преспокойно пожала плечами:

– Вовсе нет. Я просто имела в виду, что в сорок лет поздновато об этом задумываться. Думала, вы с Дэном давно все решили. А выходит, вы ничего даже не обсуждали?

– Нет! – сердито ответила я. – И сорок – еще не старость.

– Ясное дело, не старость. Между прочим, я на два года тебя старше.

– На два года и десять месяцев, – буркнула я.

Она смерила меня взглядом:

– Точно. Однако Келвина и Сэмми я родила, не дожидаясь сорока, потому что так надежнее. Ты же знаешь статистику, сестренка. Родить до сорока – намного безопаснее и для матери, и для ребенка.

– Да-да, – пробормотала я. – Какая жалость, что я не встретила Дэна пораньше, чтобы уложиться в твоё расписание.

Она опять пожала плечами.

– Самые ответственные годы – после тридцати – ты провела, спрятав голову в песок и думая только о Патрике. Вот Джина – она же нашла в себе силы жить дальше, а ты? Хотела бы ребенка – ухватила бы за эту возможность, а не тянула время.

Я в упор смотрела на сестру, чувствуя, что закипаю.

– Мир устроен немножко по-другому, Сьюзен. Я не могу вот так щелкнуть пальцами – и чтобы все стало по-моему. Ты даже не представляешь, каково это – потерять мужа.

Снова это движение плечами.

– Пусть так. Но я знаю, что Дэн – хороший парень. А ты опять все испортишь, если начнешь переживать из-за своего бесплодия и из-за детей, которых на самом деле не очень-то и хотела.

– Откуда ты знаешь, чего я хочу на самом деле? – Мой голос взлетел на целую октаву, и краем глаза я увидела, как покосился на нас встревоженный Оли-вер.

– Так расскажи мне, – ответила она. – Ты думала о ребенке?

– Да! Наверное. Не знаю. – Я не смотрела на нее, опасаясь прочитать на лице сестры «я же говорила!». – Но я не была готова к тому, что решат за меня.

– Кейт! – Голос Сьюзен смягчился. – Ты можешь себе представить

Дэна в роли отца?

– Конечно, могу!

– Но он терпеть не может моих детей, – так же мягко продолжала она.

– Что ты говоришь? Как это – терпеть не может?

– Ладно, допустим, это сильно сказано. Однако ни малейшей симпатии к ним он не испытывает. Ты хоть раз видела, чтобы он общался с Келвином и Сэмми по собственной воле?

Я уже приоткрыла рот, собираясь защитить своего жениха, но вспомнила, что он в самом деле ни слова им не говорит, кроме «Привет!» и «Пока!».

– Он не умеет с ними обращаться, – признала я наконец. – Он не привык иметь дело с детьми.

– Милая, он *не любит* детей, – возразила Сьюзен. – Так что ты зря волнуешься о том, как он отреагирует на твой диагноз.

– Ты уверена? – переспросила я. Плечи распрямились, груз тревоги уже не так давил на них. Но взамен защемило под ложечкой.

– Убедлена: он будет вполне доволен, – решительно подтвердила она. Дождалась, пока я подняла глаза, и добавила: – Это твоя проблема, а не его.

Она выждала мгновение, а потом хлопнула в ладоши и улыбнулась:

– А теперь – начинаем подготовку к свадьбе!

– Шутишь, что ли? – вытаращилась на нее я.

– Почему шучу? – удивилась она.

Я сжала челюсти.

– Большое тебе спасибо за все, Сьюзен. Свадебная папка – чудесная идея. И все-таки прежде, чем начинать планировать, я должна поговорить с Дэном. Ребятам привет передай.

И, бросив на стол десятидолларовую купюру, я вышла, не дожидаясь ответа.

Я зашагала в сторону центра, но чем дальше шла, тем хуже становилось на душе. Конечно, Сьюзен не всегда меня понимает, но сердце у нее доброе. Надо извиниться. Я набрала ее номер, но он не отвечал. Сунув телефон в сумку, я тут же снова достала, чтобы позвонить Джине.

– Скажи, как тебе это удалось? – не здороваясь, спросила я.

– И тебе привет, – засмеялась она. – Ладно. Считаю, заинтриговала. Что именно мне удалось?

– Пережить Билла, – дрожащим голосом выговорила я. – Жить дальше. Найти другого человека. Выйти замуж, родить от него ребенка.

Джина вздохнула. Замуж она вышла через шесть лет после смерти Билла, их с Уэйном дочке, Мэдисон, уже три года.

– Нужно просто думать об этом как о другой жизни. Возможно, не той, что тебе предназначалась, – не той, которую ты считала своей судьбой. Но все же это *твоя* жизнь, такая же твоя, как и прежняя.

Я задумалась:

– Ты все еще вспоминаешь Билла?

– Дня не проходит. Но я уже не так сильно о нем тоскую.

Я подумала, можно ли рассказать ей, что я видела Патрика точно наяву. Нет, она сочтет меня сумасшедшей. Да может, я и впрямь сошла с ума.

– Не знаю, права ли я, что приняла предложение Дэна? Ведь какая-то часть меня все еще влюблена в Патрика.

– Даже и не сомневайся! – решительно ответила Джина. – Патрика ты будешь любить всегда. И это нормально. Только приходится напоминать себе, что его уже с нами нет.

– А если есть? – прошептала я.

– О чем ты?

Я растерялась:

– Никак у меня не получается отпустить его.

* * *

По дороге домой я постаралась все это продумать. В нью-йоркской толпе почему-то чувствуешь себя одиноко и спокойно. Ни с кем не встречаешься глазами, никто с тобой не заговаривает, так что, дойдя до дома, чувствуешь себя как после двадцати минут в звукоизолированной капсуле.

Дэн уже был на кухне – пил из бокала красное вино.

– Ты как, малыш? Сьюзен звонила мне, говорит, ты расстроена. Она беспокоится за тебя.

– Все у меня в порядке, – с принужденной улыбкой ответила я. – Честное слово. Спасибо, дорогой.

Он поставил бокал на столик и пошел меня обнять.

– Ну так? Как себя чувствует моя красавица-невеста? Я так понял, вы со Сьюзен планировали свадьбу?

– Самую малость, – кивнула я, и он мне улыбнулся.

– Слушай, не стоит оно такого напряжения, – сказал он. – Никакой спешки! Я знаю, невесты иногда чуть не в гроб себя загоняют, обо всем хлопчут, но мне совсем не хочется тебя обременять. Чем я могу помочь?

– Ты и впрямь само совершенство, – со вздохом признала я. – Но за меня не беспокойся. Я не из таких невест.

– Во всяком случае, об ужине на сегодня я позаботился, уже тебе легче, – сказал он, и мне стало жутко стыдно, ведь я обещала заняться готовкой. Тут, словно по отмашке режиссера, в дверь позвонили. – Вот и он.

За десять минут Дэн накрыл стол, зажег две тонких свечи, разложил китайские блюда по тарелкам так красиво, что ужин казался по-настоящему праздничным.

– Кто, кроме тебя, способен подать лоуминь на лучшем фарфоре! – не удержавшись, рассмеялась я.

– Вегетарианский, полезный лоуминь, – уточнил он. Налил мне бордо и поцеловал меня в макушку. – Все самое лучшее для моей девочки.

– Я должна тебе кое-что сказать, – заговорила я, когда мы утолили первый голод.

– Говори, малыш, – кивнул он.

– Несколько дней назад я была у врача, – начала я, внимательно следя за его реакцией. – Мои яичники перестали работать. Я не... мы не сможем завести ребенка.

– Кейт! – Он потянулся ко мне, но я еще не закончила:

– Ты все равно хочешь на мне жениться? То есть мы с тобой о детях раньше не говорили, но если это что-то меняет...

Мгновение он молча смотрел на меня, и сердце тревожно застучало. Потом перегнулся через стол и поцеловал меня.

– Разумеется, я хочу жениться на тебе, Кейт. – И добавил: – Нам вовсе и не нужны дети для полного счастья. Только ты и я. – И он широко, радостно улыбнулся.

Но под ложечкой все еще щемило, и пришлось сморгнуть слезу, прежде чем я решилась спросить:

– Но ведь мы могли бы взять приемного?

Он пожал плечами:

– Малыш, а может, нам просто не выпало стать родителями? И нечего переживать. Это не твоя вина. – И, не дав мне шанса возразить, резко сменил тему: – Так что вы со Сьюзен решили насчет места? Твоя сестра сказала, что принесла тебе целую папку с разными идеями. Я тоже тут подумал – например, осенью вполне можно устроить все под открытым небом...

Я пожала плечами и словно отключила его голос. Он говорил и говорил, а я таращилась на стену поверх его плеча и старалась не

заплакать.

В ту ночь Дэн уснул быстро и безмятежно, а я смотрела в потолок и вспоминала, как мы с Патриком лежали рядом и обсуждали, какие имена дадим нашим детям, сколько у нас будет семейных забав, – говорили о жизни, которую собирались прожить вместе.

Я все упустила, впервые подумала я. А теперь уже поздно. И с этой невеселой мыслью я наконец провалилась в сон.

Глава 6

Проснувшись утром, я сразу поняла, что вернулась в свой прежний дом, в тот странный, непривычно яркий мир, природу которого не могла постичь. И, задохнувшись от счастья, закрыла глаза и поблагодарила Господа, – пусть даже за то, что схожу с ума. Потом снова приоткрыла глаза и увидела, как танцуют пылинки в солнечном луче. Я повернула голову – Патрик лежал рядом со мной.

Замерев, я следила, как приподнимается и опускается его грудь. Что я плачу, я догадалась, когда все стало расплываться перед глазами. Патрик пошевелился, повернулся по мне:

– Доброе утро, Кэтили! – Его голос, его зеленые глаза с лучиками морщинок, его широкая улыбка, чуть неровный ряд нижних зубов.

От нахлынувшего счастья и благодарности я не могла произнести ни слова. Только положила голову Патрику на грудь – он обнял меня. Я гладила его волосы, – сколько же в них седины, а раньше совсем не было. Все-таки удивительно, как меняют нас годы.

– Я бы хотела увидеть, как ты состаришься, – шепнула я, проводя рукой по его все еще мускулистой груди, где тоже начали пробиваться седые волосы. Насыщенные краски комнаты слегка мерцали, сердце пропустило один удар. Я напомнила себе: нужно подыгрывать, внушать себе: моя жизнь – здесь. И ведь так оно и есть, иначе откуда я все это знаю?

Патрик рассмеялся, я чувствовала, как смех сотрясает его тело.

– Пока я для тебя недостаточно старей?

Я не смогла отшутиться, даже выдохнуть не могла. Он еще крепче обнял меня, ласково поцеловал, погладил по голове. Его щетина за ночь отросла и кололась, губы были теплые. Когда его язык проник в мой рот, я не удержалась и заплакала.

– Кейт! – Он прервал поцелуй, с тревогой поглядел на меня. – Что ты, Кейт?

Я покачала головой, боясь развеять волшебство. Может, сменить тему?

– А что наша... дочка? – Я не знала, что можно спросить о ней, не нарушив тонкой ткани сновидческого мира, поэтому остановилась на полуслове.

Патрик погладил меня по щеке, присматриваясь:

– Ханна? А что такое?

Словно дверца отворилась внутри.

– Ханна! – пробормотала я. – Какое чудесное имя. Патрик взглянул на меня встревоженно:

– Снова ты чудишь.

Комната стала тускнеть, и я поспешно исправилась:

– Я только подумала, какие же мы счастливые.

Он широко улыбнулся:

– О, я – безусловно, самый счастливый человек на свете. А теперь давай, чудачка моя, подъем.

Он вылез из постели, но я последовала за ним не сразу. Его слова – что он самый счастливый – поразили меня в самое сердце. Ведь на самом деле у него ничего этого не было и не будет – ни детей, ни прекрасного среднего возраста, ни радости просыпаться рядом с одним и тем же человеком из года в год, горестно думаю я.

А Патрик тем временем наливал воду в кофейник – я застала его на кухне, выбравшись наконец из постели. Подошла сзади, прижалась лицом к обнаженной спине. Глубоко вдохнула его запах. Был бы у меня такой пульт – чтобы нажать кнопку «стоп» и застыть в этом мгновении навеки...

– Прости, я, наверное, веду себя странно, – сказала я, когда он завернул кран. – Не могу толком объяснить, что со мной происходит. Мне кажется, словно... словно тебя очень давно не было...

Он поставил кофейник на плиту и обернулся, обеими руками обхватил меня.

– Я всегда тут, моя хорошая, – сказал он. – Всегда с тобой. И ты, пожалуйста, кончай это дело – не води себя так, словно ты не отсюда. Ты меня уже немножко пугаешь.

– Прости. Конечно же я отсюда. – Я судорожно цеплялась за эти слова, уповая, что они каким-то образом станут правдой. Цвета вокруг сделались еще ярче, предметы проступили отчетливее. В очередной раз я поразились, какие здесь живые краски, как все словно течет и переливается.

– Конечно отсюда. – Снова на его лице промелькнуло недоумение. – И давай-ка позавтракаем. Может, это ты с голоду? Как насчет омлета и хрустящего жареного бекона?

О, эта незаживающая рана! Таким же точно завтраком он угощал меня в день своей смерти.

– Замечательно! – пробормотала я.

– Прекрасно! – Он достал из холодильника бекон и картонку с яйцами, повернулся к шкафчику за сковородкой, а я сквозь слезы следила за каждым его движением. Пока мой муж разбивал над миской яйца и взбивал их, подробности нашей с ним жизни нахлынули непонятно откуда, и я вновь

убедилась, что знаю здесь все до мелочей. Например, что Патрик девять лет назад бросил работу страхового консультанта, потому что она ничего не давала душе, и я поддержала его, как в свое время он поддержал меня – чтобы я получила дополнительное образование. Теперь он работает в мэрии, в департаменте стратегических инициатив, а в свободное время занимается новым общественным парком в нескольких кварталах от нашего дома, который называли «Садом маленьких бабочек», потому что, когда парк только начали разбивать, восьмилетняя Ханна их обожала. Я вспомнила, что по деньгам Патрик существенно проиграл, бросив прежнюю работу, зато теперь он в тысячу раз счастливее, потому что приносит пользу всему городу. И почувствовала гордость за моего замечательного мужа.

Прикрыв глаза, я припоминала, что мне известно о Ханне, однако о ней я почему-то знала меньше. Точечно. Вспоминались отдельные моменты: как совсем крошкой она поскользнулась на игровой площадке и сломала ногу; а еще до самой школы была твердо убеждена, что она – фея, просто у нее пока не отросли крылья; первый зуб у нее выпал только во втором классе, и она очень из-за этого переживала, потому что все подружки ее опередили, – но больше ничего в голову не приходило. Патрик для меня был как открытая книга, а Ханна – словно роман, из которого вырваны самые важные главы.

Когда я вновь открыла глаза, то словно вызвала ее мысленным усилием: она уже брела в кухню по коридору, в пижамных штанах и в футболке с Микки-Маусом, кое-как заплетя в косички густые темные волосы.

– Доброутро. – Она улыбнулась нам с Патриком, и я впервые отметила странность ее произношения: что-то не то, но непонятно, что именно. Даже в этом коротком приветствии она слишком растянула гласные, а согласные прозвучали чересчур мягко. Какое-то нарушение речи, как у многих моих пациентов? Что-то пыталось проклюнуться в памяти, что-то, что я должна знать, но никак не припомню.

– Доброе утро. – Я улыбнулась в ответ. Эта девочка – о ней я столько мечтала и плакала все эти двенадцать лет! Дочка Патрика, его продолжение. Сморгнув слезы, чтобы никто из них не заметил, я стала торопливо накрывать стол к завтраку. Полезла в шкаф, дрожащими руками достала три тарелки. Звякнула ими о стол, не удержав.

– Кейт? – окликнул меня Патрик, но я поспешно перебила:

– Все в порядке, накрою пока на стол.

Полезла в ящик с приборами – где он, я тоже прекрасно помнила, – но

руки тряслись и слезы застилали глаза, так что вместо ножа для масла я ухватила разделочный. Лезвие выскользнуло из неловких пальцев, срезав краешек мизинца.

– Ой! – вскрикнула я, глядя, как тянется по ладони алая лента.

Патрик бросился ко мне, схватил за руку.

– Ничего себе поранилась! Ханна, принеси маме пластырь, пожалуйста.

Ханна кивнула и выбежала из кухни. Патрик снова обернулся ко мне, но я глядела не на него, а на свою руку.

– Я порезалась! – выговорила я в изумлении.

– Вижу, милая. – Патрик схватил бумажное полотенце, осторожно прижал бумагу к пораненному пальцу. – Подержи так минутку, хорошо? Сильно болит?

Но я по-прежнему в немом изумлении глядела на собственную кровь.

– Я порезалась! – повторила я. *Если это сон, то от боли я ведь должна была проснуться, как возвращается к реальности ущипнувший себя человек?*

Вернулась Ханна, протянула Патрику упаковку с пластырем, тот быстро ее вскрыл и заклеил мне ранку.

– Ну вот, – сказал он. – Как новенькая.

– Как новенькая, – эхом отозвалась я, все еще глядя на свою руку и не веря глазам.

Патрик слегка сдавил мне плечо, потом обернулся к Ханне и улыбнулся.

– Так, детка, – сказал он, хватая лопатку и преувеличенно ею размахивая. – Будешь французские тосты или яичницу с беконом? Заказы принимаются.

Ханна рассмеялась – чудесный смех, – склонила голову набок.

А потом она сделала то, что застало меня врасплох: ответила Патрику на языке жестов.

Еще больше меня поразило, что я понимаю каждое слово.

«Яичницу, пожалуйста! – изобразила она знаками, а потом глянула на меня и добавила, тоже знаками: – Что такое? Почему ты так странно на меня смотришь?»

У меня буквально отвисла челюсть.

– Она глухая, – прошептала я, обращаясь к себе, а не к Патрику, но он оглянулся в тревоге, и по лицу Ханны тоже скользнула тень. Я подняла руки, чтобы ответить ей жестами: «Все в порядке, Хан-на, извини», – но вдруг осознала, что, хотя в этом сновидении я прекрасно понимаю Ханну,

сама говорить на языке жестов не умею.

Я обернулась за помощью к Патрику, меня охватила паника, и я увидела, что он уже тает, как и вся кухня.

– Нет! – закричала я. – Нет! Я не готова!

– Кейт? – Патрик шагнул ко мне, но в окна хлынул свет, стирая и его, и кухню.

– Я люблю тебя, Патрик, – и Ханну, скажи ей, что я ее люблю! – успела я крикнуть, прежде чем свет ослепительно вспыхнул, а затем все поглотила тьма.

Глава 7

Я проснулась: голова болит, мизинец дергает. Понадобилось несколько мгновений, прежде чем все подробности – поцелуй Патрика, порезанный палец, Ханна, говорящая на языке жестов, – обрушились на меня. Я приподнялась, громко выдохнула – и разбудила Дэна.

– Что случилось? – сонно спросил он и тоже сел в постели.

Поморгал и вытаращил глаза:

– Кейт! Что у тебя с пальцем?

Я тоже глянула и онемела: кончик мизинца, порезанный во сне, сильно кровил.

– Боже! – только и смогла я выговорить.

– Сейчас принесу пластырь! – Дэн уже вскочил и побежал в ванную. – Глубокий порез? Может быть, отвезти тебя в травму, пусть зашьют? Как это ты ухитрилась во сне порезаться?

– Со мной все в порядке, – пробормотала я, поднимая руку и глядя, как кровь течет по ладони. – Ведь правда? – спросила я сама себя.

Дэн успокоился, только когда обработал мою ранку неоспорином и заклеил пластырем, убедившись, что она не так уж глубока. Я что-то выдумала насчет того, что ночью вставала попить и порезалась, когда ставила стакан в посудомойку и задела нож. Дэн вроде бы поверил.

Он отправился играть в мяч со своим другом Стивеном, а я послала Джине СМС и попросила подъехать к отделению неотложной помощи в Бельвью.

«Господи, что случилось?» – отстукала она в ответ.

«Со мной происходит что-то непонятное».

Она послала мне ряд вопросительных знаков, но я не стала ничего разъяснять и получила от нее еще одну СМС: «Еду. Ты как?»

«Не знаю», – ответила я.

Полчаса спустя – я сидела в очереди к врачу – в приемную ворвалась Джина.

– Кейт, какого черта? – взорвалась она. – Посылаешь мне какие-то безумные СМС и ничего не объясняешь. Что случилось? Сьюзен уже тут?

Я покачала головой: – Сьюзен не поймет.

– Чего она не поймет? Кейт, ты сию минуту объяснишь мне, что с тобой творится. Ты меня напугала!

Я собралась с мыслями:

– У меня снова был сон с Патриком. То есть я думаю, что это сон. Что же еще, если не сон? Но во сне я знаю то, чего никак не могу знать, а оказывается, в реальной жизни это так и есть. И, Джина, эти сны такие живые! Я не понимаю, что со мной.

– Ох! – Я увидела в ее глазах печаль и тревогу. Джина села рядом: – Расскажи обо всем по порядку.

И я рассказала о том, как наутро после помолвки проснулась рядом с Патриком. Как это было странно и прекрасно – увидеть его, разглядеть все, вплоть до проседи в волосах, морщин в уголках глаз, наметившегося животика. Я рассказала, насколько все было реально: прикосновение Патрика, его запах, ровный стук сердца.

Я рассказала Джине про нынешнюю ночь, только не стала говорить о Ханне, потому что ее присутствие словно бы снижало достоверность моих видений. Патрик существовал и прежде, возможно, он сумел каким-то образом пересечь границу между тем миром и этим, – но откуда взялась Ханна, девочка, которая никак не могла быть нашей дочерью и все же звала меня мамой?

Джина слушала неотрывно, и я с облегчением видела, что она вовсе не осуждает меня. Когда я закончила, она на миг опустила глаза, а когда снова подняла взгляд, я увидела печаль в ее глазах.

– Мне тоже довольно долго снился Билл, – сказала она. – Не так отчетливо, как тебе, но даже от таких редких и смутных снов я каждый раз на несколько дней слетала с катушек. – Помедлив, она добавила: – Это ведь никогда не уйдет окончательно? Наше горе останется с нами.

Я покачала головой и почувствовала, что давивший на плечи груз становится легче. С утратой мужа ты словно вступаешь в тайное общество. В клуб, о членстве в котором никто не мечтает, но понимать, что ты не одна такая, утешительно.

– Но такие сны – вполне нормальны. Правда же, Кейт?

– Но каким образом я порезала мизинец? – спросила я, предъявляя ей замотанный пластырем палец.

– В смысле? – Джина уставилась на мою руку.

– Во сне я порезала мизинец, – пояснила я. – А когда проснулась, кровь уже текла на постель. Как это возможно?

Глаза у нее еще больше расширились.

– Ну... наверное... наверное, ты бродила ночью, как лунатик, и обо что-то порезалась.

– И не проснулась?

– Н-не знаю. – Она призадумалась. – Но ты же не хочешь сказать,

будто твои сны – реальность?

Настал мой черед прятать глаза.

– Конечно, это выглядит безумием. И все же: откуда взялись во сне вещи, о которых я не могла знать? Например, что Роберту одиннадцать лет назад предлагали другую работу?

– Этого я объяснить не могу – либо совпадение, либо ты случайно что-то слышала от Сьюзен или мамы, – задумчиво ответила Джина. – Что же касается всего остального, твой мозг, думаю, пытается приспособиться к новой жизни, в которую ты вступаешь.

– Но ведь эти сны, наоборот, возвращают меня к прежней жизни?

– Кейт, ее не вернешь. Эта страница перевернута навсегда. Мне тоже понадобилось немало времени, чтобы все осознать – осознать по-настоящему, – а потом жизнь стала налаживаться. Может быть, просто пора еще не пришла.

* * *

Компьютерная томография головного мозга, осмотр невропатолога, анализ крови – все в норме. Врачи подтвердили, что у меня нет ни опухоли мозга, ни других проблем, кроме психологических. Отправили меня наложить швы на мизинец и предложили сходить к психиатру, а психиатр выписал снотворное – антидепрессант, который я ни за что принимать не стану, и тоже сказал, что все мои симптомы укладываются в норму. За исключением порезанного мизинца.

– Впрочем, явления лунатизма тоже нередки, – пожал плечами доктор. – Уверен, это с вами и произошло.

– Но почему все настолько отчетливо? – настаивала я. – И откуда я знаю то, чего на самом деле знать не могла?

Он снова пожал плечами:

– О подсознании нам известно далеко не все, миссис Уэйтмен. И все усилия разобраться только добавляют путаницы. Советую вам отдохнуть и ни о чем таком не думать. Сны иногда обладают огромной убедительностью. Главное – помнить, что это все-таки сны.

Но все следующие дни меня преследовали мысли о Ханне. Неумение общаться на языке жестов вырвало меня из второго сна, и теперь я только и думала, как стану говорить с Ханной, если вновь проснусь в той параллельной жизни. А если бы я научилась языку жестов – смогла бы вписаться в тот другой мир, продержалась бы в нем чуть дольше? Палец

все еще болел, и ничего подсознательного в этом не было.

Утром в понедельник, промучившись бессонницей, я приехала в свой кабинет за полчаса до первого пациента и принялась искать в интернете сведения об американском языке глухонемых. Быстро заучила знаки «мама», «папа», «дочка», «люблю» и «здесь» и не раздумывая щелкнула на значок четырехмесячных курсов языка глухонемых в двух кварталах от моей работы.

Занятия начались неделей раньше, но в ответ на письмо с вопросом, не опоздала ли я, тут же пришел ответ от администратора: нет, если я готова заниматься, можно присоединиться к группе. Для этого я должна явиться в среду вечером, около шести, и вручить квитанцию об оплате занятий преподавателю по имени Эндрю Хенсон.

«Непременно буду», – ответила я, не дав шанса разуму отговорить меня от этой затеи. Нажав «отправить», я ощутила счастье. Правда, идиоткой я себя тоже чувствовала, ведь я понимала, что никакой Ханни не существует. Но уж лучше заниматься на курсах, чем напиваться средь бела дня бурбоном в надежде заснуть.

Дина нажала кнопку интеркома и сообщила, что явился первый пациент. Я поспешно захлопнула ноутбук – словно искала там порно, а не язык жестов.

В кабинет вошел Лео Голдстейн. Темные круги под глазами, подбородок воинственно выпячен, рукава закатаны.

– Вот он я! – возвестил подросток, хлопаясь на диван против моего стола. – Чего делать будем?

Сегодня он какой-то бледный, огорчилась я и пересела поближе к нему в кресло. Присмотревшись, я заметила у него на правой руке поблекший синяк – лиловое пятно с желтовато-зеленым обводом.

– Лео, что с рукой? – спросила я.

Он глянул, нахмурился и опустил рукав.

– Ничего, – поспешно сказал он и тут же исправился: – Споткнулся на баскетбольной площадке.

Мать привела его ко мне примерно четыре месяца назад, когда у Лео начались проблемы в школе на Томпкинс-сквер. С самого начала мальчик ясно дал мне понять, что ненавидит мои занятия и, соответственно, меня, однако в таком возрасте это обычная история. Постепенно оттает, решила я. И у нас действительно стало что-то получаться.

Как Лео ни бухтел – и пение, дескать, занятие для детсадовцев, и барабанная дробь на бонго никому на фиг не нужна, – он все же начал понемногу вылезать из своего панциря. У нас сложился особый ритуал: он

угрюмо заходит в кабинет, мрачно бурчит, что все у него в порядке, а потом, когда я ставлю перед ним ксилофон, светлеет лицом.

Чаще всего мы играли битлов, «ретро, но клевое», по определению Лео. Идея была его. Я стараюсь по возможности следовать желаниям клиентов: чем ближе им музыка, которую мы выбираем, тем эффективнее терапия.

Важно было заставить Лео не только слушать, но и играть – таким образом мы с ним вырабатывали общий язык. Иногда ведь трудно взять и признаться, что ты зол на весь мир, но можно сообщить это без слов, лупя палочкой по клавишам. Вроде языка глухонемых, подумалось мне: мысль передается без слов. Нужно лишь освоить этот язык.

– В общем, разучил *You Can't Do That*, – сообщил Лео, отводя взгляд. – На айпаде.

– Из альбома *Hard Day's Night*.

– Ага. Шестьдесят четвертого года, – уточнил он с такой уверенностью, словно сам присутствовал при выпуске альбома. – Хотите послушать?

– Еще бы. – Я отложила бумаги, достала палочки, умышленно затягивая паузу. – Но этот синяк... похоже, ты здорово ушибся.

– Ничего особенного. – Тон резкий, глаза бегают. – Даже не больно ни капли.

– Седрик был там?

Лео заколебался. По тому, как заметался его взгляд, я поняла, что угадала.

– Да вроде, – пробормотал он. – Не помню.

– Ты дал ему сдачи? – тихо спросила я.

Он рассматривал свои ладони.

– Нет, – ответил он наконец. – Он с друзьями был. Вся кодла.

– Придурки, – пробормотала я.

Лео – высокий, худощавый – обещал вырасти красавцем, но пока был тощий как жердь. За это его безжалостно дразнил Седрик Мейсон – парень на год старше и чуть ли не на двадцать кило толще. В травле, упиваясь безнаказанностью, с удовольствием участвовали и приятели Седрика.

К тому же Седрик умел выпутаться из любой ситуации, язык у него хорошо подвешен, так что стоило Лео дать сдачи, как его же и объявляли «проблемным ребенком». Каким-то образом учителя ухитрились ни разу не заметить, как Седрик бьет исподтишка кулаком или шепотом обзывается. В итоге Седриком все довольны, а Лео не вылезает из кабинета директора.

Мать привела его ко мне по рекомендации школьного психолога. Она

не понимала, откуда у сына эти вспышки агрессии, и понадобилось три встречи с ним, прежде чем я поняла, что Лео вовсе не зачинщик: он жертва травли, но не хочет этого признавать. К тому времени, как я поговорила с его родителями и объяснила им ситуацию, они уже приняли решение сделать наши занятия еженедельными: мальчик стал лучше учиться, лучше вел себя дома.

Я протянула Лео палочки, и он улыбнулся – первая настоящая улыбка с того момента, как он вошел в кабинет, – и начал отстукивать песню битлов. Я в очередной раз поразилась его слуху и беглости игры. Через мгновение вступила и я – с партией гитары.

– Что эта песня для тебя значит? – спросила я, когда мы доиграли до конца. Таково основное правило нашей работы с Лео: он должен объяснить, почему выбрал именно эту песню. Еще один способ начать разговор.

– Не знаю, – потупившись, ответил он.

Я терпеливо ждала продолжения.

– Наверное, когда он поет, что ее бросит, я представляю, как Седрик швыряет в меня камнем, – пробормотал наконец Лео. – И еще, он там говорит, над ним все будут смеяться – со мной такое тоже иногда бывает.

Я киваю: отлично, он уже решается на подобные признания. Конечно, герой песни грозитя девушке бросить ее насовсем, если она еще раз заговорит с тем парнем, но Лео извлек из этих слов совершенно другой смысл. Это-то и ценно в музыкальной терапии: одни и те же слова, одни и те же ноты значат для каждого свое, в зависимости от того, что с тобой происходит.

– Ты говорил учителю про Седрика? – спросила я.

Лео покачал головой:

– Ябед еще не так бьют.

– А родителям рассказывал?

Он молча колотил палочкой по клавишам, а потом вдруг спросил:

– У вас дети есть? – И, не дожидаясь ответа, ткнул пальцем в фотографии у меня на столе, два снимка, где мы вместе с Дэном: – Это кто?

– Мой бойфренд, – ответила я. – Вернее, мой жених. И нет, детей у меня нет.

– Почему? – Он перестал стучать палочкой и принялся вертеть ее в руке.

Дети всегда норовят переключить разговор на меня, однако они приходят на занятия музыкальной терапии не затем, чтобы подружиться со мной, а чтобы лучше разобраться в себе. Я ищу баланс: с одной стороны, отвечать надо честно, потому что взрослые обязаны принимать детские

вопросы всерьез, а с другой – попытаться избежать чересчур личного разговора.

Я пожала плечами:

– Почему ты об этом спросил?

– Просто хочу знать.

Я снова выдержала паузу, ожидая продолжения. Молчание столь же эффективно, как и музыка, нужно лишь научиться им управлять. Через несколько мгновений Лео принялся вновь наигрывать мелодию той же песенки, но мысли его витали далеко.

– Вот вы бы никому не позволили бить вашего ребенка, – дрогнувшим голосом выговорил он, перестав играть. – Я уверен, вы бы за него заступились.

Так вот к чему он вел.

– Лео, если тебе плохо в школе, то не потому, что твоим родителям все равно.

Он сжал челюсти.

– Мой отец твердит, что я должен постоять за себя, врезать Седрику в ответ. Но тогда Седрик меня в мясо измолотит. Или сам, или его дружки. Думаете, папа этого хочет? Чтобы меня изувечили?

– Разумеется, нет, Лео. Он просто пытается тебе объяснить, что довольно часто такие задиры оставляют в покое того, кто сумеет дать им отпор. Вовсе не потому, что ему все равно.

– Ну да, конечно. Вот вы бы не допустили, чтобы вашего ребенка измолотили. Будь у вас ребенок, – ворчит он, – уверен, вы бы нашли способ все уладить, чтобы вашему ребенку было хорошо.

* * *

Дэн явился, когда я стояла у плиты и готовила спагетти с креветками под чесночным соусом.

– Здорово пахнет, – сказал он, подходя ко мне сзади и тычась носом мне в шею. – Люблю, когда ты готовишь, малыш.

– Откроешь пока вино? И – может быть, накроешь на стол?

– Конечно. – Он откупорил белый совиньон, налил нам по бокалу и отправился в спальню переодеться. Через минуту из душа послышался шум воды. Вот зачем? Дэн же знает, что ужин практически готов. Патрик бы никогда так не поступил, подумала я, но тут же себя одернула. Нечестно сравнивать будущего мужа с бывшим.

Но пока я сама накрывала на стол, допивала вино и наливала воду в стаканы, я все же невольно продолжала их сравнивать. Дэн – прекрасный человек, как и Патрик, но на том сходство и кончается. Впервые я поймала себя на мысли: а вдруг больше всего меня в Дэне привлекает именно это – что он ничем не напоминает Патрика? Само совершенство, сияющий идеал, принц из сказки, – а Патрик был грубоватым, теплым и очаровательно неидеальным.

Раскладывая по тарелкам спагетти, добавляя креветки и маслянистый чесночный соус, я никак не могла отогнать печаль. Мы с Патриком часто готовили вместе, мне нравилась близость, которая возникала на кухне. Мы чувствовали себя командой: когда он готовил, я резала овощи на салат, или мыла посуду, или накрывала на стол. Когда готовила я, он разливал вино, наводил порядок, спрашивал, чем помочь. Такое приятное чувство локтя. А с Дэном его нет.

И мы понимали друг друга с полуслова. Мне достаточно было начать фразу, и он уже знал, о чем я. Или он, бывало, произнесет лишь имя – «Линн», – и я понимаю, что у него выдался трудный день, начальница достала, ему нужно несколько минут побыть в тишине, чтобы прийти в себя. Или я говорила: «Пять», то есть ужин будет готов через пять минут, – и Патрик начинал разливать воду по стаканам. Он мог тихо выдохнуть: «Кэтили», – и мы смотрели друг другу в глаза, а потом бросали все и спешили в спальню. У нас было множество таких слов, заменяющих целый разговор, а с Дэном – кажется, ни одного.

Я даже ничего не знаю о его детстве, о событиях, которые его сформировали. Не знаю, кем он мечтал стать, когда вырастет, как складывались его отношения с одноклассниками, какие книги и фильмы он любил, пока рос. Зато я до сих пор помню, как звали лучшего друга Патрика по младшей школе, могу рассказать, как в седьмом классе он подрался из-за девочки, в которую был влюблен, и перечислить все его карьерные планы в хронологическом порядке, начиная с мусорщика и космонавта до повара, летчика и финансового аналитика.

Если я ничего не знаю о детстве Дэна, может, с нами что-то неладно? Или это естественно, раз мы познакомились уже не такими молодыми?

– Какой ты был в старших классах? – почти с отчаянием спросила я Дэна, когда тот несколько минут спустя вышел к столу – в пижамных штанах и футболке, благоухающий мылом.

Прежде чем ответить, он сунул в рот вилку со спагетти и запил глотком вина.

– Не знаю. Наверное, я примерно такой, как сейчас. А что?

– Мне кажется, я слишком мало знаю о тебе.
– Это да. – Он поглядел на меня как-то странно.
– Так расскажи мне, – настаивала я. Может быть, с помощью этих сведений я смогла бы закрыть пробелы, которые уже стала замечать в наших отношениях. – Расскажи, каким ты был.

– Странные у тебя вопросы.

– Сделай, как я прошу.

Он пожал плечами:

– Хорошо. В школе у меня все было в порядке. Я всегда хорошо учился. В средней школе играл в соккер, в старшей – в футбол, так что всегда имел успех. Никаких проблем с другими ребятами. Был королем вечеринок и так далее. Разве я тебе не рассказывал?

Я пропустила вопрос мимо ушей – да, это-то я слышала по меньшей мере раз десять.

– Но бывали же у тебя и трудные времена! – возразила я. – Когда тебя дразнили, или тебе было одиноко, или просто выдавалась черная полоса.

– Нет, не припоминаю. – Он присмотрелся ко мне. – А что? Тебя дразнили в школе?

– Да не особенно. Но иногда бывало тяжело. В пятом классе, например. Мы переехали в другой район, все ребята ходили в дизайнерской одежде, родители привозили их на дорогих машинах, а я приезжала на автобусе в футболке с Суперменом и юбке в горошек – я из них не вылезала. В тот год надо мной здорово потешались. – Я улыбнулась, надеясь развеселить Дэна, но он смотрел на меня с недоумением.

– Зачем же ты продолжала в этом ходить? – Он снова намотал спагетти на вилку.

Я вытаращилась на него:

– Потому что я – это я. И мне было десять лет. В моде я ничего не смыслила.

– Просто, по-моему, ты бы избежала ненужных проблем, если бы вела себя как все, – пожал он плечами. – Хотя, возможно, чего-то не улавливаю. К чему вообще ты об этом сегодня вспомнила?

– Не знаю, – еле выговорила я. – Подумала, хорошо бы нам больше узнать друг о друге.

Он еще раз пожал плечами и занялся едой, а у меня аппетит пропал начисто. Ковыряясь в тарелке, я старалась не думать, как рассказала Патрику о своем первом конфликте с модой и о том, какие проблемы доставлял мне в пятом классе мой любимый наряд. На следующий день Патрик принес мне футболку с Суперменом: «Помни, что ты всегда должна

оставаться собой, ни на кого не оглядываясь, – сказал он. – Ты – самый прекрасный и самый невероятный человек во всем мире».

* * *

В тот вечер Дэн сидел в гостиной и отвечал на письма, а я улеглась с ноутбуком в постель и снова заглянула на сайт американского языка глухонемых. Ровно в 22:30 Дэн вошел в спальню и застал меня в тот момент, когда я изображала пальцами фразу: «Я люблю тебя больше Солнца и Луны».

– Что ты делаешь? – удивился он.

– Ничего, – ответила я и захлопнула ноут.

– Это язык глухонемых? – Он кивком указал на мои руки. – Ты учишься объясняться жестами?

– Да...

– Чего вдруг?

– У меня новый пациент. – Ложь вырвалась сама собой, и, когда я услышала эти слова, переигрывать было поздно.

Он рассмеялся:

– Ты же музыкальный терапевт. Как ты собираешься заниматься с глухим ребенком?

Я подавила приступ раздражения. В конце концов, неспециалист не обязан знать, что глухие тоже могут играть на музыкальных инструментах, они чувствуют вибрацию и следуют визуальным подсказкам.

– Ничего необычного в музыкальной терапии для глухих нет, – сказала я Дэну. – Даже тугоухие дети обычно имеют остаточный слух.

– А потом отправишься смотреть на звезды со слепыми.

– Наверняка есть и для этого какой-то способ, – парировала я. – Созвездия азбукой Брайля, что-нибудь такое. Даже инвалид должен ощущать все краски жизни.

– Но музыка для глухих? Для глухих, Кейт? Ты что?

– Музыка – не только то, что слышишь ушами.

– Теперь ты выражаешься в стиле этих чокнутых – философия нью-эйдж и так далее.

Я тихонько фыркнула.

– Я выражаюсь как музыкальный терапевт, который хочет попробовать что-то новое.

Однако мне ничего не было известно о возможностях музыкальной

терапии для глухих и слабослышащих детей. Надо бы разобраться, как только найдется время. Хотя, пожалуй, это глупо. Прочесывать специальные журналы в поисках информации о музыкальной терапии для глухих – спрашивается, ради чего? Чтобы поиграть Ханне на гитаре, если она и Патрик приснятся мне вновь? Чистое безумие, даже на мой пристрастный взгляд.

Глава 8

Два фонаря у входа в католическую церковь Святой Паулы на углу 70-й и Мэдисон бросали блики на пыльные ступени. Когда я толкнула тяжелую деревянную дверь, в воздухе разлился слабый запах ладана и пробудил множество воспоминаний. С Патриком мы ходили в церковь почти каждое воскресенье, но после его смерти я не могла уразуметь, как это Бог допустил смерть моего мужа. И просто перестала ходить к мессе, а теперь вот ощутила себя виноватой при виде распятия.

– Прости, – пробормотала я. Я так гневалась на Бога – а что, если именно Он помог мне теперь заглянуть в ту жизнь, которая могла быть у нас с Патриком? Кто, если не Он, способен стереть грань между мертвыми и живыми?

– Ищете курсы языка глухонемых? – окликнул чей-то бас.

Я резко обернулась и увидела возле открытой двери, слева от крыльца, мужчину в очках, с квадратным подбородком и светлыми седеющими волосами. Я кивнула, и он улыбнулся:

– Когда поговорите с Богом, вы сможете нас найти в цокольном этаже. Добро пожаловать.

Не дожидаясь ответа, он скрылся в коридоре. Я еще раз оглянулась на распятие, ощущая себя душой, и поспешила следом.

В маленьком церковном подвале три женщины и один мужчина сидели на складных стульях. В центре комнаты перед поставленной на мольберт большой доской стоял уже виденный мной мужчина со светлыми волосами. Одна из женщин, с виду – моя ровесница, с темными прямыми волосами, приветливо мне кивнула. Мужчина обернулся от доски:

– Вероятно, вы – Кэтрин Уэйтмен.

– Кейт, – уточнила я.

– Добро пожаловать в наш класс, Кейт, – сказал он, отложил маркер, и я увидела, что на доске написано несколько фраз. – Я – Эндрю Хенсон, ваш преподаватель. Мы начали на прошлой неделе, но, если вы задержитесь на несколько минут после занятия, мы с вами все наверстаем. Годится?

– Большое спасибо. Извините, что не начала вместе со всеми.

– Главное, что теперь вы тут. – Он обернулся к классу и добавил: – Ждем Вивиан и приступаем.

Вернувшись к доске, он продолжил писать: «Я тебя люблю», «Нью-Йорк», «Меня зовут...» и «Хорошего вам дня». В тот момент, когда он

добавлял вопрос про погоду, темноволосая женщина придвинулась ко мне.

– Я Эми, – сообщила она.

– Кейт. – Мы пожали друг другу руки. – Вы были на прошлом занятии?

Она кивнула:

– Я работаю в банке. Решила освоить основы языка жестов, потому что у нас среди постоянных клиентов есть слабослышащие.

– Это вы хорошо придумали.

– Я соврала. – Она пожала плечами. – То есть в банке я работаю, но моя подруга училась на этих курсах в прошлом семестре и сказала, что учитель – красавчик. Я и подумала, стоит заплатить за курсы и убедиться своими глазами.

Я улыбнулась и тоже перевела взгляд на Эндрю, который тасовал пачку карточек.

– Да, он симпатичный, – признала я. – Тип безумного профессора.

– При условии, что безумного профессора играет Мэтт Дэймон, – рассмеялась она. – Но у вас ведь уже есть жених? Вот и хорошо, мне соперницы ни к чему.

Я глянула на левую руку и почти испугалась при виде кольца.

– И правда! Пока еще не привыкла к обновке.

– Вам повезло, – сказала она. – Пока найдешь себе пару в Нью-Йорке, замучишься. Держитесь за своего парня.

Я с трудом улыбнулась: от такого разговора стало не по себе, тем более что пришла я сюда ради бывшего мужа, а не ради будущего.

– Буду держаться, – ответила я и вежливо добавила: – И вы своего, конечно же, скоро найдете.

Она покосилась на Эндрю и пробормотала:

– Или уже нашла.

Наш диалог прервало появление женщины лет шестидесяти с лишним, с крашеными волосами морковного цвета. На ней была длинная лиловая юбка, черный свитер, зеленый шарф струился до самого пола.

– Простите за опоздание! – воскликнула она, переводя дух. – Начинайте, начинайте, меня не ждите.

Эндрю улыбнулся ей.

– Вивиан! – сказал он и что-то добавил на языке жестов, пока женщина устраивалась справа от меня.

Она глянула с недоумением.

– Наверное, это означает: «Сумасшедшая тетка, научись же приходить вовремя», – предположила она.

Он рассмеялся:

– Вообще-то это означает всего лишь: «Добро пожаловать на занятие».

Она громко выдохнула, изображая облегчение, и вытерла лоб тыльной стороной ладони. Эндрю еще немного подождал, пока Вивиан нащупала в бездонной сумке ручку и блокнот.

– Леди и джентльмены, добро пожаловать на второе заседание курсов американского языка жестов для начинающих! – провозгласил он, а затем поочередно глянул на каждого из присутствующих: – Вивиан, Эми, Дайана, Ширли, Грег, – вы все начали это путешествие на прошлой неделе. Давайте поприветствуем от души нашу новую студентку Кейт!

Я ожидала хора приветствий или легких аплодисментов, но Вивиан и Эми помахали мне рукой, а остальные поднесли к груди правую руку ладонью вверх. Я оглянулась на Эндрю – он широко улыбнулся в ответ:

– Кейт, Вивиан и Эми сказали вам «Привет», а остальные – «Добро пожаловать».

Затем он вновь обратился к ученикам:

– Отлично, друзья. Вижу, что-то из прошлого урока вы запомнили. Кейт, попробуйте ответить: «Привет».

Я медлила, чувствуя свою неуклюжесть, но Вивиан ободрительно улыбнулась, и я слабо помахала ей рукой.

– Хорошее начало, Кейт, – похвалил меня Эндрю, – только держитесь увереннее. В американском языке жестов неуверенность, смазанные жесты, как я это называю, – все равно что бормотание себе под нос. Показать вам, как нужно поблагодарить сокурсников?

– Ну да, конечно, – сказала я.

– Смотрите. – Он поместил правую ладонь перед подбородком, чуть ниже губ, и повел ею вперед, словно посылая воздушный поцелуй. – Это значит «спасибо», – пояснил он. – Попробуйте.

Я неуверенно поднесла руку к подбородку, но Эндрю следил за мной, подняв бровь: никакой смазанности! И я завершила жест решительным движением вперед, послав воздушный поцелуй.

– Прекрасно! – похвалил он. – У вас природный талант. А теперь, друзья, сделаем так: те базовые выражения, которые мы проходили в прошлый раз, я покажу Кейт после урока, а сейчас нам, я думаю, имеет смысл выучить алфавит, и под конец занятия пусть каждый из вас скажет, какую фразу он бы хотел выучить, и я ее покажу. Так что, пока учим алфавит, думайте о своей заветной фразе.

Эндрю раздал нам карточки с жестами для каждой буквы и весь следующий час учил с нами алфавит и терпеливо добивался, чтобы мы

повторяли ему каждый знак. Казалось бы, скучное занятие, но Эндрю смешил нас, показывая всевозможные шутки и каламбуры на языке глухонемых: например, изобразил правой рукой «е», левой «щ» и стукнул одной о другую.

– Вот вам «еще чего» на языке жестов, – ухмыльнулся он.

Весь урок он пересыпал объяснениями, для чего мы учим буквы:

– Большинство людей, общающихся на языке жестов, владеют примерно десятью тысячами знаков, а многие знают и того меньше. Однако в английском языке имеется около четверти миллиона слов, из которых примерно сто пятьдесят тысяч находится в активном употреблении. Сами подумайте, какая диспропорция. Вот почему важно знать буквы, на случай, если понадобится сообщить свое имя, какое-то название или же обозначить слово, которое вы пока не выучили. Для новичков вроде вас алфавит – главная страховка. Не знаете слова – семафорьте по буквам.

Он велел нам потренироваться друг с другом, а сам на минутку вышел позвонить. Работая в паре с Вивиан, я по-настоящему прониклась красотой языка жестов. Такие грациозные, изящные движения – слово за словом! Однако к тому времени, как Эндрю вернулся, мы с Вивиан уже забыли про изящество и всю изобразили «Еще чего!», хихикая, словно малолетки.

– Так, – сказал Эндрю, возвращаясь в комнату и весело поглядывая на нас. – Вижу, «еще чему» вы все научились. А теперь, в завершение сегодняшнего урока, давайте выучим с каждым фразу по выбору. Что бы вы хотели научиться говорить? Кто первый?

Грег – парень лет двадцати пяти – поднял руку и, дождавшись кивка Эндрю, сказал, что хочет научиться говорить: «Помочь вам донести покупки?»

– У меня в подъезде на четвертом этаже живет глухая девушка, – пояснил он, краснея. – Хочу пообщаться с ней.

Эндрю кивнул, улыбнулся:

– Повторите. – Он указал на Грега, крутанул рукой перед лицом по часовой стрелке, сомкнул и снова раскрыл пальцы и вновь указал на Грега. Он велел Грегу повторить это движение несколько раз, затем то же самое сделали все мы.

– Теперь вы все умеете говорить «Ты красивая» – думаю, именно это Грег хотел сказать на самом деле.

Мы все засмеялись, а Грег покраснел еще сильнее, но заулыбался.

– А теперь, если настаиваете, выучим и фразу про покупки.

Мы все повторяли за ним движения, потом Эми спросила, как сказать «Могу ли я чем-нибудь помочь?», а Ширли, плотная сидящая дама,

поинтересовалась, как узнать, где здесь парк. Дайана, лет сорока пяти, выбрала фразу: «У моего племянника снижен слух».

– Вот что, друзья, в прошлый раз мы это не обсуждали, так что удачно, что Дайана об этом заговорила, – сказал Эндрю. – Как видите, Дайана уже знает, что теперь принято говорить «снижен слух». Как вы помните, раньше говорили «слабослышащие», но теперь этот термин вышел из употребления, поскольку имеет негативный оттенок – подразумевается, что человеку чего-то не хватает. В настоящее время большинство людей со сниженным слухом предпочитают именно такое выражение. Вот как это показать: складываете пальцы как для буквы Н и быстро передвигаете вправо.

Он сложил вместе указательный и средний палец правой руки, направив их в нашу сторону, и провел ими в воздухе дугу слева направо. А потом спросил Вивиан, чему она хочет научиться. Она выбрала фразу «Живи долго и процветай», и он показал нам, как сказать это на языке глухих, а потом посоветовал использовать вулканский салют из «Звездного пути», и мы все снова расхохотались.

Настала моя очередь.

– Какую фразу хотите выучить вы, Кейт? – спросил Эндрю.

Я набрала в грудь побольше воздуха:

– Научите меня, пожалуйста, как сказать: «Извини, что вела себя странно».

Именно это я хотела бы сказать Ханне, если снова ее увижу. Ей ведь показалось странным, что я разучилась говорить с ней на языке глухих, и надо попросить за это прощения.

Эндрю посмотрел на меня с удивлением, но кивнул. Мне следовало указать пальцем на себя, потереть правым кулаком грудь над сердцем, затем снова указать на себя, дважды легко провести большим пальцем по указательному и наконец, скрючив пальцы, поводить рукой вправо-влево перед лицом, шевеля при этом указательным, средним и безымянным.

– Молодец, – сказал он, когда я дважды правильно повторила всю последовательность. – Хватаете на лету! Задержитесь после урока ненадолго, Кейт. Я вам кратко изложу, что было на прошлом уроке, – уверен, вы это быстро усвоите.

Напоследок он подмигнул Вивиан и отсалютовал по-вулкански, а затем распрощался до следующей недели.

– То же время, то же место. А пока отрабатывайте буквы и фразы, – сказал он. – Повторенье – мать ученья, как в любом другом языке.

Я попрощалась с Вивиан.

– Повезло, останешься наедине с Эндрю, – проворчала Эми. – Пожалуй, я прогуляю следующее занятие и тоже получу личный урок.

Я засмеялась и помахала ей рукой.

Когда я обернулась, Эндрю глянул на часы, и я подумала было, что он отменит урок, потому что торопится. Но он сказал:

– Есть хочется. Может быть, сходим перекусить, а заодно и обсудим прошлый урок?

Я не сразу ответила. Уже и не помню, когда в последний раз ела вне дома с другим мужчиной, не с Дэном. К тому же мне не терпелось вернуться домой, напиться и лечь пораньше в постель – вдруг я снова проснусь в том невозможном мире, где Патрик жив?

– Я не кусаюсь. – Эндрю явно уловил мои опасения и добавил: – Тут рядом есть пара забегаловок. За полчаса уложимся. А то я рухну к вашим ногам, если не поем. Угощаю.

Я натянуто улыбнулась. В самом деле, я веду себя глупо.

– Да, конечно. Я тоже проголодалась. Только платить за меня не надо.

Следуя по пятам за Эндрю – по лестнице, затем в притвор церкви, – я невольно оглянулась через плечо на распятие над алтарем.

– Вернуться никогда не поздно, – сказал Эндрю.

Оказывается, он все подмечает.

– Мысли читаете? – спросила я.

Он пожал плечами:

– Нет, просто я такой же: слегка отклонился от курса.

Тут мы вышли на улицу.

Глава 9

Мы заглянули в закусочную в нескольких шагах от церкви.

– Предупреждаю, – Эндрю придержал передо мной дверь, – здесь подают лучшие жирные бургеры на всем Манхэттене. А то и во всем штате Нью-Йорк.

Официантка провела нас к столу, мы сели, и Эндрю отказался от меню:

– Я и так знаю, что закажу.

– А вашей девушке? – спросила официантка.

Эндрю усмехнулся:

– Наверное, ей меню понадобится.

– Я не его девушка, – зачем-то сообщила я официантке. – Но он говорит, бургеры тут замечательные, – поспешила я добавить, чтобы не выглядеть полной идиоткой. – Так что мне то же, что ему.

– В таком случае два бургера, – подытожил Эндрю. – Средней прожарки, оба с вашим домашним соусом и яичницей. И две черри-колы.

– Черри-колы? – переспросила я, дождавшись, чтобы официантка отошла.

– Вы признаете, что это лучший напиток во вселенной: они добавляют настоящий вишневый сироп, как в газировке из автомата.

Я почувствовала, что улыбаюсь:

– Ладно, согласна. Но яичница к бургеру?

Эндрю театрально вытаращил глаза:

– Вы никогда не пробовали бургер с яичницей? Кейт, ваш мир сейчас изменится раз и навсегда!

Официантка принесла два гигантских стакана красноватой колы, и, пока мы ждали еду, Эндрю протянул мне тонкую стопку карточек с изображениями знаков и с пулеметной скоростью принялся объяснять.

– Как я уже говорил группе на прошлой неделе, – сказал он, – правила грамматики в американском языке жестов несколько отличаются от стандартной английской грамматики, то есть в некоторых фразах прямое дополнение может стоять впереди, хотя для нас привычно, чтобы прямое дополнение следовало за глаголом.

– Я эти термины несколько подзабыла, – призналась я.

– Ничего страшного. Вот пример. Мы говорим: «Я люблю бургер». И на языке жестов тоже можно построить фразу таким образом, но правильно будет и «Бургер я люблю» или даже «Бургер люблю я». – Он

продемонстрировал мне эту фразу, сложив ладони и как бы хлопнув ими дважды в горизонтальной плоскости, в первый раз правая рука поверх левой, во второй раз – наоборот, словно пирожок лепил. – Это «бургер», – пояснил он. – А это – «Я люблю». – И он скрестил руки на груди, а потом указал на себя.

– Мастер Йода так разговаривает, – припомнила я.

– А, эта женщина смотрела «Звездные войны»! Отлично! – обрадовался Эндрю. – Именно мастер Йода.

Затем он объяснил, как важно, общаясь на языке жестов, смотреть в глаза: отсутствие такого контакта воспринимается как неуважение.

– Многие думают, что язык жестов сводится к движениям собственно рук, – рассуждал он, – а это вовсе не так. Важно и выражение лица, и движение губ. Представьте себе обычный разговор: мы передаем свои чувства интонацией. Верно? Общаясь на языке жестов, мы не имеем возможности повышать голос и тому подобное, и полностью полагаемся на зрительный образ. Поэтому выражение лица тоже входит в «грамматику» этого языка. Но, как я уже сказал на прошлом занятии, это мы будем осваивать постепенно.

Как раз посреди основного раздела его лекции – о пяти ключевых элементах языка, то есть о положении пальцев, положении руки, ориентации ладони, движении руки и выражении лица – официантка принесла нам бургеры.

– Прервемся и справимся с ними? – предложил Эндрю.

Я поглядела на свой бургер: булочка-претцель, котлета, яйцо, салат, лук, маринованные огурцы – высоченная пирамида, истекающая жирным соком.

– Похоже, самая что ни на есть полезная пища.

Он поднял бровь:

– Как известно, в среду калории не считаются. – И, не дожидаясь ответа, впился зубами в свой бургер, застонав от наслаждения.

Рассмеявшись, я последовала его примеру. И да, было потрясающе вкусно.

– Моему мужу понравилось бы, – пробормотала я, сама не соображая, что говорю.

Эндрю покосился на мое кольцо:

– Приведите его сюда.

Щеки у меня запылали, ведь я думала о Патрике, а не о Дэне, который в рот не берет красное мясо.

– Нет-нет, я не замужем, – сказала я наконец. Полная бессмыслица,

ведь минуту назад я упоминала мужа.

Склонив голову набок, Эндрю дожидался пояснений.

– Я помолвлена. Но он пока еще не муж.

– Но бургеры любит, – подсказал Эндрю, словно пытаюсь разговорить ребенка-аутиста.

– Нет! – Щеки у меня горели. Придется объяснить, почему я заговорила о муже, которого потеряла двенадцать лет назад. Но мы с Эндрю едва знакомы! Так что я отделалась смешком: – Простите. День был трудный.

Он улыбнулся, хотя все еще озабоченно поглядывал на меня.

– Бывает. Но поверьте, после бургера вам станет лучше. Это просто волшебный бургер.

Я улыбнулась в ответ и откусила еще кусок, поражаясь, какое вкусное, сочное мясо, и пытаюсь не думать о жире и калориях – Дэн непременно указал бы мне на это. Я так старательно гнала эти мысли, что не заметила, как съела почти весь бургер. Я глянула на Эндрю – его тарелка опустела, и вид был довольный.

– Говорил же – вам понравится!

– Поверить не могу, что я столько съела! – воскликнула я, глядя на свои руки, словно это они сами вопреки всяким диетическим соображениям скормили мне бургер. – Как некрасиво получилось!

– Некрасиво? – удивился он. – Вот уж нет. Поверьте мне: возмущаться женщинами с хорошим аппетитом – это свинство и сексизм. А мне страшно нравится, когда женщина получает удовольствие от еды.

И снова щеки запылали, я положила остатки бургера на тарелку, но Эндрю, подавшись ко мне через стол, предупредил:

– Пока не доедите, урок не продолжим.

– Суровые у вас условия, – сказала я и, поймав себя на том, что уже кокетничаю, сделала серьезное лицо и откашлялась. – А почему вы стали преподавать язык жестов? Это ваша основная работа?

– Начнем лучше с вас, – ответил он. – Почему вы пришли в наш класс?

Я откусила большой кусок, чтобы выиграть время. Не говорить же: «Я решила выучить язык жестов, чтобы общаться с несуществующей дочерью в несуществующем мире снов, где обитает мой покойный муж, любивший такие бургеры». Вместо этой нелепой правды я, прожевав, сообщила:

– Я музыкальный терапевт. – И добавила после паузы: – И я, ну, слышала, появились новые методы музыкальной терапии для глухих детей, и подумала, стоит в этом разобраться.

Эндрю просиял:

– Правда? Фантастика! – Он тоже сделал паузу, прежде чем признаться: – Ладно, это прозвучит глупо, но что поделать. Я слышал про музыкальную терапию, но специалиста вижу впервые. Как это работает?

– По-разному. – Я подняла на него глаза – он внимательно за мной наблюдал. – Трудно рассказать в двух словах, и даже среди специалистов мнения расходятся и о сути метода, и о возможных его применениях. – Вряд ли Эндрю интересны научные споры, одернула я себя: надо покороче. – С помощью музыки мы стараемся восстановить физическое и эмоциональное здоровье пациента, и это каждый раз – индивидуально. Например, с помощью музыки удастся разговорить ребенка с отставанием речевого развития. Но прежде всего нужно, чтобы ребенок доверился тебе, и может так случиться, что какие-то слова из песни помогут ему открыться, он поделится своей тайной – или, скажем, какое-нибудь случайное замечание подскажет вам, что у него в душе.

Эндрю кивнул:

– Как в фильме «Король говорит»?

– Не совсем. Там речевая терапия. При этом тоже используется музыка, все правильно показано, – сказала я. – Но собственно музыкальная терапия состоит в том, чтобы с помощью музыки установить связь с пациентом, а потом, когда отношения сложатся, вместе добиваться того, ради чего пациент пришел к терапевту. Музыка открывает много дверей.

Я осеклась, поразившись собственной болтливости. Но Эндрю улыбнулся, энергично закивал:

– Да! Очень хорошо вас понимаю. Существует множество способов общения, не только с помощью слов. А у вас уже есть пациенты с нарушениями слуха?

Я покачала головой и, уклоняясь от его взгляда, доела бургер.

– Пока нет. Ваша очередь, – напомнила я. – Почему вы взялись вести этот курс?

– Я работаю в агентстве Святой Анны, – сказал он. – Знаете такое?

– Вроде нет.

– Не беда. О нем мало кто слышал. Но что такое АУД, вы же знаете? Администрация по устройству детей?

– В приемные семьи?

– Да, это общая система, но детей с особыми потребностями передают в специальные агентства – Святой Анны или в «Новые возможности для детей». У нас действуют программы адаптации детей как с умственными, так и с физическими нарушениями. Я работаю с глухими и слабослышащими детьми, которые поступают в Святую Анну.

– Так что курсы – это приработок?

Он кивнул:

– Подумал, будет интересно. Второй раз в жизни преподаю. Как я справляюсь?

– У вас прирожденный талант, – искренне ответила я. – Вы знаете язык глухонемых с детства?

На миг его улыбка померкла.

– Мой младший брат родился глухим, – сказал он. – Когда он начал осваивать язык жестов, родители заодно обучили и меня. Так что не помню даже такого времени, чтобы я не знал этого языка. – Он приумолк, снова улыбнулся, вспоминая: – Это был наш тайный язык. Никто нас не понимал, когда мы на нем разговаривали.

– Круто!

Он подмигнул:

– Точно, я просто потрясный. Но хватит обо мне. Почему вы стали музыкальным терапевтом?

– Длинная история. – Мне не хотелось рассказывать о Патрике. – Если совсем коротко: человек, которого я любила, убедил меня, как важно заниматься тем, чем я по-настоящему увлеклась.

– Я так всегда и говорю, – кивнул он. – Жизнь слишком коротка, нельзя отказываться от своей мечты.

Я с трудом сглотнула:

– И он так всегда говорил.

– Похоже, он – классный парень.

– Был, – печально улыбнулась я.

– Так, – после неловкой паузы сменил тему Эндрю. Тоже откашлялся. – Могу я задать вопрос?

– Конечно. – Я прихватила вилкой несколько кусочков картошки фри и наконец отодвинула от себя тарелку. Меня замутило – то ли бургер все-таки был великоват, то ли я разволновалась от воспоминаний.

– Послушайте, не стану ходить вокруг да около, и вы тоже, пожалуйста, не стесняйтесь отказаться, если вам это не подходит. У нас в Святой Анне есть несколько слабослышащих и глухих детей, я бы хотел попробовать с ними что-то новое. Хорошие детишки. Платить я вам сейчас не смогу, мы исчерпали годовой бюджет – купили двум ребятам имплантируемые слуховые аппараты, но, если вы собираетесь работать с глухими пациентами, тут бы как раз и попрактиковались.

– Хм, – пробормотала я, прикидывая, как бы отказаться повежливее.

– Все-все, не смею настаивать. – Эндрю дал обратный ход. – Безумная

идея, да? Просто я все думаю, как подобраться к этим детишкам, понимаете? А тут вы. Но, наверное, вам они не очень подходят.

Я все еще сомневалась.

– Зависит от ребенка и от того, какая ему нужна помощь, – сказала я наконец. – Так-то музыкальная терапия применяется в самых разных ситуациях.

Он улыбнулся:

– Секретное оружие, поражающее любую цель. – Смолк, покачал головой. – Видимо, я слишком много времени провожу с детьми, вот и вообразил вас героиней комикса с волшебной панфлейтой.

Я засмеялась в ответ:

– Увы, я понятия не имею, как играть на пан-флейте.

– Разбили мои надежды в прах, Кейт. И что, плаща с капюшоном у вас нет?

– Изредка надеваю, – на полном серьезе ответила я, и он засмеялся. Я набрала в грудь побольше воздуха и решила: – Так что вы хотели сказать об этих детях? Чем я могла бы, по вашему мнению, им помочь?

– Двум из трех девочек имплант поставили недавно, так что они еще только учатся говорить и воспринимать речь на слух. Конечно, через слуховой аппарат музыка звучит с искажениями, но, насколько я понимаю, они все-таки могут получить от нее удовольствие. Как вы думаете, может музыкальная терапия ускорить речевое развитие? И выманить их из скорлупы? Или я не прав?

Я задумалась.

– Знаете, вы, наверное, правы: я бы могла им помочь, – словно со стороны услышала я собственный голос. – Рада буду попробовать.

– Правда? Кейт, честное слово, вы же себе не представляете, как много вы могли бы сделать. Особенно одна девочка, никак не подберу к ней ключик, а вы, может быть, сумеете достучаться. – Он улыбнулся, покачал головой. – Ох, извините. Опять забегаю вперед. Придется попросить вас заполнить кое-какие бумаги, но с этим мы быстро управимся. Я так рад, что удалось вас соблазнить.

– И я рада, – ответила я. Как ни странно, это была чистая правда.

Подскочила официантка со счетом, Эндрю настоял, что платит он.

– Уж это-то я могу себе позволить, Кейт, – заявил он. – И буду каждую неделю покупать вам такой бургер, если вы возьметесь помочь моим ребятам.

В тот момент, когда я торопливо записывала для Эндрю свои контактные данные, мне пришло в голову: должно быть, эти странные

видения затем и были мне посланы – напомнить, что я могу что-то дать людям, что-то новое, а то мои занятия совсем уж превратились в комфортную рутину. И мне сразу стало легче: тугой узел внутри словно бы ослаб.

Глава 10

Дэн вернулся домой к ночи, когда я уже спала, так что рассказать ему об Эндрю и о том, что я пообещала заниматься с детьми из Святой Анны, я могла только на следующий день после работы. Я позвонила ему из электрички – ехала повидаться с Джоан, как у нас было заведено после смерти Патрика: раз в месяц.

– Но, малыш, у тебя и так все дни расписаны, – сказал он с недоумением, когда я сообщила ему о просьбе Эндрю и об анкете, которую заполнила и отправила факсом, получив ее от Эндрю в тот же день с утра. – Разве тебе нужна дополнительная нагрузка?

– Думаю, я смогу кое-что переставить и высвободить один вечер в неделю. – Я уже проверила свое расписание и все продумала. – У меня получится.

– Кейт, прости, что спрашиваю, но ты уверена, что тебя не развели? – Меня взбесил его мягкий и участливый тон – точно он говорит с маленьким ребенком! – Складывается впечатление, что эта Святая Анна нарочно посылает парней вроде Эндрю вербовать волонтеров.

– Ничего подобного! – возмутилась я. – Эндрю вполне разумно рассуждает: у меня есть возможность помочь этим ребятам.

– Хорошо, – потянул он и выдержал паузу. – Кейт, я все-таки кое-чего не понимаю...

«Например, моей одержимости воображаемой дочерью?» – виновато подумала я. Но вместо этого спросила:

– Ты о чем?

– Сперва у тебя на ровном месте возник интерес к языку жестов, – вкрадчиво начал он. – Потом вдруг тебе понадобилось сотрудничать с каким-то социальным работником. Я просто хотел бы знать – у меня пока нет причин для беспокойства?

– Дэн, ты это серьезно?

– Да, конечно, я не прав... – Он умолк, и мне, конечно, следовало бы тут же его уверить, что я все понимаю и никогда бы его не обманула, и все у нас в порядке. Но я уже слегка обозлилась и не собиралась его утешать.

– Я всего лишь хочу попробовать то, что, как мне кажется, может оказаться мне по душе, – напряженно ответила я. – Я-то надеялась, ты меня поддержишь, а ты все выворачиваешь наизнанку. Давай на этом закончим разговор. – И я нажала красную кнопку и отвернулась, уставилась в окно. Я

и сердилась, и чувствовала себя виноватой: сердилась, потому что он посмел заподозрить, будто я что-то от него утаиваю, и чувствовала вину, потому что он угадал. Минуты через две телефон зазвонил, но, убедившись, что это Дэн, я позволила звонку уйти на голосовую почту. Ничего плохого я не делаю. Потом я прослушала сообщение, и мой гнев отчасти улегся: Дэн от всего сердца просил у меня прощения.

– Малыш, не сердись, – сказал он. – Просто иногда я пугаюсь, как бы не потерять тебя. Конечно, это глупо, я же знаю, ты меня любишь. Надеюсь, ты сама-то понимаешь, как сильно я тебя люблю.

Я подумала, не ответить ли эсэмэской, а потом взяла и выключила телефон. На какое-то время выкинула Дэна из головы.

Джоан, как всегда, ждала меня у станции в серебристом «вольво». Я забралась на пассажирское сиденье, мы неуклюже обнялись, перегнувшись через центральную консоль. Она торопливо клюнула меня в щеку и включила зажигание.

– Рада тебя видеть, лапонька, – сказала она. – Хорошо выглядишь.

– И ты, – ответила я, почувствовав, как уходит стресс и расправляются плечи.

Джоан уже свернула на Футмил-лейн, к своему дому. Вечер за окном тускнел, серебряные волосы моей свекрови переливались в свете фонарей. В 2002 году на моих глазах ирландское черное дерево стремительно превратилось в перец с солью, а теперь исчезли и последние черные пряди, так напоминавшие шевелюру ее сына. После смерти Патрика она растолстела, а после смерти мужа – еще больше, и теперь выглядела как миссис Санта-Клаус.

– Как подвигается подготовка к свадьбе? – спросила она и прежде, чем я успела ответить, рассмеялась: – Извини. Как же я возмущалась миллион лет назад, когда мы с Джо были помолвлены и все задавали мне этот вопрос. У тебя, наверное, после помолвки минуты свободной не было?

– Да уж, – ответила я, хотя на самом деле мне хватило времени записаться на курсы языка глухонемых, да еще и вызваться волонтером.

– Если тебе какая-нибудь помощь понадобится, лапочка, ты сразу скажи, – продолжала она. – Ведь твоя мама далеко и... – Она вдруг вздохнула: – Еще раз извини. Это ведь некрасиво с моей стороны, да? Ни к чему, чтобы бывшая свекровь помогала тебе готовить свадьбу.

– Джоан, ты моя свекровь навсегда, – ласково ответила я. – Это неотменимо. И я буду очень благодарна за помощь.

Мы остановились перед домом Джоан, домом, где вырос мой Патрик. Джоан предложила мне подождать на веранде, пока она сходит за холодным

чаем.

– Ужин в скороварке, – сообщила она, – но я подумала, сначала посидим тут, на воздухе, поболтаем. Вечер такой чудный.

– Может, помочь? – вызвалась я.

– Нет-нет, я через минутку вернусь. – Сетчатая дверь захлопнулась за ней, а я уселась в деревянное адирондакское кресло и прикрыла глаза. Со стадиона через дорогу, где шла встреча детских команд, донеслись аплодисменты, потом высокий жестяной звук – алюминиевая бита ударила по бейсбольному мячу. Зрители разразились приветственными криками, и я невольно улыбнулась. Мы с Патриком всегда слышали эти же звуки, сидя тут на веранде летними вечерами и болтая – рано или поздно шум, доносившийся с бейсбольного поля, побуждал Патрика и его отца пуститься в оживленное обсуждение последней игры «Янкиз».

С берега тянуло солью, я инстинктивно дотронулась рукой до висевшего у меня на цепочке серебряного доллара, вспоминая, как мы с Патриком бросили монету в океан – всего в нескольких кварталах отсюда – сразу после свадьбы. «Благодарность мирозданию за лучшее, что случилось в моей жизни», – сказал тогда Патрик. А можно попросить мироздание вернуть денежки, если жизнь пошла совсем не так, как мы надеялись?

– Патрик тебе рассказывал историю про серебряные доллары – всю, до конца? – спросила Джоан, вернувшись с двумя стаканами ледяного чая. Открыв глаза, я увидела, что сжимаю в руке мою монету.

Я покачала головой.

– Он только сказал, что его дедушка – твой отец – собрал целую коллекцию и с детства бросал их наудачу.

Она улыбнулась:

– Все верно. Начало этой традиции положил мой прадед, почти сто лет назад, когда мой отец был еще маленьким. Он вручил моему отцу пятьдесят только что отчеканенных серебряных долларов и сказал: каждый раз, когда с ним случится что-то чудесное, нужно возвращать одну монету в мир, чтобы кто-то другой мог загадать на нее желание.

И я улыбнулась: Патрик рассказывал мне, как его дед в 1936 году бросил серебряный доллар в воду с Бруклинского моста – его любимая команда, «Янкиз», выиграла мировой чемпионат. И они еще три года подряд побеждали, так что дед твердил: это все его монеты, удача, вернувшаяся в мир, уберегает команду от поражений.

– Да, я помню, Патрик говорил. И он действительно в это верил.

Джоан кивнула:

– И я верю. Мой отец утверждал, что придерживать монеты нельзя: нарушится гармония мира. После моего рождения он отложил пятьдесят монет для меня, и потом столько же для Патрика. Весь смысл в том, чтобы благодарить мироздание за то, что с тобой случилось хорошего, и передавать удачу дальше.

– Мне всегда нравилась эта традиция.

– А известно тебе, что Патрик выбросил одну монету наутро после встречи с тобой? – спросила Джоан.

Что-то во мне дрогнуло.

– Нет, – прошептала я. – Этого я не знала.

– В тот день он позвонил мне, – продолжала Джоан, взгляд ее блуждал далеко, в прошлом. – Я сразу поняла, как для него это серьезно. Патрик зря монетами не разбрасывался.

– Ого! – пробормотала я. Больше ничего выговорить не получалось: в горле встал ком. Я снова потянулась к серебряному доллару на цепочке; Джоан внимательно следила за мной.

– Ты ведь знаешь, – ласково продолжала она, – что этот доллар тоже нужно выбросить?

Я глянула на нее с испугом.

– Но это последнее, что он мне подарил! – Я жадно вцепилась в свою монету.

– Я знаю. Но знаю и то, что он дал ее тебе потому, что случилось что-то хорошее. И он бы ее выбросил, как только поделился с тобой этой хорошей новостью.

Я кивнула и на миг увидела перед собой его лицо, то необычное выражение лица, с каким он вручал мне монету. «За ужином расскажу», – пообещал он. Но так и не вернулся домой. Та хорошая новость, которую он собирался мне сообщить, погибла вместе с ним в разбившемся такси.

– Я так и не узнала, о чем он хотел мне рассказать.

– Быть может, это так и останется тайной. Но серебряные доллары не полагается оставлять у себя. Во всяком случае, в нашей семье не полагается.

Ее слова рвали мне душу – потому, что хотя я и помыслить не могла расстаться с монетой, которую надевала каждый день, но понимала: Джоан права.

– Я еще не готова, – призналась я наконец.

– Ничего. – Она сжала мне руку. – Когда-нибудь. Наступит день, и придется это сделать.

Я кивнула, и с минуту мы сидели в дружеском молчании. Я думала о

Патрике, о том, как он верил в магию серебряного доллара. Но доброе волшебство не спасло ему жизнь.

С бейсбольного поля донесся очередной крепкий удар алюминия по коже мяча, заорали зрители.

– Патрик планировал когда-нибудь стать тренером дворовой команды, – нарушила молчание Джоан. – Он бы прекрасно учил таких ребят. Он умел обращаться с детьми.

Я слабо улыбнулась.

– У него замечательные отношения с Ханной. – Спohватившись, я прикрыла рукой рот.

– С кем? – переспросила Джоан.

– Ни с кем. Извини, – заторопилась я. – Я хотела сказать... Прости меня, Джоан.

– За что, лапонька? – удивилась она.

С минуту я тупо разглядывала собственные ладони.

– Если б мы с ним родили ребенка!

– Кейт... – заговорила Джоан, но я перебила:

– Я думала, нам еще рано. – Тысячу раз я вела этот разговор сама с собой, но вслух – впервые. – Патрик был готов в любой момент, но я еще училась и попросила отложить на несколько лет, а он согласился. Мне казалось, у нас сколько угодно времени впереди.

– И ты была права, Кейт, – попыталась она меня утешить. – Ты поступила совершенно правильно. Как ты могла предугадать беду? Конечно, я счастлива была бы внуку или внучке, но это не входило в Божий замысел, и уж себя-то винить ты не должна.

Мы еще с минуту помолчали, погрузившись в свои мысли, а потом Джоан спросила:

– А вы с Дэнном не собираетесь завести детей?

Я не сразу собралась с духом.

– У меня не будет ребенка, – тихо выговорила я. – Пару недель назад выяснилось.

– Ох, лапонька! Мне так жаль! Что ты думаешь с этим делать?

– Пока не пойму, – ответила я.

– А ЭКО не получится?

Я покачала головой.

– Или суррогатная мать? – У меня нет яйцеклеток.

– Тогда усыновить? – просияла она. – Ты подаришь ребенку прекрасную семью.

– Возможно. Я пока не знаю, как к этому отнесется Дэн.

– А ты сама-то хочешь?

Я подумала. Сколько уже лет я забывала спросить себя, чего хочу я.

– Я хочу стать матерью, Джоан, – тихо ответила я. – Думаю, мне предназначено было стать матерью.

Глава 11

Волна благодарности захлестнула меня, когда я, проснувшись, поняла, что вернулась в старую свою квартиру и лежу рядом с Патриком.

– Спасибо, – шепнула я, и он проснулся.

Повернулся, сонно поморгал и потянулся ко мне: – Ты что-то сказала, моя хорошая?

– Нет. То есть да. Сказала. Но не тебе. – Я все еще колебалась. – Наверное, я обращалась к Богу, – призналась я. Да, я благодарила Бога за это, чем бы оно ни было, за дар, который позволил мне заглянуть в ту жизнь, какая могла у нас быть.

– А, ладно, тогда хорошо, – сказал Патрик, притягивая меня ближе. – С этим парнем наверху можешь и при мне поговорить, разрешаю.

Он стал целовать меня, медленно, глубоко, и счастье щеkotно разливалось по телу, но тут из груди вырвалось рыдание.

– Кейт? – Патрик отодвинулся, посмотрел на меня с тревогой. – Что такое?

– Ничего, – пробормотала я. – Все в порядке.

– Но ты же плачешь.

– Просто я... так скучала по тебе! – призналась я. Наш мир замерцал, потускнел, это предупреждение.

Ничего не заметив, Патрик погладил меня по волосам:

– Вот же я, Кэтили.

Я постаралась улыбнуться:

– Да. Вот же ты. Конечно, ты тут.

И комната вновь сделалась отчетливой, цвета просияли уже привычной ослепительной яркостью. Я выдохнула с облегчением.

Он ласково утирал мне слезы, шершавый большой палец скользил по моей щеке. Я хотела сказать что-то еще, о чем-то спросить, но Патрик перекатился на другой бок, глянул на часы и воскликнул:

– Черт! Мы опаздываем. Надо собрать Ханну.

Я ошарашенно заморгала:

– Куда собрать?

– В лагерь, на один день. – Он вновь озабоченно глянул на меня. – Ее мама Питера отвезет. Ты не забыла?

Не дожидаясь ответа, он встал, а я следила за ним, не в силах вдохнуть. Вот он уже натягивает на голую грудь серую футболку.

– Идем? – улыбнулся он мне.

– Иду, – прошептала я. Надо впитывать в себя каждое мгновение этой жизни, реальна она или мнима. Я слегка откашлялась: – Давай сделаю нам на завтрак оладьи? Время есть? – И спохватилась: – Постой, а Ханна любит оладушки?

Едва эти слова прозвучали, как я внутри себя услышала ответ: громогласное ДА. И так же мгновенно я вспомнила, что она предпочитает оладьи с арахисовой пастой и черникой, на эту комбинацию мы наткнулись, еще когда она была в первом классе, и тогда же выяснилось, что к оладьям она любит мед, а не кленовый сироп.

– Любит ли Ханна оладушки? Синее ли над нами небо? – усмехнулся Патрик, избавив меня от необходимости оправдывать очередной мой промах.

– Шутка, – заторопилась я. Он уже был в дверях, я накинула синий махровый халат – незнакомый мне, но уже любимый – и поспешила следом.

Из ванной слышался плеск воды, из кладовки – шорох.

– Моя семья! – вслух сказала я и тут же одернула себя: хватит все время переспрашивать, моя ли это жизнь. Если я буду вести себя так, словно меня в любой момент могут отсюда выкинуть, то и выкинут, я ведь уже это проходила.

В кухне я вытащила сковороду из шкафчика слева от плиты, включила горелку, кинула на нее несколько кусочков масла. Все взаправду, строго повторила я себе. Мурлыкая себе под нос, смешала муку, сахар, разрыхлитель, растительное масло, соль, молоко и яйцо и в ту же миску добавила полстакана арахисовой пасты. Я тут взаправду. Выложила тесто, ложку за ложкой, на сковородку и присыпала каждый оладушек замороженной черникой, как только тесто начало шипеть и пузыриться.

Это моя жизнь, твердила я себе, пока кухня наполнялась запахом масла и поджаристых оладий. Моя!

Ханна пришлепала в кухню, одетая в красивое платье в цветочек и фиолетовые кеды-конверсы. Я как раз выложила первую порцию оладий на противень, чтобы подогреть их в духовке.

– Доброе утро, – сказала она, и, обернувшись поздороваться с ней, я почувствовала, как дрогнуло от счастья сердце. Впервые я заметила у нее за правым ухом маленькую вытянутую штучку, она прикрыта волосами, а в прошлый раз тут как раз был хвостик, вот я ее и не разглядела. Она повернула голову, и я увидела такой же наушник слева.

– Импланты, – сказала я себе, и, хотя Ханна подозрительно на меня

покосилась, комната не потускнела, а на меня сразу обрушились воспоминания о том, как мы учили малышку читать по губам и пытались складывать с ней слова. Ей было два с половиной года, когда мы с Патриком решили, что нужно ставить импланты. Вспомнилась и безумная паника, пережитая мной во время ее операции, и радость следующих недель: моя девочка начинает слышать! И еще я вспомнила, что прежде, чем научиться говорить, она освоила язык жестов, и мы поощряли ее дальнейшие занятия этим языком, чтобы сохранить ее связь с этим сообществом, а потому Ханна в разговоре с Патриком и со мной часто переходит с одного языка на другой.

– Мама? – вслух позвала она, и я заметила, что она смотрит на меня с тревогой: стою тут с лопаточкой и таращусь на нее как на привидение.

Я собралась, улыбнулась ей и жестами ответила: «Доброе утро». Этому я научилась в интернете.

Девочка успокоилась и ответила жестами: «Ты сегодня опять странная», – но при этом улыбаясь. Поразительно, как понятен мне ее язык в этом мире, а значит, спохватилась я, этот мир нереальный. Но ведь и сном его не назовешь, это что-то гораздо большее, чем сон.

Я постаралась припомнить фразу, которой научилась у Эндрю: «Извини, что вела себя странно». Указала на себя, сжатым кулаком правой руки провела над сердцем, снова указала на себя, дважды потерла большим пальцем указательный, и, скрючив пальцы правой руки, махнула справа налево на уровне лица, шевеля при этом указательным, средним и безымянным.

Ханна присмотрелась ко мне, и я испугалась, не перепутала ли знаки. Но она сказала вслух:

– Ты всегда странная, мамочка, – и, рассмеявшись, добавила на языке жестов: «Оладьи готовы?»

– Еще минуточку, – ответила я. Растопила в сковородке еще немного масла, плюхнула пять ложек жидкого теста, присыпала черникой. Обернувшись, увидела, как Ханна достает из шкафчика три тарелки, а из ящика для кухонных приборов – три вилки.

Она перехватила мой взгляд, закатила глаза:

– Что опять, мама?

Я торопливо покачала головой, отвела глаза.

– Все хорошо, – сказала я, а потом добавила на языке жестов: «Я тебя люблю».

Девочка снова закатила глаза, но не сдержала улыбку.

– И я тебя люблю, глупенькая, – ответила она вслух. – И можешь не

махать все время руками. Честное слово, я не забываю практиковаться в языке жестов, ага.

«Еще чего», – ответила я на языке жестов, вспомнив шуточку Эндрю, и Ханна скорчила мне в ответ рожу, но по-прежнему улыбалась.

Когда я сунула в духовку вторую порцию оладий и подогрела сковороду для третьей, Ханна, подойдя ко мне, пустилась рассказывать о какой-то Мэгги. Словно вспышка озарила мою память: оказывается, я знаю, что Мэгги – лучшая школьная подруга Ханны, и эта девочка всегда мне нравилась. Затем Ханна переключилась на длинный монолог жестами о девочке по имени Джессика, они с ней вчера сидели рядом. «Джессика в прошлом году познакомилась с ребятами из *One Direction*, – показала она, восторженно округлив глаза. – Круто!»

Удостоверившись, что Ханна смотрит на меня, я спросила:

– Так сегодня ты встретишься в лагере с Джессикой?

Она покачала головой.

«Разве что Мэгги опять не будет. Мэгги не любит Джессику».

В кухню вошел Патрик – свежевыбритый, пахнущий гелем для душа. Он уже оделся как на работу: офисная рубашка, хлопчатые брюки, мокасины.

– Уmmm, оладушки! – Он похлопал себя по животу. Подошел ко мне сзади, пощекотал, как делал всегда, когда мы бывали на кухне вдвоем. Ткнулся носом мне в шею, и я блаженно вздохнула.

«Неприлично, папочка-мамочка», – жестами пристыдила нас Ханна, и мы оба расхохотались.

Мы ели в уютном молчании, и я с удивлением поняла, что придуманная Ханной комбинация черники и арахисовой пасты идеальна: кисловатые ягоды великолепно оттеняли солоноватый вкус арахиса. Сверху мы поливали оладушки сиропом, а Ханна – медом. Они стремительно исчезали.

После завтрака мы вышли с Патриком и Ханной на крыльцо, и через несколько минут перед домом притормозил минивэн: женщина за рулем, мальчик-подросток на пассажирском сиденье.

Я так крепко обняла Ханну на прощание и так долго не отпускала, что она вывернулась, пробормотав: «Ой, мамочка, чего ты?» Машина тронулась, Ханна помахала на прощание, и я еще долго смотрела вслед, когда минивэн уже скрылся за поворотом.

– Что с тобой? – окликнул меня Патрик, слегка сжимая пальцами мое плечо.

Я боюсь, что никогда больше не увижу мою девочку.

– Уже скучаю, – прошептала я.

– Скоро вернется, – сказал Патрик и снова с некоторым недоумением глянул на меня. Мы вошли в дом. – Ты и не заметишь, как время пролетит.

Он вернулся в спальню, принялся повязывать галстук, стоя лицом к окну. Я остановилась на пороге, сердце замерло: так мне все это было знакомо. И не медля, не позволив себе усомниться, я прошла через всю комнату, коснулась рукой его плеча. Он медленно обернулся:

– Кэтили.

От одного звука моего имени по телу пробегает дрожь. Медленно, тщательно я развязываю на Патрике галстук, начинаю расстегивать его рубашку. С минуту он смотрит на меня, словно не решаясь.

– Кэтили, – пробормотал он опять, но я уже вижу: в глазах его вспыхнул огонь.

– Прошу тебя! – шепнула я, сведя к этой краткой фразе тысячи невысказанных слов. Мой муж, которого я не надеялась встретить вновь.

Лишь мгновение он еще колеблется, прежде чем схватить меня обеими руками – сильными руками, которые я так хорошо помню и люблю. Он прижал меня к груди, я слышу, как грохочет его сердце – никогда ему больше не биться, – и вот мы уже рухнули вместе на кровать.

Его тело изменилось, погрузнело, стало не таким гибким, зато в движениях прибавилось уверенности: он изучал мое тело много лет, а не только те драгоценные двадцать месяцев, что были нам отпущены. А потом я гоню прочь все мысли, весь этот изнурительный анализ, и мы с мужем занимаемся любовью – медленно, нежно, каждой клеточкой тела.

А когда все закончилось, я рухнула Патрику на грудь, залив ее слезами.

– Как прекрасно! – шепнул он.

– Я тебя очень люблю, – ответила я. Но вдруг вспомнила про Дэна, и меня захлестнул стыд. Если мне снятся такие сны с Патриком – это же предательство? Я отодвинула эту мысль, сделала глубокий вдох.

– Не покидай меня никогда, Патрик! Обещай, что никогда не оставишь меня.

– Любовь моя, я никуда от тебя не уйду.

Я смотрела на него, в зеленые глаза, по которым так тосковала, – и не могла унять слезы, даже когда он ласково взял меня за подбородок и попытался его приподнять.

– Что с тобой, Кэтили? Вот же я, здесь, и больше нигде.

– Да, – шепнула я, и это слово вонзилось мне в сердце миллионом кинжалов. – Ты – здесь, и больше нигде.

Глава 12

На следующее утро так же мощно меня захлестнуло чувство вины: проснувшись, я увидела Дэна, он крепко спал рядом со мной. При виде жениха меня замутило. Но это же ненормально, это уже безобразие какое-то!

Пока мы собирались на работу, Дэн был мучительно нежен и участлив. Лучше бы он держался отчужденно: тогда мне не пришлось бы думать о том, как я ему изменяла. Но измена ли это? Ведь все происходило только в моем воображении? И опять-таки – а вдруг это не только мое воображение?

Ведь и чистя поутру зубы, я все еще чувствовала прикосновения Патрика к моему лицу, умываясь, вдыхала терпкий запах его одеколона. И когда я вошла в кухню, твердо решив заблокировать любую мысль о нем, Патрик все еще что-то шептал мне на ухо.

– Малыш, я хотел бы еще раз извиниться за вчерашнее, – сказал Дэн, подавая мне дымящуюся чашку кофе: именно такой, как я люблю, и к нему кувшинчик ореховых сливок и пакетик заменителя сахара.

– За вчерашнее? – тупо переспросила я. Из вчерашнего у меня в памяти осталось одно: как я занималась любовью с покойным мужем.

– За то, что я тебе наговорил. Насчет твоих планов работать с детьми. Я был не прав. И я прошу прощения.

– А! – только и выговорила я.

Он уселся за кухонный стол напротив меня, провел рукой по волосам.

– Я не имел права усомниться в тебе. Но, по правде говоря... Я приревновал. Ревность – дурное чувство, я это знаю и изо всех сил стараюсь его не допускать. Ты знаешь, у меня был неприятный опыт, но он не оправдание.

Я кивнула. В тридцать с небольшим Дэн женился на девушке по имени Шиван, они прожили вместе три года, а потом она изменила ему со своим начальником. На первом же свидании Дэн сообщил мне, что после этого испытывает некоторый страх перед обязательствами и ему трудно кому-либо довериться, но он работает над собой. Я ответила, что после смерти мужа тоже боюсь новых отношений, и он с улыбкой ответил: вот мы уже и нашли что-то общее.

– Я не Шиван, – напомнила я.

– Я знаю. Я знаю, что ты никогда меня не предашь. У меня и капли сомнения нет.

– Никогда, – повторила я, уткнувшись в чашку с кофе. Я все еще чувствовала губы Патрика у себя на горле, его руки на моей груди и как его тело прижимается к моему.

– Кейт? – Озабоченный голос Дэна вернул меня в реальность. – Что с тобой? Ты, кажется, отключилась.

Я подняла глаза:

– Извини, просто не выспалась.

Он все так же заботливо глядел на меня.

– Чем помочь? Если я могу взять какие-то твои хлопоты на себя...

– Большое спасибо. Но не надо, я справляюсь.

– Да, насчет подопечных детей и этого Эндрю... – Он откашлялся. – Если тебе это действительно так нужно...

– Дэн! – перебила я.

– Нет, я просто хотел сказать: я рад, – поспешно закончил он. – Ты, конечно, сможешь многое сделать для них.

* * *

Во вторник после занятия с Максом я отправилась в Квинс в головной офис Святой Анны на встречу с Эндрю. Он, как и обещал, ускорил прохождение бумаг, и меня допустили к работе с детьми. Оставалось добыть еще парочку подписей – и я смогу пообщаться с первым своим клиентом.

Сидя в метро, я листала под грохот вагона словарь жестов на айпаде, чувствуя, как нарастает радостное волнение. Всю неделю я изучала статьи о возможностях музыкальной терапии для глухих и слабослышащих детей и пришла в восторг. То, что на первый взгляд казалось немыслимым, выглядит вполне логичным, ведь музыка – это вибрация, ритм, высота тона. Я всегда знала, что музыка – великий дар людям, она соединяет их так, как не могут слова. Если я смогу разделить этот дар с детьми, то сделаю доброе дело.

Эндрю ждал меня у дверей офиса Святой Анны, размещенного в бывшей церкви постройки середины века. Он сидел на крыльце и при виде меня поднялся.

– Нашли дорогу! – улыбнулся он, поднявшись и отряхивая линялые джинсы. Мы встретились на середине дорожки и пожали друг другу руки – слишком официально, так что следом он неуклюже обнял меня.

– Я чересчур разоделась, – виновато сказала я: на нем была

старомодная футболка с Бэтменом, а я пришла с работы все в той же шелковой блузке, узкой юбке и на каблуках.

– Вовсе нет, – отвечает он. – Я вынужден так одеваться, потому что играю с детьми на полу, а еще случается что-нибудь чинить в домах у приемных родителей. Я широко известен как мужчина, который творит чудеса при помощи отвертки и дрели.

– А я – женщина, вообразившая, будто сумеет изменить чью-то жизнь при помощи гитары и маракасов, – подхватила я, подмигнув и ткнув пальцем в мою большую матерчатую сумку – в ней проступали очертания нескольких инструментов, что я прихватила с собой.

– Отличная выйдет парочка, – заключил он. Снял с моего плеча сумку, а когда я попыталась возразить, пригвоздил меня взглядом: – Пусть я одеваюсь как малолетка, но я джентльмен. Позвольте поднести вам сумку.

– Но помните: кто тронет мою гитару, тот покойник! – продолжала я, входя в роль супервумен.

– Отлично, грозная женщина-гитарист. Круто!

Я скорчила ему рожу и оглядела здание.

– Так дети, с которыми мне предстоит работать, тут и живут?

Он покачал головой:

– Нет, тут только офис, ну, иногда дети встречаются здесь с кем-то из волонтеров. По большей части они устроены в семьи, а те, у кого пока нет дома, живут в муниципальном общежитии, но мы стараемся, чтобы детки там надолго не задерживались. Я прихватил с собой ваши бумаги, осталось получить ваш автограф – и можем навеститься к ближайшей семье, где живут двое наших детей – Молли и Риэйджа. Годится?

– Конечно.

Он протянул мне два листка на картонке с зажимом: заявление от моего имени, подтверждающее, что вся предоставленная мной личная информация верна, и другое, что я не была осуждена за уголовное преступление. Я подписала и вернула ему бумаги, и мы отправились в путь.

– Что все-таки натолкнуло вас на мысль работать со слабослышащими? – заговорил Эндрю, когда мы свернули на 35-ю улицу.

Я призадумалась. Упомянуть Ханну значило бы показаться чокнутой, а чокнутые волонтеры нужны не всем.

– По-моему, музыка помогает каждому человеку, – сказала я наконец. – И есть много способов воспринимать ее не только ушами. И слабослышащий, и глухой ребенок могут получить удовольствие от музыки, хотя многие об этом не догадываются.

Мы свернули за угол, налево, на 34-ю авеню.

Эндрю глянул на меня.

– Обожаю наблюдать, как эти дети разрушают мрачные прогнозы, – сказал он. – Глухота или сниженный слух – сами по себе немалая трудность для ребенка, а тут еще и жизнь в приемной семье. Некоторые из них в группе риска, понимаете? Нельзя дать им пропасть.

– Пропасть в системе усыновления?

Я еще мало знала Эндрю, но понимала, что он подобного не допустит.

– Не совсем. Святая Анна замечательно работает, к тому же это не единственное агентство в городе. Нет, я о другом беспокоюсь: что они могут утратить шанс стать здоровыми, счастливыми детьми. У них снижена самооценка. Часто они думают, что никому не нужны, что родители от них отказались. Они склонны к плохому поведению, ищут выход агрессии. А тут еще особые потребности, и потому для них гораздо труднее найти постоянную семью, чем для «обычных» детей. Не так много приемных родителей с необходимыми навыками.

– И что же будет с этими детьми? – тихонько спросила я.

– Одним найдут дом. Кто-то вернется к биологическим родителям. Но есть и такие, кого, к несчастью, так и будут переводить из семьи в семью или же они окажутся в детском доме. Так что я, наверное, застряну на этой работе до конца жизни, – добавил он, сворачивая на дорожку к узкому кирпичному дому в ряду таких же. – Пусть ребяташки знают, что по крайней мере я всегда рядом. Чтобы у них всегда, всегда был взрослый, который думает о них. Человек, к которому они могут обратиться с любой проблемой.

– Эндрю, вы просто потрясающий! – еле выговорила я, и он тут же смутился.

– Прошу прощения за идиотский пафос.

– Нет, – тихо ответила я. – Ничего подобного. Хотела бы я тоже войти в жизнь этих детей – надолго.

Он посмотрел на меня немного удивленно, но кивнул.

– Ладно, хватит умных разговоров. Пойдем к детям.

Он надавил на кнопку звонка, и почти сразу же дверь отворила женщина с темными, чуть тронутыми сединой волосами. Под глазами у нее были мешки, но на губах улыбка. Она отерла руку о фартук и подала ее Эндрю.

– Извините, – сказала она. – Пирожки пеку. Заходите.

Эндрю переступил порог и жестом пригласил меня.

– Шейла, – представил он. – Это Кейт Уэйтмен, музыкальный терапевт, мы с вами о ней говорили. Кейт, это Шейла Мильявада, она печет

пирожки и спасает жизни.

– Рада знакомству, Кейт, – рассмеялась Шейла и закрыла дверь. Внутри домик весь пропах ванилью. – Сейчас позову девочек и пойду к своим пирожкам, пока не упустила.

– С девочками Кейт позанимается в другой раз, – предупреждает ее Эндрю. – Сегодня только знакомство, на несколько минут. Можно нам зайти в комнату Молли?

– Да, конечно. Последняя дверь справа. – Она махнула рукой в сторону узкого коридора и скрылась в кухне.

– Шейла у нас одна из лучших, – тихо пояснил Эндрю, ведя меня по коридору. – Молли семь лет, а Ризйджде десять. Они у нее уже почти год. Приятные девочки, вы с ними справитесь.

Он явно нервничал, и я поняла, как он хочет, чтобы начало прошло без сучка без задоринки.

– Начнем с Молли? – уточняю я.

Он кивнул.

– Она почти потеряла слух в четыре года, тяжелая инфекция и неудачное лечение. Жила с матерью, но у матери появился бойфренд, и ситуация в доме сложилась опасная для девочки. Ее забрали до тех пор, пока мать не избавится от этого человека. Молли почти не общается с другими детьми и заметно отстает в учебе, потому что не хочет участвовать в занятиях. Осенью она снова пойдет в выпускную группу детского сада – с детьми на год, а то и на два года младше. Она как раз одна из тех, за кого я боюсь.

– И ей не ставили имплант?

– При ее форме нарушения слуха имплантов не ставят, – ответил он. – Она общается главным образом на языке жестов, но я стараюсь учить ее читать по губам и говорить вслух. Мне кажется, это способствует социализации. Может быть, вы сумеете заняться с ней развитием речи, если она к этому готова.

Дверь была немного приоткрыта, Эндрю вошел первым и остановился перед Молли – бледной маленькой девочкой с прямыми соломенными волосами. Его руки пришли в движение, и я видела, как на лице девочки мгновенно сменяются подозрение, радость, настороженность. Одна против всего света – но хотя бы капельку доверяет Эндрю, подумала я.

– Привет, Молли! – вслух дублировал Эндрю то, что сообщал ей жестами. – Это Кейт, мой друг. Музыкальный терапевт. Она хочет познакомиться с тобой.

Лицо Молли помрачнело.

– Нет! – резко выговорила она со странным акцентом, «е» почти как «я». Она что-то ответила Эндрю, но я не сумела прочесть ее жесты. Эндрю покачал головой.

– Знаю, ты не любишь терапевтов, – проговорил он вслух, продолжая разговор на языке жестов. – Но Кейт не такой терапевт, не врач. Она музыкант.

Молли с подозрением оглядела меня и ответила Эндрю на языке жестов. Эндрю обернулся ко мне:

– Молли мне не верит.

Я кивнула и раскрыла свою сумку. Основная задача музыкальной терапии – научить ребенка общаться, но для начала нужно завоевать его доверие.

– Тогда придется мне самой играть, – небрежно заметила я. – Или Эндрю будет играть со мной.

Он быстро перевел мои слова на язык жестов, и я протянула ему ручной ксилофон с палочками. Я вытянула из мягкого чехла за спиной гитару и сыграла первые ноты песенки «У Мэри есть овечка». К моему удивлению (и облегчению), Эндрю подхватил и ритмично отстукал на ксилофоне следующую музыкальную фразу.

– Учился в детстве на пианино, – ухмыльнулся он, поймав мой недоуменный взгляд. – Но, боюсь, этим мой репертуар исчерпывается.

Я рассмеялась, и мы оба оглянулись на Молли, продолжая играть. Она таращилась на нас, слегка приоткрыв рот. В следующее мгновение она протянула руку и сказала вслух:

– Мне! – А поскольку я не отреагировала, она затопала ногами и обратилась к Эндрю на языке жестов.

– Конечно же Кейт даст тебе поиграть, – сказал Эндрю и вслух, и на языке жестов. – Но просить нужно вежливо.

Девочка сделала мне какой-то знак, и Эндрю мягко подсказал:

– Она просит инструмент.

Переводя взгляд с одного из нас на другого, Молли добавила вслух:

– Пожалуйста!

– Молодец, Молли! – кивнул ей Эндрю. – Кейт?

Улыбнувшись девочке, я вручила ей маракасы, и она приняла их – можно сказать, почтительно. Пару раз встряхнула, потом перевернула, разглядывая, словно пыталась понять, где тут прячутся звуки и вибрация. Лицо ее сделалось торжественным, она сказала Эндрю: «Готова». Вышло у нее «гутува», и я начала понимать, какая нас ждет работа.

Я вновь начала подбирать на гитаре «У Мэри есть овечка», очень

медленно, а Эндрю вторил мне на ксилофоне. Молли с минуту следила за нами, а потом сделала нечто удивительное: она аккуратно отложила один маракас и, держа в руке второй, подошла ко мне. Я продолжала играть, внимательно следя за девочкой. Сначала она легонько встряхнула маракас, потом потянулась левой рукой к струнам на грифе гитары. Глаза ее расширились: она почувствовала вибрацию. Прикосновение ее пальчиков к струнам изменило ноту, но я не стала ее останавливать: пусть Молли и об этом догадается сама.

Минуту спустя она начала встряхивать маракасом, точно попадая в ритм, и я обрадовалась: у девочки врожденное чувство ритма, нам будет совсем нетрудно развить этот талант и обратить его на пользу вербальной коммуникации.

Когда мы наигрались, повторив припев раз двенадцать, Молли вновь вопросительно поглядела на меня. Я поставила гитару и сказала ей на языке жестов: «Ты молодец», – выучила эту фразу днем во время обеденного перерыва.

Ее личико на миг просветлело, но улыбка тут же исчезла, и, к моему недоумению, девочка поглядела на меня со злобой. Обернувшись к Эндрю, она что-то сказала ему.

– Нет, Молли, – сказал он и голосом, и пальцами, – мы тебя не бросим. Кейт снова придет через неделю. Верно, Кейт?

Я закивала изо всех сил.

Молли подозрительно присматривалась ко мне. Потом что-то еще спросила у Эндрю.

– Она хочет знать, принесешь ли ты маракасы, – усмехнулся он.

– Непременно! – снова закивала я, и Эндрю на языке глухонемых подтвердил, что я вернусь со всеми музыкальными инструментами. Она снова поглядела на меня и неуверенно улыбнулась.

– Ладно! – сказала она вслух. – Пока.

– До свидания, Молли, – сказал Эндрю. Он сделал жест, похожий на волну. Я повторила за ним.

Молли мрачно кивнула и отвернулась, не желая видеть, как мы выходим из комнаты.

– Прошу прощения, – сказала я в коридоре.

– За что? – изумился Эндрю. – За что прощения?

– Наверное, мы мало что успели сегодня. Но с детьми лучше не торопиться, дать им время привыкнуть и довериться.

– Кейт, Молли никогда прежде так много не общалась с чужим человеком. Никогда. Что уж вы с ней такое сделали... Мне кажется, у вас

настоящий дар. Надеюсь, вам и Риэйджу удастся отомкнуть.

– Расскажите мне о ней.

– У нее от рождения остаточный слух всего пять процентов, – начал Эндрю. – Мама умерла от рака груди, когда девочке было два года, и после этого отец ее бросил. Явился в отделение Американского онкологического общества и сказал, что один не справится. Мы искали родственников, которые могли бы взять малышку, у нее очень большая семья, но лишь одна тетя согласилась, и та через год вернула ребенка. Ей как раз исполнилось четыре. Что-то случилось на дне рождения, тетя разоралась: мол, девка дура, на всю жизнь ненормальная, и на следующий день привезла ее обратно, словно вернула в магазин неудачную покупку.

– Ужасно! – прошептала я.

Эндрю кивнул.

– Подобные травмы не излечиваются годами. Риэйдже несколько раз за эти шесть лет находили приемную семью. Два года назад ей поставили импланты, но особого прогресса не видно. Она слышит и может вполне хорошо говорить, но предпочитает язык жестов.

– Потому что им она лучше владеет?

– Не уверен, – сказал Эндрю. – Скорее всего, это что-то вроде защитного механизма. Не подпускать к себе никого, отказываясь общаться на том языке, который доступен большинству.

– Бедный ребенок!

– Ну, посмотрим на это с другой стороны. Теперь это счастливый ребенок: будет заниматься с вами. – И он отвернулся, прежде чем я успела ответить на комплимент, а я почувствовала, как заливаюсь краской.

Эндрю вошел в затемненную комнату первым и быстро что-то обсудил с девочкой на языке жестов, а потом впустил меня.

– Я рассказал о вас, – предупредил он. – Риэйджа говорит, что общаться с вами не станет, но можете играть свою музыку, если хотите. – Он виновато пожал плечами.

– Не беда.

Я вошла следом за ним и увидела на полу Риэйджу – полненькую афроамериканку с длинными дредами. На вид ей было больше десяти – возможно, из-за усталого взгляда человека, который всего уже повидался.

– Привет, Риэйджа, – сказала я с улыбкой. Затем изобразила рукой волну и тщательно повторила на пальцах каждую букву ее имени. Она приподняла бровь, оглянулась на Эндрю и что-то быстро ему сказала. Он вздохнул и коротко ответил, не переводя мне этот обмен репликами.

– Что она говорит? – спросила я.

– Хочет знать, все ли у вас в порядке с головой. Видимо, на ее вкус вы слишком медленно говорите на жестовом языке.

Я поглядела на Риэйджу, та смотрела вызывающе. Я изобразила правой рукой букву А и сделала ею круг на уровне груди – так на языке жестов извиняются. Затем поднесла вывернутую левую ладонь ко лбу, словно черпая знания из книги и перенося в голову: «Учусь».

Риэйджа снова поморщилась и отвернулась.

Я перевела дыхание и, не дожидаясь, пока девочка обернется, поставила поближе к ней тамбурин, вручила Эндрю треугольник и принялась перебирать струны гитары. Я еще не решила, что буду играть, а пальцы сами заиграли «Желтую подводную лодку»: я часто играю ее с детьми.

«В городе, где я рожден», – пела я, а Эндрю точно в такт стучал по треугольнику: дважды после «города» и дважды после «рожден». Отличное чувство ритма. Когда же начался припев и Эндрю вовсю заработал треугольником, Риэйджа наконец обернулась.

Нам пришлось трижды повторить рефрен, прежде чем она взяла в руки тамбурин и, пристально следя за движениями моих пальцев, стала постукивать, – сперва осторожно, потом увереннее. В ритм она попадала неточно, но участвовала – я и на меньшее на первый раз не рассчитывала. Я твердила припев – снова, снова и снова, Эндрю послушно вторил на треугольнике. Девочка чуть улыбнулась, одними уголками рта.

Однако на четвертый раз она вскинула голову и посмотрела мне прямо в глаза. Лицо ее помрачнело, она швырнула тамбурин об пол и вышла из комнаты, не оглядываясь.

Мы с Эндрю смолкли и переглянулись.

– Прошу прощения, – в растерянности сказала я. – Не знаю, что произошло. Мне казалось, начало что-то получаться.

Я думала, он будет разочарован, а он улыбнулся. – Кое-что и правда получилось, – сказал он.

Я недоуменно уставилась на него:

– Неужели?

Шейлу мы нашли на кухне, и, пока Эндрю отчитывался ей о двух наших кратких занятиях и выбирал подходящий день на следующей неделе, я осматривалась. Дом Шейлы был полон семейных фотографий, на многих присутствовали Молли и Риэйджа, а на других, более старых, другие дети – видимо, Шейла не первый раз берет сирот под опеку. Ни на одном фото я не увидела мужа и поразились: какие же силы нужны, чтобы в одиночку воспитывать детей с особенностями развития.

На прощание Шейла обняла меня, а Эндрю на обратном пути сказал, что собирался познакомить меня с еще одной девочкой, двенадцати лет, но из-за проблем в школе она сидит под домашним арестом, так что к ней мы зайдем на следующей неделе.

– Обязательно зайдем! – подхватила я. – Мне понравилось заниматься с Молли и Риэйджей.

– У вас замечательно получается. Если вы готовы продолжать, думаю, вполне можно надеяться на отличные результаты.

– Конечно же я хочу продолжать.

Он посмотрел мне в глаза:

– А как насчет регулярных занятий? Мне кажется, детишкам это было бы на пользу.

– Непременно, – сказала я. – Я проверю, но кажется, вечер четверга у меня почти всегда свободен. Я могу даже заканчивать пораньше и приходить к ним в полпятого или в пять.

– Кейт, это было бы прекрасно! Мы, со своей стороны, готовы подстроиться, поберечь ваше время. В следующем году обязательно выделим на это хоть какие-то деньги, ручаюсь!

– Об этом не беспокойтесь, – пробормотала я. Обычно я злюсь, когда кто-то думает, будто музыкальный терапевт мог бы работать и за так – что же, наша работа ничего не стоит? – но это не тот случай. Пусть лучше Эндрю тратит деньги на детей, на то, что им нужно, и если удастся получить средства на импланты для сирот, то и правильно.

В дружелюбном молчании мы шагали к метро на углу Бродвея и 31-й улицы. Вдруг он пихнул меня локтем:

– А у вас с женихом уже есть дети?

Он поглядел на мое обручальное кольцо и только потом – мне в глаза.

Мне припомнилась Ханна, – но это же безумие! – Пока нет, – ответила я.

– Ну, просто, поглядев, как вы управляетесь с Молли и Риэйджей, – тепло улыбнулся он, – я подумал – извините, если прозвучит глупо, – из вас выйдет прекрасная мать. Если, конечно, это входит в ваши планы.

– Спасибо, – прошептала я. И поспешила сменить тему: – Ваш брат, о котором вы говорили, – он тоже в Нью-Йорке живет?

Улыбку сдуло с его лица.

– Кевин? Это долгая история.

– Время у меня есть.

По выражению его лица нетрудно было догадаться, что не в этом проблема: я задела болезненное место.

– Простите. Если не хотите рассказывать...

– Его давно нет, – прервал мои извинения Эндрю. – Мы были еще мальчишками, играли в футбол перед домом. Девочка, которая мне нравилась, проезжала мимо на велосипеде, я окликнул ее. Отвернулся на минуту, а Кевин выскочил за мячом прямо на дорогу. И он – он не услышал гудка.

– Ох, Эндрю! – В глазах у меня защипало.

– Мне было двенадцать. Ему девять. – Он устало пожал плечами. – Вроде бы так давно. Но это никогда не проходит, вы же понимаете?

– Да, я знаю, каково это – терять близких, – ответила я, но о Патрике не заговорила, все-таки Патрик – это другое. – Но не надо себя винить.

Он покачал головой:

– В том-то и дело. Конечно, я был виноват. Недосмотрел. Должен был следить за ним, но он погиб – а я себе живу. Не очень-то это справедливо, как по-вашему?

Я уже собралась ответить, но он продолжил:

– Мне не следовало вам это рассказывать. Подумаешь, какой мученик. Все у меня в порядке. Прошел курс лечения, было дело. Проработал. Но это навсегда останется во мне.

– Понимаю.

– С вами легко разговаривать, Кейт. Спасибо, что выслушали.

Только тут я заметила, что мы подошли уже ко входу в метро. Неловко потоптавшись, Эндрю указал куда-то в конец улицы:

– Я тут живу минутах в десяти отсюда. Сами домой доберетесь, ничего?

– Конечно.

– Отлично. Еще раз спасибо, Кейт. – Он пожал мне руку. – Увидимся завтра в классе.

Слегка улыбнулся мне и побрел прочь, не дожидаясь ответа.

Глава 13

Больше на той неделе Патрик и Ханна не возвращались в мои сны, и это было мучительным разочарованием. Я скучала по ним. Только в среду, погрузившись в язык глухонемых, я словно бы оказалась к ним ближе. Или все дело в теплой улыбке Эндрю и в том, как легко мне давались новые фразы и выражения: я почувствовала себя лучше.

Я пыталась перехватить Эндрю после занятий и продолжить тот разговор о его брате, но он торопился и ушел, не обменявшись со мной ни словом, зато Эми прожужжала мне все уши, пересказывая советы своей подруги насчет того, как завести роман. Мне показалось, таким не слишком тонким способом она давала мне понять, что нацелилась на Эндрю, а мне стоит подвинуться. Заподозрила, что между нами что-то происходит?

Последняя реплика уже не оставляла сомнений.

– У вас уже есть жених, – сурово подытожила Эми. – Так что незачем общаться с Эндрю после занятий!

– Эми, это по работе, – вздохнула я, но она лишь поморщилась и продолжила свой монолог о поиске пары в Нью-Йорке.

Пока я от нее отделалась и поднялась к выходу, Эндрю давно успел уйти и церковь опустела.

С порога я оглянулась на распятие и пробормотала:

– Спасибо, что Ты дал мне снова увидеть Патрика. Не знаю, правильно ли это, – думаю, мне следовало бы сосредоточиться на своей настоящей жизни. Но все равно спасибо. – Я перекрестилась и шагнула в теплый вечер, по-прежнему в смятении.

В субботу утром, когда я снаряжалась на охоту за свадебным нарядом вместе с Джиной и Сьюзен, Дэн вдруг подошел ко мне и поцеловал.

– Какая ты красивая! – сказал он, заправляя выбившуюся прядь мне за ухо. – Моя великолепная будущая жена. Собираешься за свадебным платьем? Говорят, для вас, женщин, это много значит.

Я улыбнулась.

– Джина и Сьюзен волнуются больше, чем я. – Услышав собственные слова, я покачала головой и поспешила исправиться: – Нет, я, конечно, тоже волнуюсь. Но они ведут себя так, словно сто лет ждали, когда же наконец увидят меня в белом платье.

Улыбка Дэна померкла.

– С тех, как умер Патрик. – Я не это хотела сказать.

– Понимаю. – Он взгляделся в меня и кивнул. – Ты-то себя хорошо чувствуешь?

– Конечно, – тут же ответила я. – У меня все в порядке.

Он смотрел все так же недоверчиво, и я добавила: – По работе есть проблемы, вот и все.

Он погладил меня по спине – ласково, мелкими кругами.

– Знаешь, что Стивен учудил? Не поверишь.

– Опять свалился с бочонка? – попыталась я угадать, и не очень-то шутила: лучший друг Дэна недавно развелся и в свои сорок пять вновь вообразил себя юнцом. – Или купил за двести тысяч спортивный автомобиль, за который никогда не расплатится? Или опять привел к себе домой студентку, у которой не было в детстве доброго папочки?

Дэн захихикал:

– Приятно, что ты так его ценишь. Но ты почти угадала.

– Ну здорово! – рассмеялась я.

– Он сделал ребенка девушке. И встречался-то с ней всего два раза.

Представляешь?

Смех застрял у меня в горле.

– И что же он?

– Предложил оплатить аборт.

Тугой узел внутри.

– Она согласна?

– Нет, в том-то и дело, – продолжал Дэн. – Упрямится. Ей всего двадцать пять, но вот ведь приспичило родить. Так что никакого аборта. Стивен в панике.

– Что ж, это ей решать. Раз она хочет ребенка...

– Разумеется. Но Стивен-то не хочет. Тем более от девушки, с которой он едва знаком.

– В таком случае не стоило укладывать ее в постель. Откуда берутся дети, он, вероятно, осведомлен, – не сдержалась я. Меня охватила какая-то бессмысленная злость. Теоретически я не противница абортов, я считаю, это дело самой женщины, ее совести и ее врача, но чем я старше становлюсь, тем больше проникаюсь уважением к жизни. И от мысли, что Стивен готов вот так запросто ее уничтожить, я завелась – а еще больше от равнодушного взгляда Дэна.

– То есть, по-твоему, им следует рожать?

– По-моему, это не мое дело. И по-моему, мне сейчас меньше всего хотелось услышать, как размножается твой Стивен.

Тут Дэна осенило:

– А, вот ты из-за чего...

Я взорвалась:

– Тебе смешно, да?!

– Не стоит сравнивать эту ситуацию с твоей, Кейт. Это очень разные вещи.

Он очень неудачно выбирает слова, и злость во мне только нарастает.

– Моя ситуация? *Моя?* – Лицо обдало жаром.

Дэн смутился.

– Я имел в виду, с нашей ситуацией, – не слишком убедительно уточнил он.

– Нет, ты не это имел в виду, – пробормотала я. Вот сейчас бы воспользоваться случаем и поговорить – *по-настоящему поговорить* – о том, чего мы оба хотим. Но я чувствовала, как бушует во мне досада, а ссориться не хотелось. По правде говоря, я *всегда* избегаю конфликтов. Лучше уклониться, чем спорить. Беда в том, что, похоже, Дэн придерживается той же теории, а потому мы никогда ничего всерьез не обсуждаем. Мы просто позволяем потенциальным разногласиям сойти на нет, однако я уже стала подозревать, что весь мусор, который мы замели под ковер, скоро вылезет оттуда и меня задушит.

– Хорошо, как мне загладить вину? – мягко спросил Дэн. Дождлся, чтобы я подняла глаза, и произнес: – Я же люблю тебя.

– Почему? – слышу я свой голос.

– Что?

– Почему? Почему ты меня любишь?

Он провел рукой по волосам.

– Просто люблю, Кейт. Господи! Ты нарочно сегодня ко мне цепляешься?

– Нет. – По правде говоря, я сама не понимала, что делаю и чего добиваюсь, но, конечно, это было нехорошо по отношению к Дэну. Ясно, что главная причина – Патрик, да только упоминать моего покойного мужа теперь едва ли стоило. Но я уже не могла остановиться. – Я пытаюсь тебе объяснить: мы толком не общаемся, Дэн! Нам нужно научиться разговаривать друг с другом.

– Хорошо! Давай общаться. – Он глянул на часы на стене: – Ты на встречу с девочками не опоздаешь?

Я глянула на свои часы:

– Ой!

– Послушай, я тебя люблю. Позже поговорим. Ладно?

Я кивнула:

– Тоже тебя люблю. – Я чувствовала на себе его взгляд, когда шла к двери. На ярком утреннем солнышке наша стычка показалась нелепой, но узел внутри все никак не желал развязываться.

* * *

«Свадебная студия Элизабет» была похожа на декорации к волшебной сказке: голубые ковры от Тиффани, овальные зеркала в узорной оправе, и всюду кружева, кружева, тюль и шелк всех оттенков белизны – от снежного до кремового.

– Ух ты! – только и нашла я слова, когда вместе со Сьюзен и Джиной переступила порог и навстречу нам вышел юноша от силы восемнадцати лет с подносом, а на подносе – высокие бокалы шампанского. Мы взяли по бокалу, и Сьюзен подмигнула мне:

– Я знала, что тебе тут понравится. С улицы сюда не попадешь, но я пустила в ход свои связи.

– Спасибо, – сказала я, переглянувшись с Джиной: та, конечно, понимала, как и я, что вся эта красота мне вовсе не по карману.

Но Сьюзен, разгадав мои мысли, легонько сжала мне руку:

– Успокойся, сюда мы пришли, только чтобы понять, какое платье тебе пойдет. Вкус-то у тебя, наверное, изменился за двенадцать лет.

И она шмыгнула куда-то в подсобку, а Джина с улыбкой пожала плечами.

– Давай расслабимся и получим удовольствие, – предложила она. – К тому же тут шампанским угощают. Даже не ожидала.

Вернулась Сьюзен, привела гламурную даму, всю в черном, темные волосы уложены тугим узлом.

– Я Вероника, – представилась она с сильным акцентом – мне показалось, итальянским. – А вы – Кэтрин, невеста?

– Кейт, – уточнила я и протянула ей руку, но Вероника подалась вперед и поцеловала воздух возле моих щек, справа и слева, как в Европе. Я отшатнулась, почувствовав себя неуклюжей и несветской.

– Прекрасно, – сказала она, окинув меня оценивающим взглядом. – Начнем. Вы уже решили, какой тип платья предпочитаете?

Я покачала головой.

– На первой свадьбе я была в бальном наряде, но...

Она решительно покачала головой:

– Не подходит для вашей фигуры. Нужно что-то узкое в бедрах.

Возможно, годе. Или с клешем от колена. Пойду подберу ассортимент вашего размера. – Приложив палец к подбородку, она еще что-то прикинула. – Только не белое, нет-нет. После развода это неуместно.

– Я не разведена, – возмутилась я. – Он умер. Мой первый муж умер.

Рука Джины осторожно коснулась моего плеча. Вероника нахмурилась:

– Извините, я просто подумала... Все же в любом случае для повторного брака белый не подходит. Но мы подберем вам что-нибудь замечательное.

Она вытащила сантиметр и быстро обмерила меня: бюст, талия, бедра, а затем удалилась в скрытую от нас часть магазина.

– Раскомандовалась, – негромко проворчала Джина.

– Она ведь не знала, – заступилась за продавщицу Сьюзен. – Откуда же ей знать.

– Все в порядке, – заторопилась я. – Главное, давайте выберем платье.

Как только у меня появится платье, затея со свадьбой покажется более реальной. Наверное, это мне и нужно, чтобы в голове все улеглось: ощущение реальности.

Минуту спустя Вероника вернулась, катя перед собой вешалку с целым рядом платьев цвета сливок и слоновой кости. Были среди них и простые, облегающие, и вычурные, с длинным треном, с бисерной вышивкой.

– Иногда на вешалке платье кажется совершенно не тем, а при примерке оказывается самым подходящим, – изрекла она, точно приоткрывая нам бездны премудрости.

Я кивнула и приняла из ее рук первое: шелковый струящийся чехол цвета слоновой кости со шнуровкой сзади.

– В примерочной висит комбинация и бюстгальтеры без лямок разных размеров, – сказала Вероника. – Наденьте под платье удобное белье, и я помогу вам застегнуться. Позовите, когда будете готовы.

Она открыла передо мной дверь примерочной, и я быстро натянула бюстгальтер и комбинацию, а потом ввинтилась в платье. Оно красиво драпировало все мои изгибы, и я замерла перед зеркалом, вдруг изумленная собственным обликом: вновь невеста, спустя столько лет.

Это шелковое платье не имело ничего общего с тем кружевным, которое было на мне на свадьбе с Патриком, и это меня обрадовало: вот и хорошо, ведь и свадьба – другая. И может быть – почему нет? – это значит, что любовь к Дэну и не должна напоминать любовь к Патрику, и если я чувствую себя по-другому, то это нормально.

– Привет, новая я, – с улыбкой шепнула я своему отражению. – Ты живешь здесь, в реальности. Не забывай об этом.

– Помощь нужна? – спросила Вероника из-за двери примерочной, и я ей открыла. – О-ля-ля! – театрально воскликнула она. – Фантастическая красавица!

Я улыбнулась ей в зеркале, и она принялась зашнуровывать спинку платья. Тем временем я снова уставилась на свое отражение. Я вполне могла себе представить, как иду в этом наряде к алтарю. Видела Дэна, который ждет меня, сияет улыбкой мне навстречу. Отлично, хороший знак. Вероника затягивала шнурки, а я, наоборот, расслабилась.

Закончив, Вероника развернула меня так, чтобы я смогла увидеть в зеркале и спину, и повторила, что в этом платье я – красавица. Затем она вывела меня в демонстрационный зал, и Джина так и засияла, а Сьюзен даже в ладоши захлопала.

– Как в сказке, Кейт! – воскликнула она.

– Да, ты очень красивая, – широко раскрыв глаза, выдохнула Джина.

Я обернулась поглядеть на себя в трельяже и увидела то же, что видели они: это платье идеально подчеркивает все мои преимущества. В зеркале отражалась и часть улицы, поток прохожих, кое-кто заглядывал на ходу в окно – интересно, видят ли они меня и какой? Кажусь ли счастливой невестой, впервые идущей к алтарю? Ведь не стоит же на мне клеймо: ВДОВА. Если я и ношу траурную повязку, то на сердце.

– Идеальное платье, – обернулась я к Веронике. – Думаю, другие и мерить не стоит.

– Чушь! – воскликнула она. – Вы в любом платье будете прекрасны. Это мы повесим сюда, к отобранным, а вы примерите следующее.

Я мрачно глянула на целый ряд дожидавшихся меня платьев.

– Вы хотите, чтобы я перемерила все?

Вероника слегка усмехнулась:

– Именно так обычно поступают невесты.

Сьюзен бросила на меня предостерегающий взгляд, и я, пожав плечами, вернулась в примерочную. Битый час она и Джина охали и ахали при виде каждого надетого мной платья. Пуговицы и шнуровка становились все изощреннее, мне казалось, что хорошо бы защитить диссертацию по ракетным двигателям, а потом уж пытаться понять, как эти застёжки устроены.

И наконец Вероника сняла с вешалки дивное платье, поднесла мне.

– Мое любимое, – сказала она. – Думаю, вам тоже понравится.

Я посмотрела на это кружево – чистые, плавные линии, фестончатый

вырез декольте сердечком, завышенная талия, длинный пышный трен. Что-то сдавило грудь.

– Венецианские кружева, – пробормотала я, притронувшись к лифу.

– Верно, – удивилась Вероника. – Откуда вы знаете?

Я вздохнула.

– Почти такое же платье я надевала на первую свадьбу.

– Чудесно! – воскликнула она, совершенно превратно меня поняв. – Значит, оно вам понравится. Уверена, оно и сядет на вас идеально.

– Я не хочу... – попыталась я возразить, но Вероника уже загнала меня в примерочную, посулив вернуться через две минуты и помочь с пуговицами.

По меньшей мере с минуту я молча смотрела на это платье, потом потянулась к нему, осторожно погладила перламутровые пуговицы на спине. Вспомнилось, как двенадцать лет назад, когда мы танцевали на свадьбе, Патрик провел рукой по пуговицам моего платья и шепнул мне: «С каким наслаждением я сниму с вас это платье, миссис Уэйтмен!»

Дрожь пронзила меня. Я сдвинула руку к кружеву, обрамляющему декольте. Вспомнилось прикосновение Патрика, теплые пальцы на моей коже, под самой ключицей.

– Подумать только, ты теперь моя навсегда, – шепнул он мне. Это был наш первый танец.

Пронзительный голос Вероники вторгся в мои воспоминания:

– Готовы? Застегивать?

Я шмыгнула носом, вытерла глаза.

– Почти. Минуточку.

Я вновь постаралась отогнать мысли о первой свадьбе и натянула красивое платье цвета слоновой кости.

– Готова! – крикнула я, дверь распахнулась, и влетела Вероника.

Проворные ловкие пальцы перебирали пуговицы, а я так и не взглянула больше в зеркало, пока Вероника не вывела меня в демонстрационный зал.

– Кейт! – выдохнула Сьюзен. Джина вытаращилась молча.

Я присмотрелась к своему отражению и поняла, что на мне это платье еще больше напоминает то, первое. Я обернулась к сестре и подруге: они молча смотрели на меня.

– Оно очень похоже... – выдавила из себя Джина.

– Знаю, – тихо ответила я.

Они все так же неотрывно глядели на меня, пока я расправляла на себе тонкое кружево. Словно вместо платья я надела на себя воспоминания.

– Ты в нем очень красивая, Кейт, – сказала наконец Сьюзен.

– Спасибо, – глухо ответила я и снова обернулась к зеркалу. И пока я смотрела на это платье – на платье, в котором я, конечно же, не могу выйти замуж за Дэна, – какое-то движение снаружи, на улице, привлекло мое внимание, отразившись в зеркале. Все вокруг замерло, застыло, когда я встретила глазами с девочкой, заглянувшей с улицы в окно ателье для новобрачных. Она держала за руку мужчину, вероятно отца, и лицо у нее было грустное. Я сразу же узнала ее. Но ведь это немыслимо!

– Ханна? – прошептала я, и сердце неистово забилося. Резко обернувшись, я посмотрела прямо в окно. Я готова была поклясться, что только что видела ту самую девочку из своих снов. Но ведь этого не может быть! Не может быть такой девочки в реальной жизни.

Или все-таки?

Девочка удивленно смотрела на меня, что-то ее озадачило, а мужчина, ничего не замечая, повел ее дальше. Почему у нее был такой изумленный вид? Она тоже узнала меня? Или увидела перед собой сумасшедшую тетку в свадебном наряде, которая вытаращилась на нее, словно на привидение?

– Кейт? – Испуганный голос Сьюзен доносился откуда-то издалека. – Кейт? Что с тобой?

Не отвечая ей, я крикнула: «Ханна», уже громко, словно девочка могла услышать меня сквозь стекло. Но она уже почти скрылась из виду, а все, кто был в ателье, включая мою сестру и мою лучшую подругу, смотрели на меня как на сумасшедшую. Так оно, наверное, и есть. Но мне вдруг стало все равно.

Я ринулась к двери, но Вероника перехватила меня, вцепилась накрепко:

– Куда, куда! – затараторила сердито. – Вы не уйдете в нашем платье, пока не заплатите.

– Конечно, конечно! – Я попыталась скинуть с себя платье – прямо в демонстрационном зале – и слышала, как Сьюзен кричит мне, умоляя остановиться, а Джина все переспрашивает: да что же это такое, – но почти не понимала слов. Платье никак не снималось, петли были тугие, пуговицы не расстегивались, дотянуться до них не получалось.

– Помогите же мне, – вскрикнула я.

Сьюзен так и стояла столбом, но Джина ринулась ко мне и принялась быстро-быстро расстегивать пуговицы.

Пока она справилась, пока я сбросила платье, туфли на каблуках, было уже поздно. И все-таки я подбежала к двери, как была, в лифчике и комбинации, выскочила на улицу, не обращая внимания на смех и свист.

– Ханна! – звала я. – Ханна! – И в отчаянии оглядывала улицу, но девочка и мужчина давно скрылись. Я повернулась и вошла обратно в салон. Вероника глядела на меня возмущенно, Сьюзен и Джина – с тревогой.

– Кейт? – заговорила наконец Джина. – Что это было?

– Мне показалась, я увидела знакомое лицо, – еле выговорила я.

– Ладно, давай ты оденешься, и пойдем, – заговорила Сьюзен, входя в привычную роль ответственной-за-все. Обхватила меня за плечи и повела обратно в примерочную.

– Если платье пострадало, придется за него заплатить! – крикнула нам вслед Вероника.

Сьюзен резко обернулась к ней.

– Ничего ему не сделалось! – рявкнула она. – Будьте так любезны его повесить, мы уходим!

Она захлопнула дверь приемной и жестом указал мне на мою одежду, сложенную в углу.

– Извини, – сказала я. – Вряд ли я смогу объяснить тебе, что произошло...

Я боялась, что Сьюзен напомнит мне, сколько сил она потратила, чтобы организовать эту примерку, но когда, натянув рубашку через голову и застегивая джинсы, я подняла глаза, то встретила не сердитый, а встревоженный взгляд.

– Что с тобой? – повторила она.

– Сама не знаю, – пробормотала я. Вообще-то повела я себя как человек неуравновешенный, а главное, готова была вести себя так и дальше. Вот что пугало больше всего.

Глава 14

Из салона Сьюзен и Джина повели меня в «Старбакс». Я все оглядывалась в тщетной надежде снова увидеть девочку, похожую на Ханну. Голова кружилась, во рту пересохло. Была ли эта девочка за окном порождена моим воображением? Или в мои сны проникла вполне реальная девочка? Так или иначе, мне казалось, что я схожу с ума.

– Ромашковый чай? – предложила Сьюзен, усадив меня в уголке «Старбакса». – Чашка чая не повредит, мне кажется.

Я кивнула, слова не шли с языка.

Сьюзен оглянулась на Джину.

– Пойдем, Джина, сделаем заказ, – позвала она. – Кейт, ты минутку нас подождешь, да?

– Конечно, – ответила я и сама услышала, как тускло звучит мой голос.

Я смотрела, как Джина и Сьюзен о чем-то переговариваются у прилавка, украдкой озабоченно поглядывая на меня. Я отвернулась к окну и продолжала всматриваться в лица, но то было море незнакомцев, затопившее улицы, как всегда бывает в летние субботы. Парочки держались за руки. Малыши скакали рядом с родителями. Женщины шли с покупками из «Блумингсдейла» и «Генри Бендела». Вдруг я почувствовала себя совершенно одинокой.

– Держи, дорогая. – Сьюзен вторглась в мои размышления, голос ее был мягок и ласков, так и надо разговаривать со спятившими. Она поставила передо мной дымящуюся чашку чая и выбрала стул слева, а Джина с ледяным кофе уселась по правую руку. Они переглянулись.

– Не хочешь объяснить нам, что это было? – мягко попросила Джина.

Я помолчала, собираясь с мыслями.

– Помнишь, я рассказывала тебе про мои сны?

– О Патрике? – глянув на Сьюзен, отважилась уточнить Джина.

– Да. – Я снова уткнулась взглядом в колени. – Там, в этих снах, есть девочка. – Я сделала глубокий вдох и поскорее закончила: – И сегодня в ателье я... я готова поклясться, что увидела ее за окном.

После такого признания повисла пауза, а когда я глянула на Джину и Сьюзен, обе смотрели на меня во все глаза.

– Я знаю, это звучит нелепо, – заторопилась я. – Я знаю, что на самом деле ее не существует. Как это может быть? Так что не надо меня уговаривать. Но когда я увидела ее в окно – это было, словно реальный мир

столкнулся с тем, который мне снится. Совпал. Или это вовсе не сон? – Я остановилась и снова сделала глубокий вдох. – Значит, я схожу с ума?

– Девочка – в смысле подросток? – осторожно переспросила Сьюзен, явно склоняясь принять мою версию об умопомрачении. – Или ребенок?

– Ей двенадцать, – сказала я. – На следующей неделе исполнится тринадцать. У нее будет день рождения... – Я слабо улыбнулась, поняв, что опять несу чушь. – Простите. Для вас это все бред сумасшедшего, и только.

Сьюзен и Джина снова переглянулись.

– Нет, – все так же мягко сказала Сьюзен. – Не бред.

Я покосилась на окно, потом тихо призналась:

– Во сне я вижу столько подробностей. Я помню облупленный лиловый лак у нее на ногтях, и что она влюблена в одного из солистов *One Direction*, и что имеет проблемы со слухом. – Я примолкла и, стараясь не встречаться с девочками взглядом, выговорила наконец: – В этих снах она – моя дочь.

Обернувшись к ним, я с удивлением увидела, что Сьюзен вовсе не напугана последним признанием, скорее наоборот.

– Тогда все понятно, – сказала она. – Ты переживаешь из-за того, что не можешь иметь детей. Вполне естественная реакция – этот сон о дочке. А то, что она плохо слышит, – это, конечно, потому, что ты начала изучать язык глухонемых.

– Сначала был сон, – возразила я, отводя взгляд. – А потом уж я записалась на занятия.

– Так ты поэтому записалась, Кейт? – осторожно уточнила Джина. – Потому что тебе снилась глухая дочка?

– Видимо, да. – Я уронила голову.

– Хорошо, – помолчав, сказала Джина. – Знаешь что? Сейчас мы отвезем тебя домой. Утро выдалось нелегкое, и, мне кажется, сегодня не лучший день для поисков платья. Через пару недель займемся этим снова.

– Можно мы еще минутку посидим тут? – тихонько попросила я. Отчасти потому, что еще не была готова вернуться домой, к Дэну, отчасти же все еще надеялась, что Ханна вновь пройдет по этой улице.

Джина придвинула свой стул поближе, с другой стороны ко мне придвинулась Сьюзен.

– Конечно, Кейт, – сказала Джина, поглаживая меня по спине, – посидим тут сколько захочешь.

Потом Сьюзен отвезла меня домой, обняла на прощание, и я пошла в ванную за ибупрофеном – разболелась голова. Сьюзен, понизив голос, что-то рассказывала Дэну в гостиной.

– Я сказала ему, что тебе снятся похожие на реальность сны о ребенке, – шепнула она, когда я вышла проводить ее к двери. – Ему следует знать. – После паузы она добавила: – Но про Патрика я упоминать не стала. И тебе, думаю, не стоит. – Она обняла меня, пообещала перезвонить и исчезла прежде, чем я нашлась с ответом.

Я закрыла за ней дверь и медленно прошла в гостиную. Дэн сидел на диване, упершись локтями в колени и сцепив пальцы.

– Малыш! – Завидев меня, он вскочил. – Ты как? Все хорошо?

Я кивнула, и он прижал меня к груди. Я всегда чувствовала себя в его объятиях надежно защищенной, так что и на этот раз закрыла глаза и расслабилась, поддавшись знакомому ритму его ровного дыхания.

– Сьюзен говорит, тебе снятся сны о ребенке? – приступил он к разговору, когда я высвободилась из объятий. – О нашей маленькой дочке?

Я сморгнула, услышав «о нашей», но вполне естественно, что он так понял. Кто же еще мог быть ее отцом в моем сне?

– Да, что-то в этом роде.

– И сегодня тебе показалось, что ты ее видела? – так же осторожно продолжал он.

Я сделала глубокий вдох.

– Я видела кого-то похожего на девочку, которая мне снится, – сказала я. – Наверное, просто переутомилась, что-то такое.

Но, едва произнеся эти слова, я почувствовала, что какая-то часть меня по-прежнему верит, будто *видела* на улице Ханну. Хотя этого не может быть.

– Почему ты не сказала мне? – спросил он. – Эти сны, они так на тебя повлияли, что ты записалась на занятия...

Я опустила глаза.

– Конечно, это выглядит глупо...

– Кейт, ты должна была мне рассказать, я уж думал, ты умом тронулась – решила вдруг ни с того ни с сего изучать язык глухонемых. Теперь-то хоть понятно.

– В самом деле? Ты не считаешь это безумием?

Он вздохнул:

– Больше похоже, что ты горюешь. И мне так жаль! – Он снова уселся на диван и с минуту смотрел прямо перед собой. Молчание растревожило меня, я бессильно опустилась на диван рядом с Дэном.

– Насчет детей, – неуверенно заговорил он. – Я боюсь... боюсь, как бы эта проблема не вбила клин между нами. Думаю, нам нужно убедиться, что мы одинаково смотрим на такие вещи. – Он смолк, но, видя, что я не отвечаю, начал заново: – Я думал, что ты относишься к этому так же, как я: что нам поздно становиться родителями. Но мне следовало обсудить это с тобой. Просто все у нас шло так легко, вот я вообразил, что и по этому вопросу мы тоже согласны.

– Ага, – тихо подтвердила я. «А может быть, чересчур легко? – вдруг спохватилась я. – Может быть, как раз ухабы на дороге и бросают людей друг к другу?»

– Дети для меня трудная тема, – продолжал Дэн, не глядя на меня. Он почесал затылок и вздохнул: – Из-за этого рухнул мой брак с Шиван. Она хотела ребенка, а мы не могли зачать. Из-за этого и разошлись.

– А я думала, вы разошлись оттого, что она тебе изменила.

– Так и было. Но клин между нами вбила эта проблема с ребенком. И я не хочу, чтобы так случилось с тобой.

Я уставилась на него:

– Почему ты мне это не рассказал?

Он пожал плечами:

– Ты ведь тоже не рассказываешь мне особо о Патрике. Прошное прошло, Кейт.

– Не совсем, – услышала я себя словно со стороны. Дэн недоуменно глянул на меня, и я пожала плечами:

– Мне кажется, прошлое не исчезает. Это путь, по которому мы пришли сюда. То, что случилось с Патриком, что случилось с Шиван – это важно и сейчас.

– Ты замыкаешься в себе всякий раз, когда начинается серьезный разговор, – тихо ответил мне Дэн. – Ты не хочешь говорить о прошлом. И о будущем тоже не говоришь. – Он замолчал, снова почесал голову. – Я из кожи вон лезу, Кейт, чтобы удержаться за здесь и сейчас. А теперь ты, похоже, этим недовольна и сердишься на меня.

– Я на тебя не сержусь, – сказала я – и соврала. Последнее время я чувствовала, как в глубине души закипает глухое раздражение. Уж не на то ли, что Дэн – это не Патрик? Не с этим идеальным мужчиной, который все и всегда делает правильно, должна я была прожить жизнь. Та жизнь, что была мне предназначена, – с подъемами и провалами, сводящая с ума, прекрасная жизнь с человеком, чьи недостатки я любила, как и все в нем. Это просто нечестно.

– Ты никогда не сердишься, правда? – Его голос вдруг сделался

острым, колючим. – Но с тех пор, как ты узнала о своем бесплодии, ты все время недовольна мной. Словно это я виноват.

– Ты ни в чем не виноват, – на автомате ответила я. – Разумеется, нет.

– Я-то в курсе, – сказал Дэн. – Но не уверен, понимаешь ли это ты.

Я прикусила губу, опустила взгляд на руки.

– Просто я пока не готова навсегда отказаться от мысли иметь детей.

– Кейт...

– Нет. Дай мне сказать. Видимо, я не понимала, как сильно хочу стать матерью, пока не выяснилось, что у меня никогда не будет ребенка, – дрожащим голосом начала я. – И я согласна, нужно было обсудить все заранее, наверное, это моя вина, что я не предложила поговорить... Да, наверное, потому мне и снится дочка. Знаю, это противоречит здравому смыслу. Но я хочу стать матерью, Дэн! Очень, очень хочу. Мне кажется, это и есть та жизнь, которая была мне предназначена. Я сбилась со своего пути.

Он помолчал с минуту.

– Так какой у нас выбор? Усыновление?

Затаив дыхание, я кивнула.

– Малыш, тебе сорок, – напомнил Дэн, не глядя на меня. – Мне сорок пять. Пока мы пройдем через эту процедуру... Пойми, не хотелось бы быть старыми родителями при маленьком ребенке.

– Мы могли бы взять ребенка постарше.

– Или принять твое бесплодие как знак. – Тон его был все так же мягок, но от этих слов я вся съежилась. – Вероятно, судьба сама указывает: ребенок – это не для нас.

– Но...

– Сколько браков на моих глазах пошли под откос из-за проблем с детьми! – настойчиво продолжал он. – Причем – с детьми биологическими, родными!

– Приемный ребенок точно такой же родной! – оцетинилась я.

– Я не это хотел сказать. Но с приемными могут быть дополнительные осложнения.

– С собственными тоже, Дэн! Наверное, жизнь и не должна быть легкой прогулкой. Наверное, все самое прекрасное в жизни дается лишь вместе с величайшими трудностями. Так уж устроено. И все осложнения того стоят. Почему ты так упорно отказываешься это понять?

– Я ни от чего не отказываюсь, Кейт! Я просто выразил свое мнение.

– Но ты выразил свое мнение как окончательное! Словно у меня нет права на свое!

– Разумеется, у тебя есть право на свое мнение. – Он демонстративно

пожал плечами. – Но из этого не следует, что твое мнение – правильное.

Я уставилась на него:

– Выходит, если я думаю не так, как ты, я не права?

– Нет, ты не права потому, что пытаешься на полпути изменить курс.

– Я не меняю курс на полпути, Дэн! Я раньше вообще об этом не думала.

И снова этот долгий пристальный взгляд.

– Ты в самом деле думаешь, что из нас получатся нормальные родители, Кейт? Мы ведь любим есть в ресторанах, покупать красивую одежду, пить хорошее вино. В наш образ жизни ребенок никак не вписывается.

– Это твои предпочтения, Дэн, а не мои, – тихо ответила я. – И нет, Дэн, я не думаю, чтобы мне это было сложно. – Я припомнила сны, в которых я так сильно любила Ханну, что все внутри меня вздрагивало при виде ее. Какая чудесная девочка растет! – Я думаю, что стала бы хорошей матерью, Дэн.

– Увы, твои яичники решили за тебя!

У меня челюсть отвисла. Я уставилась на него, не веря своим ушам.

– Черт, извини, – тут же спохватился он. – Сам не знаю, как сорвалось.

Я не ответила. Отвернувшись и стала смотреть в окно, борясь со слезами. Многое мне нравится в Нью-Йорке, но особенно я люблю этот бесконечный, в любой час дня, поток прохожих, и сейчас улицы были заполнены людьми, радовавшимся теплоте летнему вечеру. Вот прошла, держась за руки, парочка; женщина в шортах и обтягивающем топе толкала коляску, нетерпеливо таща за собой ковыляющего малыша; девочки-подростки, нарядившиеся в кожу и кружева, прошлепали мимо. Взгляд остановился на мужчине, который нес на плечах улыбающегося мальчика в кепке «Янкиз» и с бейсбольной перчаткой на левой руке. Мальчик говорил не закрывая рта, а отец слушал с явным удовольствием.

– А если бы у меня уже был ребенок?

– Что?

– Когда мы познакомились, – уточнила я, поворачиваясь к Дэну. – Если бы мы с Патриком родили ребенка прежде, чем он умер. Если бы я одна воспитывала ребенка – ты бы пригласил меня на свидание?

Дэн с минуту глядел на меня.

– Честно говоря, не думаю. Но, Кейт, это же пустой разговор. Лучше порадуемся, что так не случилось.

Я кивнула, не находя слов.

– Ты же знаешь, малыш, что я люблю тебя. Знаешь? – Он сжал мою

руку.

Я смотрела, как он гладит большим пальцем мою ладонь, потом ответила:

– Знаю. И я тоже тебя люблю.

Но порой одной любви недостаточно, чтобы удержать двоих вместе. И существуют разные степени любви. Видимо, то, что у нас с Дэном, – не совсем то, что мне представлялось. Во что хотелось верить.

И только ночью, когда мы легли в постель и Дэн обнял меня и еще раз повторил, что любит, я спохватилась: мы так ни о чем и не договорились. Мы кружили по краям трудной темы, а затем разошлись по своим углам – как обычно. Так я и живу уже очень долго: топчусь на месте, никуда не движусь, потому что не могу расстаться с прошлым.

Наконец я стала соскальзывать в сон. Перед глазами по-прежнему стояло лицо той девочки, похожей на Ханну.

Глава 15

На следующее утро, еще не открыв глаза, я почувствовала, что вернулась в свою жизнь с Патриком. Свет здесь ярче, белье пахнет по-другому, шум улицы – иной, чем в квартире в Маррихилл, где я живу с Дэном.

– Доброе утро! – сказала я, открывая глаза и перекатываясь на бок, лицом к мужу. Его лицо сияло в солнечных лучах – *он похож на ангела*, подумала я, а в следующее мгновение спохватилась: он и есть ангел!

На этот раз сон, или что это было, отличался от прежних. Более туманный, не такой физически ощутимый. Все еще невероятно реальный, но словно в млечном тумане, как бывает, когда летишь на самолете сквозь гряды облаков. Впервые я задумалась: может быть, я попала на небо? Но тут же прогнала эту мысль, ведь она означала бы, что и Ханна мертва. А Ханна не могла умереть, потому что и не жила. Разве что она и есть та девочка, которую я видела за окном свадебного ателье, – но тогда я и правда окончательно схожу с ума.

Ресницы Патрика дрогнули, он медленно открыл глаза, поморгал от утреннего света, потом сфокусировал взгляд на мне.

– Кэтили, – пробормотал он, наклоняясь, чтобы нежно поцеловать меня в губы. – Как голова сегодня?

– Голова?

– Вчера у тебя была мигрень. – Он вопросительно изогнул бровь.

В том-то и проблема: я заглядываю в этот мир урывками и многое пропускаю. Все равно что пытаться следить за сюжетом фильма по разрозненным кадрам.

Но хотя сама я этого не помню, очевидно, я каким-то образом постоянно присутствую в этом мире. Здесь идет своя жизнь, и я в ней участвую, это очевидно, раз меня тут знают и помнят. Это очень странно и очень-очень грустно.

– Хорошо, – сказала я. – Голова прошла.

Патрик улыбнулся мне, потом глянул на часы:

– Все, быстро встаем. У Ханны сегодня концерт. – Он снова поцеловал меня и выбрался из постели. Я смотрела, как он натягивает пижамные штаны поверх трусов и сверху – белую футболку. – Кто печет Ханне оладушки на удачу: ты или я?

С минуту я молчала: на меня потоком обрушилась информация.

Каким-то образом я знала, что речь идет о фортепианном концерте, что Ханна обожает свою учительницу, мисс Кей, и ей страшно нравится та соната Бетховена, которую она приготовила для выступления. Когда на меня разом нахлынуло все, что я «знаю», я только и смогла пробормотать неразборчивое «mmm».

– Ладно, давай я. А ты пока одевайся. – Патрик вышел из спальни, не дожидаясь моего ответа, и я услышала, как он достает сковородку из кухонного шкафчика.

Я тоже встала и заглянула в шкаф-купе. Особо не удивилась, увидев перед собой смесь тех вещей, которые носила в реальной жизни, и других, которые никогда прежде не попадались мне на глаза. Ведь это логично, правда? В альтернативной реальности я могла встретить часть тех же вещей в магазине и купить их, поскольку я – это я и вкусы у меня те же.

Но в самом ли деле я все та же? Смерть Патрика сильно меня изменила. В мире снов я, наверное, счастливая, беззаботная молодая женщина, я ничего не боюсь, я понятия не имею, как в одно мгновение жизнь может измениться до неузнаваемости. Надеюсь, что так. Здесь я такая, какой была до гибели Патрика, пока мир не рухнул. И я с грустью подумала о той части меня, которая умерла 18 сентября 2002 года, вместе с Патриком.

Мое внимание привлекло одно платье, и я вытащила его: длинное, почти до щиколотки, шелковистое, ярко-зеленые завитки на темно-лиловом фоне. Я смотрела на него и улыбалась: чудесное платье, но в реальной жизни я бы его не купила, потому что Дэн обозвал бы его хиппятиной. Да ну его, этого Дэна! Я торопливо надела платье, сандалии на ремешках и пошла в ванную умыться и подкраситься.

Ханна уже сидела за кухонным столом в синем платье в полосочку и в черных туфлях с ремешком, на низком каблуке. Она обернулась ко мне с широкой улыбкой.

– Доброутро! – сказала она и добавила на языке жестов: «Голова прошла?»

«Да, – жестом правой руки ответила я и энергично кивнула. – Спасибо».

Она снова улыбнулась, и Патрик подмигнул мне и подошел к столу с тарелкой, полной оладий.

– Черника и арахисовая паста, чудачки мои, – сказал он и сбросил два оладушка мне на тарелку, остальные Ханне.

Мы обе скорчили ему рожи. Ханна принялась уминать свой завтрак. Я, тщательно следя за каждым своим жестом, сказала ей: «Ты сегодня очень

красивая».

Она улыбнулась и знаками ответила мне: «Спасибо». Улыбнулась еще шире, закивала. Я повторила ее знаки, потому что Эндрю объяснил мне: когда в ответ на «спасибо» говоришь «спасибо», оно означает также «пожалуйста, на здоровье». Обернувшись, я увидела, что Патрик вернулся к плите и оттуда внимательно за нами наблюдает.

– Люблю тебя, – одними губами сказал он мне. Сердце сдавила такая боль, что на несколько мгновений я перестала дышать.

– Ну что, – заговорила я, оборачиваясь к Ханне, изо всех сил стараясь держать себя в руках, – готова к концерту?

– Мама! – вслух возмутилась она. – Я же целый месяц репетировала, дня не пропускала.

– Это да. – Откуда-то мне было известно, что она играет хорошо. По-настоящему. И относится к этому очень серьезно. Вдруг я вспомнила, что она учится музыке с трех лет, что я отвела ее на первый урок через полгода после того, как ей поставили протез, потому что хотела, чтобы девочка научилась воспринимать музыку, и поначалу пришлось спорить из-за этого с Патриком, который не хотел принимать такие решения за ребенка: пусть сама выберет, чем хочет заниматься.

И это напомнило мне, как в прошлом, в реальном нашем прошлом, до смерти Патрика, мы порой спорили – громко, до изнеможения. Иногда из-за каких-то серьезных вещей – где поселимся, с кем проведем выходные, – а порой из-за совершенной глупости, мелочи, типа кто не закрыл банку с майонезом. И я не боялась спорить с ним: знала, что он никогда меня не бросит. Любовь была нашей страховкой, и я ни на миг в ней не сомневалась.

Так почему же теперь я боюсь спорить с Дэном? Да и, по правде говоря, не рискую спорить ни с кем другим? За последние десять лет я превратилась в разумную, приятную женщину с ровным характером. Или просто стала трусихой? Боюсь потерять близких и отказываюсь от самой себя, лишь бы избежать конфликта?

– Алло? Земля вызывает маму!

Опомнившись, я вернулась в разговор с Ханной. Смущенно улыбнулась ей:

– Прости, лапонька.

Она скорчила мне рожу и знаками ответила: «Опять ты ведешь себя странно».

Патрик сел за стол и, когда я доела, взял мою руку в свою и положил себе на колени. И не отпускал, пока не расправился со своей порцией

оладий. Я крепко сжимала его руку, надеясь, что он понимает без слов: эти минуты, пока мы втроем сидим за столом, – лучшие в моей жизни. Если бы они длились вечно...

«Одевайся, папа! – жестами потребовала Ханна, вскакивая из-за стола. – Мы опаздываем!»

– Убери со стола, дружок, – ответил он. – Сейчас переоденусь.

Ханна кивнула и метнулась с тарелками к раковине, а Патрик поманил меня за собой.

Я сидела на краю постели и смотрела, как он снимает с себя футболку и пижамные штаны. Желание вновь вспыхнуло во мне, но я одернула себя: времени мало, скоро выезжать. И все же я так его хочу, так сильно тоскую...

Я смотрю, как он натягивает брюки хаки, достает из шкафа белую льняную рубашку, застегивает на груди.

– Потрясно выглядишь, – бормочу я.

Он улыбнулся:

– То же самое я хотел сказать тебе. С каждым годом ты становишься все краше.

Я фыркнула:

– С чего бы? Разве что толстею и морщин прибавляется.

Он сделал страшные глаза:

– Во-первых, это неправда. А во-вторых, стареть хорошо, это свойство живых.

– Точно, – пробормотала я.

Как глупо и даже стыдно – горевать о морщинах, о знаках прожитой, а не утраченной жизни.

– Прости, Патрик! – шепнула я.

* * *

Мы сели в такси, и я постаралась запомнить адрес, который Патрик дал шоферу: Бликер-стрит, 321. Надо будет найти этот дом в реальном мире. Чем чаще я попадала в сны, тем отчаяннее искала в них связь с реальностью. Видела же я ту девочку, похожую на Ханну, за окном свадебного салона. И порез на пальце у меня остался. И Роберту правда предложили работу в Калифорнии. Значит, между двумя мирами есть точки соприкосновения.

Музыкальная студия располагалась на втором этаже: паркетный пол,

балочный потолок, рояль и три десятка разномастных стульев напротив него. На пороге Ханна торопливо обняла нас обоих – и сердце мое снова оборвалось – и ринулась к двум девочкам, о чем-то увлеченно беседующим. Одна приветствовала ее взмахом руки, другая – широкой улыбкой.

– Что это за место? – шепнула я Патрику.

Тот с удивлением покосился на меня, и все вокруг чуть поблекло, так что я поспешно изобразила улыбку, дожидаясь, пока мозг загрузит все подробности, которые опять-таки оказались мне знакомы. Теперь я знала, что эта студия принадлежит Долорес Кей и Ханна здесь часто бывает.

– В смысле, я хотела сказать: замечательное место, – исправилась я, и картинку вновь навели на резкость.

Патрик кивнул:

– Мисс Кей все прекрасно обустроила.

Разговор наш прервало появление крошечной, похожей на эльфа женщины лет шестидесяти с небольшим, в черном цельнокроеном платье, с короткими, черными с проседью волосами. Она энергично ударила по клавишам, взяла несколько аккордов, и в студии наступила полная тишина.

– Добро пожаловать, родители и друзья! – прошептала она жизнерадостным сопрано, с отчетливым британским акцентом. – Если кто меня еще не знает, я – Долорес Кей, и сейчас начнется наш ежегодный летний концерт. Рассаживайтесь, прошу вас, и мы приступаем.

Она двинулась к той группе девочек, в которой находилась и Ханна, а мы с Патриком устроились во втором ряду.

– Займи для моей мамы, – кивнул он на стул рядом со мной. Глянул на часы. – Должна вот-вот прийти.

– Мама придет? – улыбнулась я. Я не рассчитывала встретиться в мире снов с кем-то из реальности. Если я увижу здесь Джоан, моя фантазия хотя бы отчасти превратится в настоящую жизнь. Сама удивилась тому, как обнадежила меня эта мысль.

– Конечно, – сказал Патрик, и словно по сигналу дверь в конце комнаты отворилась, и вошла Джоан. Вот она уже идет к нам, а я только и могу, что беспомощно таращиться.

– Что с ней случилось? – шепнула я, но Джоан уже подошла вплотную, и Патрик, вместо ответа, снова тревожно глянул на меня. Впрочем, я уже знала, знала прежде, чем вырвался этот вопрос: рак груди, вторая стадия, обнаружен два с половиной месяца назад, после того как я погнала свекровь на маммографию. Я провела большим пальцем по заживающему шраму на мизинце и подумала с тревогой: если в этом мире Джоан больна,

не значит ли это, что и в реальном мире у нее рак?

Ее прекрасные серебряные волосы пропали, под небрежно повязанным красным шарфом проступает лысый череп. Сильно выпирают скулы, вся она исхудавшая, слабая.

– Привет, парочка! – Она лучисто улыбнулась нам. Ключнула меня в щеку, поцеловала Патрика в лоб и, к моему удивлению, размотала шарф, обнажив совершенно безволосую голову. – Ужас как тут жарко! – воскликнула она, вытаскивая из сумки номер «Ньюйоркера» и обмахиваясь им, словно веером. – Знаешь что, одно в этой истории с раком хорошо: летом так приятно, когда ветерок обдувает голый череп. – Подмигнув мне, она добавила: – Мы ж оптимисты.

Я продолжала таращиться, пока Патрик не ткнул меня локтем в бок.

– Джоан, – пробормотала я, опомнившись, но слова не шли с языка, я просто крепко-крепко ее обняла. Сквозь мешковатую блузу прощупывалась каждая косточка. – Ты как себя чувствуешь?

– О, Кейт, чувствую я себя очень даже хорошо, – вздохнула она. – Сегодня как раз удачный день. Химиотерапия оказалась чуточку тяжелее, чем ожидала. Но это ты и так знаешь. Я каждый раз одно и то же повторяю. Как заезженная пластинка.

Я глубоко вдохнула, чтобы не расплакаться. Хотелось найти слова, сказать ей, как я сочувствую, спросить, чем помочь, но тут мисс Кей хлопнула в ладоши и пригласила к роялю ученицу. Хайра, на вид ровесница Ханна, исполняла Баха, Прелюдию № 1 до мажор, порой путая ноты, но верно держа ритм, а я поспешно соображала, что мне нужно сделать, как только проснусь в реальности, – не важно, что от таких мыслей студия слегка расплывается. Главное – позвонить Джоан.

Хайра закончила, ей похлопали, за ней выступали еще четверо. Ханна замыкала список. «Бетховен, Соната № 32 до минор, первая часть», – объявила мисс Кей. Это очень сложная вещь, и я испугалась за Ханну. Обычному ребенку, пусть даже одаренному, она едва ли по силам.

– Патрик? – шепнула я, но он лишь ласково приложил палец к моим губам и улыбнулся. Ханна сняла наушники и положила их рядом. Начала играть, и все застыли. И я замерла, глядя, как ее пальцы уверенно и нежно летают по клавишам, исторгая прекрасную мелодию. Она играла чуть медленнее, чем другие музыканты, в чьем исполнении я слушала эту сонату, но ритм держала идеально, и вскоре я поняла, что мне *нравится* именно такая скорость. Это ее собственная интерпретация, догадалась я, она умышленно сдерживает темп. Какой талант!

Ханна закончила. В студии стояла такая тишина, словно все

оцепенели. На миг я испугалась: вдруг только я одна и поняла, как это было прекрасно. Но тут же зал взорвался аплодисментами, некоторые родители даже вскочили с мест, засвистели от восторга. Патрик крепко сжал мою руку, я почувствовала на глазах слезы счастья.

Когда овация смолкла, мисс Кей вышла в центр зала и повела рукой в сторону рояля, где все еще сидела, нахохлившись от смущения, Ханна.

– Это, как вы знаете, соната Бетховена, – заговорила она. – Последняя его соната, написанная в 1821 или 1822 году, за пять лет до смерти. Когда композитор писал ее, он был уже почти совершенно глух.

Послышалось изумленное перешептывание, я подалась вперед, ловя каждое слово учительницы.

– И потому я считаю уместным сообщить, – продолжала мисс Кей, – что Ханна, моя лучшая ученица, тоже глухая. Внутренние протезы помогают ей общаться и различать речь, но они искажают звучание музыки, поэтому Ханна отключает их, когда садится за пианино. Итак, подобно самому Бетховену, который, по словам Ханны, ее вдохновляет, она сыграла вам эту сонату, полагаясь лишь на малую долю того слуха, какой есть у каждого из вас.

Зал снова взорвался изумленными возгласами и аплодисментами, а я почувствовала, как у меня даже щеки вспыхнули от гордости: моя дочка, моя маленькая девочка, такая талантливая, такая упорная! Но вправе ли я гордиться этим ребенком? Я ведь не помню, как растила ее, я только что ее узнала.

Патрик прервал мои невеселые размышления, вновь пожав мне руку.

– Я хочу остаться! – выпалила я не подумав. Студия померкла, стала расплываться, и я тут же пожалела об этом восклицании.

– Что? – донесся издали голос Патрика. – Кейт, мы же обещали повести маму и Ханну на бранч.

– Точно! – выкрикнула я в пустоту. Он же подумал, я хочу задержаться в студии, а не здесь, в этой жизни. – Идем на бранч! – И студия вновь проступила, и я обрадовалась, что сумела остаться здесь, но с грустью понимала: это ненадолго. Этот мир никогда не станет моим.

* * *

Перекусив пирожками в «Веселке», украинском ресторане на 2-й авеню, где мы с Патриком когда-то любили позавтракать поздним утром в воскресенье, мы посадили Джоан в такси до вокзала, а сами пошли домой

пешком: день был до странности прохладный для летней поры, со вчерашнего дня температура упала градусов на пятнадцать. Пока мы брели по 2-й авеню, я припомнила, что в прогнозе погоды похолодание не предусматривалось, то есть и в этом сны расходятся с реальностью. Я вздохнула и одной рукой взяла за руку Ханну, другой Патрика. Буду наслаждаться каждым мгновением этой фантазии, пока она не рассеялась.

Пока мы гуляли, я убедилась: Ханна – вполне счастливая, расположенная к миру девочка. На смеси устной речи и языка жестов она всю дорогу без умолку болтала о своих друзьях, о *One Direction*, о своем «самом страстном желании» (так и сказала) – получить новый айфон. Я видела, как Патрик, скрывая улыбку, выслушивает ее восторженный монолог о преимуществах этого гаджета, и, когда мы с ним обменялись понимающими взглядами, я вновь почувствовала глубокое сожаление: конечно, если бы я в самом деле жила этой, предназначенной мне жизнью, я бы этот идеальный вечер принимала как должное. Как то, что мне причитается. Но поскольку эта жизнь не состоялась, каждое ее мгновение ощущалось как чудо.

Я отвела взгляд, притворяясь, будто рассматриваю афишу, скрывая слезы и от мужа, и от дочери.

Вернувшись домой, я вновь удивилась, как надолго мне удалось задержаться в этой реальности. Может быть, мне будет дарована и ночь здесь, и я снова проснусь утром рядом с Патриком? Кажется, я откуда-то уже знала, что этого не будет, но все-таки тешила себя надеждой.

– Уложишь Ханну? – ласково улыбнулся мне Патрик, когда девочка вышла из ванной, окутанная облаком пара, и прошлепала к себе в комнату. – Я пока вымою посуду.

– Конечно. – Сердце затрепетало от мысли, что я проведу несколько минут наедине с Ханной, скажу ей, как я ее люблю, пожелаю сладких снов.

Я быстро прошла по коридору, постучала в ее дверь, осторожно заглянула в щелку, чтобы не застать девочку врасплох. Она успела надеть длинную розовую ночную рубашку.

– Ханна! – позвала я, и она обернулась.

– Да, мама! – улыбнулась она мне, а потом добавила на языке жестов: «Зубы почистить забыла», – и выскочила за дверь.

Я стояла в ее комнате, медленно вдыхая и выдыхая, ожидая ее возвращения. Все стены, заметила я, обклеены постерами *One Direction*, вон постер первой серии «Голодных игр», а над кроватью сикось-накось были приклеены фотографии Ханны с подругами. Там же висел листок из блокнота с надписью *Лучшие качества Ханны*, исписанный розовыми и

лиловыми чернилами. Подпись: *Мэгги*. В этом списке обнаружилось: «У Ханны всегда есть время для друзей» и «Ханна так смешно всхрипывает, когда хохочет». С грустной улыбкой смотрела я на этот перечень, составленный любящей подружкой. Как все-таки несправедливо, что у меня не было шанса составить подобный список – самой.

Но вдруг оказалось, что этот список у меня уже есть. Все, написанное девчачьим почерком Мэгги, старательно выводившей сердечки над *i* вместо точек, я и сама каким-то образом знала и любила в Ханне. И все ж я не имела возможности сама сделать эти открытия, мне достались лишь готовые воспоминания, не мои. С такой утратой трудно смириться.

Стряхнув печаль, я стала внимательнее разглядывать стены. На них висели и карандашные рисунки. С улыбкой я отметила под каждым подпись Ханны. Отличные наброски, чего тут только не было: лица людей, животные, морские пейзажи, улочки. Я наклонилась поближе, чтобы разглядеть рисунок справа от кровати: на нем безошибочно можно было узнать Патрика и меня, мы держали с обеих сторон за руки маленькую Ханну – лет девяти или десяти, – и она так и светилась от счастья. Над ее головой, привязанный ниточкой к запястью, парил шарик с Микки-Маусом, за спиной у нас вздымался замок Золушки, тянулась Главная улица Диснейленда. Я подождала, пока нахлынет поток воспоминаний, и увидела, как мы шли к замку, ели Микки-Маусово мороженое в шоколаде. Вспомнила, как Ханна стояла на палубе пиратского корабля и таращила глаза на простиравшиеся под нами декорации Лондона – это был аттракцион, посвященный Питеру Пэну. Воспоминания были совершенно отчетливыми, но я не знала, откуда они взялись.

Ханна влетела в спальню – волосы еще влажные, личико все еще розовое после душа. Обернувшись к ней, я медленно, тщательно проговорила на языке жестов: «Замечательные рисунки». И вслух, все еще не оправившись от изумления:

– Какая ты талантливая, Ханна!

Она смешно округлила глаза.

«Опять ведешь себя странно, – ответила знаками. – Как будто в первый раз их видишь».

Но я видела, как она прячет улыбку. Ей было важно услышать это от меня.

«А это?» – показала я жестами, изобразив на лице вопрос, и указала на портрет нашей семьи в Диснейленде.

Лицо Ханны посветлело.

«Мое любимое», – знаками ответила она. Потом вслух:

– Лучший день моей жизни. Вы с папой впервые свозили меня в Диснейленд.

– О, – пробормотала я, чувствуя, как сжимается сердце. – Хорошо бы еще разок съездить.

Ханна забралась в постель и улыбнулась мне.

«Спокойной ночи, мама», – сказала она на пальцах и устало зевнула.

«Спокойной ночи, Ханна, – жестами ответила я. – Я люблю тебя». И на всякий случай повторила эти слова вслух. Хотя бы затем, чтобы услышать их самой.

– Тоже тебя люблю, – ответила Ханна. Сняла наушники, положила на тумбочку у кровати и повернулась на бок, подтянув одеяло до подбородка. Я сидела возле ее постели и смотрела, как она уплывает в сон.

Патрик ждал меня в гостиной.

– Убаюкала? – спросил он, когда я пристроилась рядом с ним на диване.

Я кивнула.

– Мы возили ее в Диснейленд, – сказала я, представляя себе этот рисунок, наши улыбающиеся лица, как Ханна ухватила тот самый момент, который мне хотелось бы увидеть вживую.

Снова этот удивленный взгляд.

– Конечно, возили.

И тут я припомнила разговор, давний, мы еще только начинали встречаться. Патрик спросил, какое у меня самое счастливое воспоминание детства, и я ответила: тот день, когда родители отвезли нас со Сьюзен в Диснейленд, это было в конце восьмидесятых. «Когда-нибудь, когда у нас будет ребенок, мы поедem с ним в Диснейленд», – пообещал мне Патрик.

– Мы сделали все то, о чем говорили тогда? В самом деле? – прошептала я, и на сердце стало еще тяжелее.

Он свел брови, комната чуть потускнела.

– Конечно, Кейт.

Под его озабоченным взглядом я снова с тревогой вспомнила о Джоан.

– Патрик, а твоя мама... – Мой голос сорвался. – Чем помочь?

– Ты и так столько сделала, хорошая моя. Она поправляется, – сказал он. – На следующей неделе возьму отгул и повожу ее по врачам. – Зевнув, он притянул меня к себе: – Ложимся спать?

Мгновение я, не открывая глаз, прислушивалась к биению его сердца.

– Подожди, пока не хочется, – пробормотала я.

Он молча взял мою руку и провел пальцем по линии жизни на моей ладони.

– Помнишь, какой сегодня день? – прошептал он, и я увидела, как тает по краям комната, как вновь опускается пленка, отделяющая сон от яви.

– Патрик! – окликнула я, но уже не услышала собственного голоса.

– В этот день, тринадцать лет назад, я сделал тебе предложение, – сказал он, но его голос утонул в накатившем гуле, с каким океан втягивает в себя отлив. – Ты сказала «да», – продолжал он, – и сделала меня самым счастливым человеком на Земле.

Внутри у меня словно распахнулась дверь.

– Позволь мне остаться! – крикнула я Богу, поднимая глаза к небу. – Прошу Тебя!

– Что? – донесся издали недоуменный вопрос Патрика.

И он исчез, его лицо растворилось в тумане, голос – лишь эхо в темноте.

– Я люблю тебя! – крикнула я вслед, но и мой голос канул в бездну.

Глава 16

– Что такое, малыш?

Сонный голос Дэна проник сквозь завесу тумана и вытащил меня на поверхность. Задыхаясь, я уставилась во тьму. Снова в обычной реальности.

Когда я повернулась и увидела рядом с собой вместо Патрика Дэна, желудок скрутило от разочарования.

– Ничего, – пробормотала я, стараясь выровнять дыхание и сфокусировать взгляд. – Просто сон. Или что-то такое. Прости. Не хотела тебя разбудить.

Он улыбнулся, подтянул меня к себе.

– И я тебя люблю, малыш.

Видимо, последние слова, обращенные к Патрику, прозвучали уже здесь, и Дэн принял их на свой счет.

Я выдавила улыбку, но повторить признание не смогла. С каждым возвращением из той, предназначенной мне жизни я смотрела на Дэна все более трезво.

Но правда ли это? В самом ли деле в наших отношениях наступает ясность или я поддаюсь бессмысленной тоске по прошлому, которое не вернуть? Ведь какой бы природы ни были эти визиты к Патрику и Ханне, это не реальность. Патрик ушел навеки. А Дэн – вот он тут. Как тот, кто долго-долго простоял зажмурившись, я уже не понимала ни кто я, ни где.

– Кейт? – Голос Дэна звучал вопросительно, и, сфокусировав взгляд на его лице, я увидела желание. Он потянулся погладить мою щеку, очень нежно, потом рука спустилась ниже, к изгибу ключицы, скользнула на грудь. – Кейт! – повторил он, и это уже не вопрос, а ответ. Я закрыла глаза, стараясь не думать и не чувствовать, когда его губы встретились с моими, когда он осторожно перенес на меня тяжесть своего тела. – Кейт! – повторил он, на этот раз хрипло, и я поняла, что вот-вот потеряю связь с реальностью.

Я молчала, боясь произнести «Патрик!», и, отдавшись на волю тела, пыталась утихомирить взвихренный разум. *Дэн, говорила я себе, здесь и сейчас. Это Дэн. Дэн здесь. Он хороший человек. Он тебя любит. Он хочет тебя.*

Как выяснилось, я тоже его хотела. Мое тело давно уже научилось вытеснять воспоминания, и я позволила ему сделать это, позволила

физическим ощущениям подхватить меня и лишь один раз проговорила: мозг вдруг рванул управление на себя, и я услышала свой шепот: «Не могу» – как раз в тот момент, когда Дэн входил в меня.

– Не можешь что? – спросил он, замерев и глядя на меня с тревогой.

Я так испугалась, что не сразу нашлась с ответом. И пролепетала нелепое «Ничего».

Кажется, он не вполне мне поверил, но все же возобновил движение, и я сосредоточилась на этом и постаралась выкинуть из головы все остальное.

* * *

День оказался намного прохладнее, чем обещали накануне. Включив утром телевизор, мы услышали, как местный ведущий рассказывает о вторжении холодного фронта. По пути к двери я прихватила кардиган, а вопросы постаралась вытряхнуть из головы.

Только в середине дня, когда мы с Дэном и его друзьями Джоном и Кристин сходили пообедать, а потом вместе с Джиной и Уэйном посмотрели кино, я вспомнила наконец, что происходит с Джоан в моем сне.

И ойкнула вслух, напугав Дэна, Джину и Уэйна – мы как раз выходили из кинотеатра.

– Что такое, малыш? – встревожился Дэн.

– Я... я подумала о Джоан.

– Почему ты подумала о Джоан, Кейт? – заботливо спросил Дэн тоном, каким обращаются к маленькому ребенку, если тот скажет что-то нелепое.

Я обернулась к Джине – та тоже как-то странно смотрела на меня, – потом снова поглядела на Дэна.

– Мать в этом фильме чем-то похожа на нее, – солгала я.

Дэн кивнул, вроде бы принимая мой ответ, и вскоре уже погрузился в обсуждение бейсбола с Уэйном.

– Что-то случилась? – шепнула Джина, сжимая мою руку.

Я мотнула головой:

– Все в порядке, – но, кажется, не убедила.

– Идем ужинать? – предложил Дэн и тем самым спас меня от дальнейших расспросов. Уэйн ответил, что им с Джиной пора домой, отпустить няню, которая сама куда-то собралась на ужин, и мы распрощались. Дэн поймал такси до Маленькой Италии – я всегда

предпочитала именно тамошние ресторанчики.

Мы нашли местечко за одним из длинных столов «Пульи». Дождавшись, чтобы официант принял заказ и принес кувшин красного вина, я извинилась и вышла в туалет. К счастью, там никого не было, так что я проворно достала мобильник и набрала номер Джоан. Услышав автоответчик, я почувствовала тревогу. Позвонила на мобильный, но и там никто не ответил, и я оставила сообщение с просьбой перезвонить мне, как только она сможет. Понимая, что это, наверное, перебор, я тем не менее еще раз набрала номер домашнего телефона и там тоже оставила сообщение, прибавив, что у меня к ней срочный важный вопрос.

Затем я спрятала телефон в сумочку, побрызгала водой на лицо, чтобы прийти в себя, провела по губам помадой. Набрала в грудь воздуху, кивнула собственному отражению и пошла обратно к Дэну.

Тем временем нам уже принесли кростини и Дэн разлил вино. Я села, и он вручил мне бокал.

– За нас и за наше будущее! – провозгласил он.

Я приподняла бокал и пробормотала:

– За нас.

– Итак, – заговорил Дэн минутой позже, – на этой неделе мы ждем твою маму?

Я заморгала: надо же, совсем забыла про надвигающийся визит.

– Конечно, – сказала я. Изобразила улыбку и добавила: – Мы же понимаем, что она просто спасается от флоридской жары.

Мой отец умер семь лет назад, и мама решила начать жизнь заново. Она переехала в поселок для пожилых людей примерно в двадцати пяти милях от Диснейленда, трижды в неделю ходит на йогу, бегает десятикилометровые марафоны и уверяет, что никогда прежде не была в столь прекрасной физической форме. И любовники у нее не переводятся. Я над этим посмеивалась, пока три лета тому назад она не усадила меня для серьезного разговора: дескать, если она смогла вернуться в седло, образно говоря, то пора и мне. В тот день я поняла, что мама уже не беспокоится за меня, а стала меня жалеть.

– В четверг отменю с утра занятия и встречу ее в аэропорту, – сказала я Дэну.

Он усмехнулся:

– Столько лет прожила здесь и так и не научилась самостоятельно добираться в аэропорт и из аэропорта.

– Думаю, она просто хочет, чтобы о ней позаботились.

– Да, ты хорошая дочь, – ласково сказал он. – Ты хороший человек,

Кейт. Мне с тобой повезло.

– И мне повезло, – шепнула я.

– Насчет вчерашнего нашего спора, – продолжал он. – Я хотел извиниться, вот и все. Мне кажется, я недостаточно внимательно тебя слушал. Я не говорю, что решительно против детей. Хорошо? Но мне нужно время, чтобы это как следует обдумать.

Во мне шелохнулась надежда.

– Хорошо.

– И у нас все хорошо? У нас с тобой?

Я не сразу ответила:

– Пока не пойму. Но я хочу, чтобы все было хорошо.

Следующие полтора часа мы обедались ньокками болоньезе и лингини с морепродуктами под белым соусом, на десерт – тирамису и канноли. Кувшин красного мы допили, и к десерту Дэн заказал шоколадные martini.

– У вас сегодня праздник? – спросил официант, подавая напитки.

Дэн пожал плечами, улыбнулся, чуть захмелевший. – Всего лишь прекрасный вечер в прекрасном городе с моей прекрасной невестой, – сказал он.

Мы смеялись и вспоминали прошлогоднюю поездку в Италию. Потом принесли счет, и мы пошли по Малбери-стрит к Каналу ловить такси. Дэн вел меня под руку – в другой руке он нес остатки ужина, – продолжая забавно рассказывать, как его коллега ездил в Европу и ничего хорошего из этого не вышло.

И только в такси, по дороге домой, уже вволю насмеявшись, я вновь почувствовала, как мне стыдно. Не в Дэне дело, он такой же, каким и был. Беда со мной: не могу же я вечно скакать из одной жизни в другую. Но, по правде говоря, я бы хотела вернуться в ту жизнь, а не в эту.

* * *

Вечером накануне приезда мамы я в третий раз была у Эндрю на курсах языка глухонемых. Я сама удивилась тому, с какой радостью ждала этого занятия и как гордилась, что за последние дни на досуге успела выучить кое-какие нужные мне знаки. Я могла теперь сказать: *молодец, попробуй вот так, пианино, синтезатор, гитара, маракасы, петь, ноты и музыка*, и мне не терпелось снова встретиться с теми детками. Я рассчитывала после занятий обсудить с Эндрю, когда мы снова сходим к

Молли и Риэйдже и когда он познакомит меня с третьей девочкой.

Я сидела на складном стуле в подвале церкви, дожидаясь Эндрю. Влетела Вивиан, уселась рядом со мной. Я подняла глаза от папки с документами моего нового пациента, Саймона, и улыбнулась ей.

– Который час? – ткнула она себя пальцем в запястье.

Я глянула на часы:

– Без двух минут семь.

– Даже не верится: наконец-то прибежала заранее! – радостно выкрикнула она, и я впервые уловила в ее выговоре легкий британский акцент. – Эндрю ведь еще нет?

– Пока нет.

– Два очка! – воскликнула она, потрясая в воздухе сжатым кулаком. – Я вечно опаздываю, как двоечник, который является после начала урока и мешает учителю. Как в прошлый раз. И в позапрошлый. Но сегодня – ура! Прибыла до звонка! Не иначе, Земля соскочила с орбиты.

Я рассмеялась.

– Это не единственные курсы, где вы учитесь?

– Ох, дорогая моя, где я только не учусь! – ответила она, расстегивая непромокаемый плащ (и зачем он ей в такую погоду?) и ерзая, чтобы стащить его с себя. – Только что закончила курс оригами. До того – программирование. Мне шестьдесят восемь лет, я чувствую себя молодой, и знаете, в чем мой секрет? Пока учишься, не стареешь.

– Отличная философия, – сказала я, глядя, как она пристраивает плащ на спинке стула. – А почему на этот раз вы взялись за язык глухонемых?

– Я прошла уже семнадцать разных языковых курсов, в том числе британский язык глухонемых, он совсем другой, – пожалала она плечами. – Хочется узнать понемногу обо всем. Давно уже собиралась записаться на американский язык глухонемых, но все не подворачивались подходящие курсы. Об этом месте мне рассказала подруга. А вы? – на одном дыхании продолжала она. – Что вас привело сюда? Почему вы выбрали этот курс? Ради кого?

– Ради моей дочери, – вырвалось у меня, и я невольно прикрыла рот рукой. Неужели я только что заявила вслух, что записалась на курсы ради несуществующей, приснившейся мне девочки? Вивиан хотя бы этого не знала, но, если бы мои слова услышал Эндрю, он бы решил, что я солгала ему, когда сказала, что у нас с Дэном нет детей.

– О, как трогательно, – восхитилась Вивиан, но тут же озадаченно нахмурилась: – Погодите, как же так? Почему только сейчас? Неужели она оглохла внезапно?

Я уткнулась взглядом в колени.

– Нет, но я только недавно ее нашла, – пробормотала я.

– Нашли свою дочь?

С каждой минутой мои объяснения звучали все более нелепо, и я поспешила дать наиболее логичное объяснение, какое только могла изобрести:

– В смысле, удочерила. Я только что ее удочерила.

– О, дорогая! – воскликнула Вивиан, всплеснув ручками, и так и засияла. – Кейт, какой же вы молодец!

– Э... Да, спасибо, – пробормотала я. Похоже, я окончательно сошла с ума.

– Знаете, я всей душой верю: усыновление – огромное, еще недооцененное счастье, – торжественно продолжала Вивиан. – Как прекрасно: дать ребенку дом, стать семьей, по собственному свободному выбору. Быть может, это и есть самый правильный способ создавать семью, как вы думаете?

– Конечно, – слабым голосом подтвердила я.

– Значит, так. – Она хлопнула в ладоши. – Выкладывайте. Как ее зовут?

– Э... – промычала я, но тут, к счастью, появился Эндрю с ворохом книг и бумаг.

– Простите за опоздание, друзья! – Он обрушил свою ношу на стол перед рядом сдвинутых стульев.

Мы вразной подтвердили, что прощаем, и Эндрю спросил, выучили ли мы что-нибудь самостоятельно.

– Поднимите руки, кто занимался дома, – велел он, и Эми тут же подняла руку, а следом мы с Вивиан – ехидно переглянувшись.

– Великолепно, – сказал Эндрю. – Эми, вы подняли руку первой. Вы что-то выучили и можете поделиться с нами? – Она кивнула, и Эндрю продолжал: – Покажите, прошу вас.

Я сидела за спиной Эми и не могла разобрать, какие жесты она делает, но зато отчетливо видела, как покраснели ее уши. Подавшись вперед, я всмотрелась в движения ее рук, и мои брови поползли вверх: я уловила «поесть» – все пять пальцев сложены щепотью и дважды подносятся ко рту – и «вместе».

Эндрю слегка смутился, но тут же его лицо просветлело.

– Эми, вы молодец! Вы научились приглашать: «Не хотите ли поесть вместе?»

Эми еще сильнее покраснела:

– Ну да.

Но Эндрю то ли не понял, то ли сделал вид, что не уловил приглашения, которое, разумеется, было адресовано лично ему. Он приветливо улыбнулся Эми и сказал:

– Замечательно, что вы выбрали именно это фразу, она в любой момент может пригодиться. Как это я сам не сообразил научить вас. Друзья, давайте прямо сейчас разучим приглашение все вместе. Эми, покажите, пожалуйста, всем. Встаньте лицом к классу, будьте добры.

Эми с удрученным видом поднялась и повторила этот набор жестов. Эндрю направлял ее правую руку, демонстрируя Эми и нам, как точнее изобразить глагол *хотеть*: обе ладони обращены вверх, пальцы раздвинуты, вы словно бы подтягиваете что-то к себе, особенно похоже на то, как открывается обеими руками ящик. Эми от его прикосновения дернулась, словно обжегшись. Тут уж трудно было не понять, что Эми имела в виду.

Эндрю слегка покраснел и быстро оглянулся на меня. Потом кашлянул.

– Великолпно, Эми, просто великолепно, – сказал он чуть хрипловато. – Вам всем имеет смысл попрактиковаться с этой фразой дома.

Торопливо отойдя от Эми, он жестом предложил ей сесть. Вернулся на преподавательское место и обратился к нам с Вивиан:

– Вивиан? Кейт? Вы тоже выучили что-то новое?

Вивиан сообщила, что умеет говорить «Я пью чай с королевой», и с гордостью продемонстрировала. Мы все расхохотались. Наконец Эндрю добрался до меня:

– Кейт? Что вы можете нам показать?

– Я научилась говорить: «Я так счастлива быть здесь с вами», – сказала я. А что, вполне невинная фраза – не обязательно же признаваться, что я заготовила ее для Ханны, чтобы сказать, когда вновь увижу ее и Патрика. *Если увижу.*

– Хорошо! – ободряюще улыбнулся мне Эндрю. – Показывайте.

Я указала на себя и постаралась плавно, не задерживаясь, досказать предложение до конца. «Очень» – обеими руками изобразить пацифик, сблизить их и развести; «счастлива» – дважды распахнуть ладони на уровне груди, «здесь» – движение вверх, ладони тоже повернуты вверх; «с вами» – два сжатых кулака соприкасаются пальцами, а затем указать пальцем на собеседника.

– Замечательно! – воскликнул Эндрю, досмотрев мое представление до конца, а потом вскинул вверх обе руки, похлопал ладонями по воздуху. –

Вот так будет «замечательно». Попробуйте сказать: «Замечательно быть здесь с вами», Кейт.

Я кивнула, повторила его жест, присоединив к нему «быть здесь с вами». Он тоже радостно закивал:

– То, что надо. А теперь, друзья, попробуем выучить обе фразы. Спасибо Кейт, которая принесла эту фразу в класс.

Пока все старательно повторяли за Эндрю ту же фразу, но в более профессиональном исполнении, Эми, обернувшись, шепнула мне: «В любимчики попали!» – и улыбнулась одними губами.

Час спустя, разучив с нами два десятка фраз и тридцать наиболее употребительных слов, кое-что рассказав об истории американского языка глухонемых, Эндрю подытожил:

– Ну что ж, ребятки, наше время истекло. Еще раз всем спасибо. Не забывайте упражняться всю неделю. Жду вас в следующую среду.

Мы начали собирать вещи, и тут он обратился ко мне:

– Кейт, не могли бы вы задержаться на несколько минут? Мне нужно кое-что с вами обсудить.

Я удостоилась гневного взгляда Эми, но тем не менее кивнула и подождала, пока все выйдут из аудитории. Подошла к Эндрю, он перебирал какие-то бумаги на столе.

– Отлично поработали. Простите, что я не связался с вами раньше насчет занятий. Как скоро можно планировать визит к Молли и Риэйдже? – спросил он. – Что у вас в расписании на этой неделе?

– В принципе, я и завтра могу, если вам подходит.

Он удивился:

– Похоже, у вас график куда подвижнее моего.

– Нет, просто завтра приезжает мама, я взяла отгул, чтобы встретить ее в аэропорту. А вечером могла бы позаниматься с девочками.

– Вместо того чтобы провести вечер с мамой? – уточнил он.

– Завтра она ужинает с моей сестрой и ее семьей. Она предпочитает общаться с нами по отдельности, такие дела, – подмигнула я. – По-моему, чтобы выудить у нас компромат друг на дружку. Так что уж поверьте: мне гораздо приятнее будет пообщаться с Молли и Риэйджей, чем сидеть дома и гадать, о чем там сплетничают мама с сестрой.

– Ну что ж, если вы уверены, – улыбнулся он. – Я подумал, не могли бы мы провести еще два таких коротких занятия на дому, как в прошлый раз? Я утрясу с Шейлой их расписание.

– А третья девочка, о которой вы говорили? Познакомьте меня с ней?

– Да, насчет этой девочки... Вот что. – Он озабоченно нахмурился. –

Если вы не против, я бы попробовал выяснить, нельзя ли организовать встречу с ней в пятницу. Может быть, удастся привезти ее к вам в кабинет. Годится? Чтобы вам не мотаться в Квинс два раза в неделю.

– Конечно, – сказала я. – Моя помощница подберет время. Я завтра же ей скажу.

– А, у вас есть помощница. Круто!

– Круче не бывает, – подхватила я, и он рассмеялся. – Хотя на самом деле только четверть помощницы: она у нас одна на четырех терапевтов.

– Ну, тогда не круто, а так, подкручено, – очень серьезно подытожил он, и тут уже рассмеялась я.

Мы договорились встретиться в его кабинете на следующий день в четыре часа и оттуда пешком дойти до дома, где жили Молли и Риэйджа.

– И еще я хотел извиниться, – сказал он напоследок.

– Извиниться? За что?

– За то, что загрузил вас историей с моим братом. Я уже много лет ни с кем не делился. – После паузы он добавил: – Наверное, мне давно пора от нее отделаться.

– Прежде всего, не надо просить прощения. Я была рада, что вы мне рассказали.

– Неужели?

Я кивнула.

– И потом, когда теряешь близкого человека, в жизни остается прореха. Я это очень хорошо понимаю. Мне кажется, полностью она никогда не затянется. И не надо ни от чего «отделяться». К тому же вы сумели справиться с этим горем – я же вижу.

– Пожалуй, вы правы. – Он улыбнулся, и я двинулась к двери. – Да, и еще одно. Кейт!

– Что? – обернулась я.

Глядя мне прямо в глаза и улыбаясь, Эндрю медленно сделал незнакомый жест: большим и указательным пальцами правой руки подтянул к подбородку указательный палец левой.

– До завтра, – добавил он вслух.

И только наверху, почти на выходе из церкви, я вспомнила, что этот жест значит: «Вы замечательная».

Глава 17

– А ты поправилась, – первым делом заявила мать. Я встретила ее на выдаче багажа в аэропорту имени Кеннеди, куда довольно долго ехала на поезде.

– И я рада тебя видеть, – вздохнула я, обнимая мать. – Вижу, йога пошла тебе на пользу.

Ее волосы, окрашенные в каштановый цвет с медовыми бликами, явно были уложены только этим утром, фигура стала еще изящнее, мышцы в тонусе. Завидно, право: старше меня на четверть века, а выглядит лучше.

– Пора и тебе в тренажерный зал, крошка, – прощепетала она. – Сьюзен нашла один на Аппер-Ист, полный восторг. Там тебя быстренько привели бы в форму, как раз к свадьбе.

Я улыбнулась:

– Давно ли ты требовала, чтобы я набрала вес?

После смерти Патрика любая пища казалась несъедобной, и я быстро потеряла семь кило, хотя вовсе не ставила себе такой цели. Я просто забывала поесть, а боль в желудке заглушалась сердечной болью, так что даже не замечала голода. Тогда мать поволокла меня на кулинарные курсы, и постепенно во мне вновь пробудился интерес к еде. Теперь я ударились в другую крайность.

– Дорогая, – сказала мама, сжимая мне руку пониже локтя, – я, конечно, очень рада, что ты снова здорова и счастлива.

Мы дождались ее чемоданов, двух битком набитых чудищ на колесиках фирмы «Атлантик», и в такси она начала допрос:

– Так как ты, если по правде, дорогая?

– Все хорошо, мама, – не глядя ей в глаза, ответила я.

Она выдержала паузу.

– Сьюзен рассказала мне об инциденте в свадебном салоне.

Я покачала головой и уставилась в окно, пряча от нее лицо.

– Ерунда. Мне показалось, будто я увидела знакомую.

– Девочку из твоих снов? – В мамином голосе недоумение боролось с тревогой. – Дорогая моя, да ведь это же ненормально!

Я продолжала смотреть в окно. Мимо проносилось городское предместье. Я бы предпочла брести где-то там, среди этих домов, по улице, где никто меня не знает.

– Наверное, это нервы? – прервала мама затянувшееся до неловкости

молчание. – Предсвадебная лихорадка.

– Разумеется, – подхватила я. – Весьма вероятно.

– Я так и думала. – Она откинулась на спинку сиденья и важно кивнула. – Сьюзен страшно разволновалась, но я ей ответила: «Сьюзен, с ней все в порядке. Девочка привыкает к мысли о новом замужестве». Сьюзен не догадывается, каково это, ведь она уже так давно живет с Робертом. Мы-то с тобой одиночки, мы друг друга понимаем, верно?

Я глянула на нее:

– Мама, я не одиночка, я вдова. И ты вообще-то тоже.

– Конечно-конечно, – заторопилась она. – Но пора знать меру. Я предпочитаю не терзаться все время мыслями о твоём отце. И только от тебя зависит такое же решение: довольно уже думать о Патрике.

Мама тоже повернулась к окну, а я смотрела на нее сбоку и думала тоскливо: как бы ни любила я обоих родителей, я давно догадывалась, что особой нежности между ними нет. Однажды, лет в тринадцать, я поделилась этим подозрением со Сьюзен – та расхохоталась и сказала, что я просто не понимаю, как это бывает у взрослых. Но чем старше я становлюсь, тем больше убеждаюсь в своей правоте.

Мне видится это так: они вполне хорошо относились друг к другу, но любовью это не назовешь. К тому времени, как я поступила в университет, они, оставаясь под одной крышей, жили уже совершенно отчужденно, почти не общались, не говоря уж о том, чтобы поцеловаться или хотя бы притронуться друг к другу.

Я подумала, не стала ли для матери смерть моего отца чуть ли не облегчением. Конечно, она оплакивала его смерть. Много в ее жизни без него изменилось и, бесспорно, она горевала о нем. Но уже через год она переехала во Флориду и нашла себе друга. «Ей нужно как-то налаживать собственную жизнь», – ответила Сьюзен, когда я высказала свое недоумение. Но теперь мне кажется, дело в том, что их отношения давно оскудели. Не могу себе представить, чтобы мне когда-нибудь стал безразличен Патрик, но, боюсь, отношения моих родителей как раз и есть норма. А то, что было у нас с Патриком, – исключение, и оттого я все более сомневаюсь, есть ли у меня шанс когда-нибудь вновь обрести подобную любовь.

– Так что там в этих снах? – снова спросила мать. Я постаралась выдержать ее взгляд. – Ты видишь в них Патрика? Или только глухого ребенка?

– Обоих, – тихо ответила я.

– Ну, – сказала она, подумав и просветлев, – может быть, таким

образом подсознание тебе подсказывает насчет детей. То есть мне бы казалось естественнее, если бы тебе снился Дэн и ваш общий ребенок, но кто знает, как работает мозг, верно я говорю? – Подтолкнув меня локтем, она добавила: – Наверное, это знак, что пора подарить мне внука, пока я еще не слишком старая.

С минуту я молча смотрела.

– Сьюзен тебе не сказала?

– Не сказала чего?

– Мама, у меня не будет детей, – ровным голосом сообщила я.

Минутная стрелка описала полный круг. Мама смотрела на меня, и вдруг лицо ее сморщилось, она сказала очень ласково:

– Кэти, я ничего не знала. Что случилось?

– Ничего не случилось. – Я старалась, как могла, смягчить тон. – Просто так сложилось, вот и все.

Я кратко пересказала слова врача, опуская медицинскую лексику, поскольку в этих терминах мама разбиралась ничуть не лучше меня.

– Но Дэна это не смущает? – осторожно уточнила она.

Я кивнула:

– Как выяснилось, дети ему не так уж необходимы. – О! – Она задумалась. – Ну так это же отлично. Жизнь продолжается, верно? – Она снова подтолкнула меня локтем и засияла улыбкой, но я слишком хорошо знала свою маму и видела, как моя грусть отражается теперь в ее глазах. – Ну да, для меня это, пожалуй, разочарование, – продолжала она. – Но ведь тебе же лучше без лишних хлопот, как ты считаешь? Только представь себе, сколько всего ты сможешь сделать – столько свободного времени!

Она хотела меня утешить, а сделала больно.

– Ты права, мама, – сказала я и хотела на том и закончить, но будто кто-то другой за меня выговорил: – Впрочем, мы могли бы взять ребенка.

– Усыновить?

Я кивнула.

Мама поморгала, привыкая к этой мысли.

– Конечно. Ну да, вы могли бы усыновить. Но это серьезное решение, дорогая моя. Нельзя необдуманно совершать такие поступки, обратного пути не будет.

– Минуту назад ты уговаривала меня родить как можно скорее, – напомнила я.

Она поджала губы.

– Это другое дело.

– Неужели?

– Семантика разная.

Я не поняла, что она хотела этим сказать, да она и сама это вряд ли знала.

* * *

Я отвезла маму в «Риц-Карлтон», где она предпочитает останавливаться, хотя и Сьюзен, и я всегда предлагаем ей свои гостевые комнаты. Пока мы ждали Сьюзен в «Бистро Одена» при отеле, мама заказала нам обеим шампанское и, подняв бокал, провозгласила:

– За то, чтобы ты забыла сны и занялась реальной жизнью! И начнем с того, что устроим тебе лучшую в мире свадьбу, дорогая.

Я изобразила улыбку и чокнулась с ней, но молча, чтобы не спугнуть мои сны.

– Я так за тебя счастлива, Кейт, – заговорила мама, отхлебнув шампанского. – Мы с твоим папой так волновались, что после Патрика тебе не удастся найти человека, с кем ты могла бы снова стать счастливой.

– Я тоже опасалась, – признала я.

– Но Дэн по всем статьям подходит, правда же? – продолжала она. – Такой приятный мужчина. Я очень рада, что ты нашла себе идеального мужа.

– Да, по всем пунктам, хоть галочки ставь, – не удержалась я и сама удивилась, как зло это прозвучало. Судя по выражению маминого лица, она тоже удивилась.

– Ну да, конечно. – Мама отвела взгляд. – Впрочем, это не важно, важнее, что вы так хорошо друг другу подошли.

– Почему?

Она с недоумением уставилась на меня:

– В каком смысле?

– Почему ты считаешь, что мы идеально друг другу подходим? Как только я начала встречаться с ним, ты сразу стала мне объяснять, как мне повезло. Но почему? – Я сама не понимала, прошу ли я у нее доводов в пользу этих отношений или же хочу свалить на нее вину за свой выбор, дескать, это она меня подтолкнула. Но в любом случае мама на наживку не клюнула.

– Но ведь так оно и есть, ты же не будешь спорить? – вопросом на вопрос ответила она, хлопая накладными ресницами. – Это же твой жених. Идеальный мужчина.

– Идеала не существует, – вздохнула я.

Она тоже вздохнула, отпила еще шампанского и решительно переменила тему:

– Насчет усыновления, Кейт. Я вовсе не собираюсь критиковать твою идею.

Снова она застала меня врасплох.

– Но что об этом думает Дэн? Он готов усыновить ребенка?

– Мы еще толком не обсуждали.

– Но если ты чувствуешь, что однажды тебе, *возможно*, захочется взять ребенка, нужно убедиться, что Дэн с тобой заодно.

– А если не заодно?

Мама призадумалась.

– Мне нравится Дэн. И Сьюзен он тоже нравится, я знаю. Но вопрос о ребенке слишком серьезен, он может подорвать ваш брак. Тут требуется полная уверенность, что вы оба этого хотите, – чтобы потом не раскаяться. Запоздалые сожаления прорастают там, где их меньше всего ждешь.

Бездна премудрости! Я уже собралась ответить, но тут к нашему столику подлетела Сьюзен – вся в черном, волосы свежеекрашены, на шее тугой чокер от Шанель.

– Мама! – воскликнула, хватая ее в объятия. Я тоже поднялась навстречу, и сестра торопливо клюнула меня в одну и другую щеку. – Простите, что задержалась. Сейчас тоже закажу шипучку, и все наведем!

Разговор о Дэне и ребенке смыло шампанским, и, хотя мама порой бросала на меня тревожные взгляды, вскоре она уже полностью погрузилась в разговор со Сьюзен о сравнительных достоинствах оперы и драмы.

Они беззаботно болтали, я пыталась следить за их разговором, но в ушах все еще звучали слова матери: *требуется полная уверенность*. И я поняла наконец, что в моей жизни наступило время, когда я практически ни в чем не могу быть уверена.

Мы продолжили общение за долгим обедом: капеллини с крабом в сливочно-томатном соусе для мамы, салат из киноа для Сьюзен, я выбрала сэндвич с жареной куриной грудкой. Потом я глянула на часы и поняла, что уже без малого три. Нужно было заскочить домой за гитарой, прежде чем встретиться с Эндрю в Квинсе, так что пора выдвигаться, чтобы не опоздать.

– С вами хорошо, – перебила я их дружный щебет, доставая из кошелька две двадцатки и выкладывая их на стол, – но мне пора на работу.

– У тебя вроде отгул, – нахмурилась Сьюзен.

Я покачала головой:

– Есть одно вечернее занятие. Извините.

Мама решительно отодвинула мои деньги: я гостья, угощает она.

– Пошли, милая, – сказала она. – Я провожу тебя до выхода.

Я обняла на прощание Сьюзен, и та сосредоточилась на салате, а мама вышла вместе со мной в гостиничный вестибюль.

– Послушай, милая, сегодня вечером я ужинаю со Сьюзен и ее малышами, завтра утром у меня спа, а в час обед кое с кем из старых друзей. Но завтра вечером мы могли бы поужинать вместе, ты, я и Дэн. Получится?

– Конечно, мам.

Мама положила руки мне на плечи и слегка отодвинулась, чтобы посмотреть прямо в глаза.

– Кейт, – негромко сказала она, – какое бы решение ты ни приняла, оно будет верным, лишь бы ты слушалась своего сердца.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Но учти, – продолжала она, – нужно как следует вслушаться в то, что шепчет сердце, только тогда ты поймешь, как тебе поступать.

* * *

По пути в Квинс я размышляла над мамиными словами и в итоге пришла к выводу, что не могу расслышать голос своего сердца, потому что оно обернуто во множество защитных слоев. Я так старалась делать все, что от меня ждут, вернуться на «путь истинный», каким виделся он маме и сестре, что собственный мой внутренний навигатор давно сбился с курса.

В самом начале пятого я торопливо пробежала последние шаги к дверям Святой Анны.

– Извините за опоздание, – сказала я.

Эндрю, как и в прошлый раз, ждал меня у входа, сидя на ступеньках – в джинсах и лилово-серой линиялой футболке с вытершимся принтом-смайликом.

– Три минуты не опоздание, – утешил он меня. – Чудесно выглядите сегодня.

– Правда? – Я с сомнением оглядела себя. Хлопчатая светлая рубашка, черные джинсы в обтяжку – переодевалась второпях, заскочив домой после обеда.

– Намного лучше, чем костюм, – сказал он. – Разумеется, исключительно с терапевтической точки зрения.

Не удержавшись от улыбки, я напомнила:

– Так что, идем к Молли и Риэйдже?

– Вообще-то у меня для вас небольшой сюрприз. – Он почесал голову и вдруг спохватился: – Погодите, я только сейчас сообразил: нужно было заранее вам позвонить. Нельзя же вот так организовывать встречу, не предупредив вас, а?

– Встречу с кем?

– Ну, мне не хотелось разбивать вам завтра день, тем более раз мама приехала, – пояснил он. – Вы и так столько делаете для нас! Вот я и надумал: позвонил сегодня кое-кому, кое-что переставил, сейчас Молли и Риэйджу привезут сюда, а потом мы сможем зайти к той другой девочке, про которую я вам говорил. Если вы не против.

– Я только за, – улыбнулась я ему.

– Отлично, – успокоился он. – В следующий раз я непременно предупрежу заранее. Честное слово. Я просто не хотел, чтобы вы тратили на нас слишком много времени.

– Эндрю, да я с радостью. – Это была правда, и я сама удивилась тому, как важны для меня стали эти занятия. – Девочки уже здесь? Пойдем к ним.

Мы переступили порог. Внутри оказалось уютнее, чем я ожидала: детские рисунки в рамках, цветные отпечатки ладошек на стене длинного коридора. За раскрытыми дверями виднелись не стерильные казенные кабинеты, а яркие, нарядные комнаты, в некоторых царил симпатичный живой беспорядок.

– Похоже, тут приятно работать, – сказала я, когда мы свернули в боковой коридор и Эндрю распахнул передо мной дверь.

– Засиживаемся допоздна, и на яхту я вряд ли скоплю, – ухмыльнулся он. – Но здесь я чувствую себя востребованным как нигде.

Он провел меня в конференц-зал, заваленный разноцветными игрушками. Молли и Риэйджа сидели в центре комнаты по краям большого стола, решительно друг друга игнорируя: Молли играла с двумя куклами Барби, а Риэйджа, наклонившись над большим блокнотом, что-то рисовала цветными карандашами. На миг сердце дрогнуло, вспомнилась Ханна и ее наброски, но я поскорее задвинула это воспоминание подальше. Сейчас, когда я нужна этим детям, не время прятаться в мире грез.

– Кейт! – Шейла, сидевшая между девочками, поднялась, подошла к нам и крепко меня обняла. – Очень рада видеть вас снова. А уж как девочки ждали новой встречи!

Я посмотрела на девочек. Молли так и не подняла на меня глаз, а Риэйджа задумчиво ко мне присматривалась. Потом она снова уткнулась в блокнот и принялась рисовать.

– И я очень ждала новой встречи, – ответила я Шейле. – Спасибо, что привезли их сюда.

– О, без проблем, – отмахнулась она. – Всегда приятно выбраться из дома. – Она выглядела такой же усталой и растрепанной, как в прошлый раз, но глаза ее и в самом деле радостно светились.

– Посмотрим, как пойдет дело сегодня, – предложил Эндрю, – и, если девочкам тут понравится, можно и на будущее так договориться. Если вас и Кейт это устроит, Шейла.

– Мне кажется, прошлое занятие пошло им на пользу, – сказала Шейла. – Я с радостью буду их привозить.

Эндрю коснулся моей руки:

– Может быть, начнете с Риэйджи? У меня есть запасной кабинет в конце коридора. Перейдем туда?

Я подумала.

– Знаете, мне кажется, было бы лучше нам с Риэйджей на этот раз остаться вдвоем, – сказала я. – К тому же я выучила за неделю новые фразы на языке жестов.

– Все-таки вам будет трудно ее понять, если она вздумает общаться только знаками.

Я покачала головой:

– В том-то и смысл. Нам *нужно*, чтобы она захотела общаться либо словами, либо музыкой. И потом, чтобы от занятий была польза, нам необходимо сблизиться, а для этого опять-таки лучше заниматься наедине.

Кажется, Эндрю остался при своем мнении, однако кивнул.

– Ладно, вероятно, вы правы. – Потом переспросил: – Так вы новые фразы выучили? Самостоятельно? – Обернувшись к Шейле, он пояснил: – Лучшая моя ученица, первая в группе!

Я почувствовала, как щеки заливают румянец. Глупо, конечно.

– Вот что я выучила. – Сделав глубокий вдох, я медленно сложила: «Знаю, ты считаешь меня глупой, потому что я плохо понимаю язык жестов. Имеешь право. Но сегодня мы обойдемся без слов. Сегодня будет только музыка, и мы будем говорить на одном языке, я и ты».

Эндрю ошеломленно уставился на меня:

– Вы самостоятельно выучили это, чтобы объясняться с Риэйджей?

– Да. У меня правильно получается?

– Кейт, да просто идеально! Когда вы только успеваете

практиковаться?

– Во сне, – слабо улыбнулась я, и он рассмеялся, конечно же приняв это за шутку.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда начнем.

Он подошел к Риэйдже. Опустился на корточки и начал говорить на языке жестов так быстро, что я ничего не успевала разобрать. Я следила за его руками, потом за ее, они проворно обменивались жестами, спрашивая, отвечая, споря. Я все еще объяснялась скованно и неуклюже, а это выглядело словно визуальная музыка: плавные, точные движения, очень красивые, как будто великий дирижер управляет слаженным оркестром.

Риэйджа поначалу, кажется, упиралась, но в итоге, выразительно закатив глаза, повиновалась и направилась к дверям. Эндрю подмигнул мне и поманил за собой.

Как и было обещано, для нас оставили пустой, необставленный кабинет. Из мебели там было всего два стула, и, когда Эндрю включил свет, комната показалась мне бедной, голой. Зато, когда я слегка постучала носком правой туфли об пол, дерево откликнулось легкой вибрацией. Идеальное помещение для наших занятий.

«Кладовка?» – с презрительной усмешкой уточнила Риэйджа.

Я смотрела накануне это слово в словаре жестового языка и теперь узнала.

– Нет, музыкальный театр, – опередила я Эндрю. Он изумленно вскинул брови, а Риэйджа лишь фыркнула, плюхнулась на стул и отвернулась.

– Что ж, – сказал Эндрю, неуверенно поглядывая на Риэйджу. – Пожалуй, оставлю вас пока. Если вы уверены...

– Уверена, – ответила я. – Да, вот еще что: мы тут, возможно, будем сильно шуметь. Ничего?

– Ничего. Коллег я предупрежу. – Он снова поглядел на меня, на Риэйджу, но не двинулся с места. – Вам точно не требуется моя помощь?

– Эндрю, – улыбнулась я, – предоставьте мне делать мое дело.

Видимо, мне удалось придать своим словам больше уверенности, чем я чувствовала в глубине души: он кивнул и наконец-то двинулся к двери.

– Повеселитесь на пару, – пожелал он нам уже из коридора.

Дверь за ним закрылась, и я обернулась к Риэйдже, которая все так же демонстративно не обращала на меня внимания. Я несколько раз произнесла ее имя, но девочка твердо вознамерилась вести себя так, словно меня тут нет. Я обошла ее, встала прямо перед ней. Она глянула на меня и отвернулась – выразительно, подчеркнуто.

Этого я и ожидала по опыту прошлой встречи, но на этот раз я подготовилась. Из большой сумки я вытащила свой айфон и две маленькие, но мощные колонки, подключающиеся через блютус.

– Риэйджа, Эндрю говорил мне, ты любишь слушать музыку.

Нет ответа.

– А случилось ли тебе *почувствовать* музыку?

И снова никакого ответа.

Я нашла в телефоне небольшой список подобранных с утра записей, подключила колонки, максимально увеличила звук, поставила колонки на пол и продолжала свою речь:

– Музыку не только слушают ушами. Ее можно и нужно воспринимать всеми чувствами.

И, не дожидаясь ответа, я нажала на пуск.

В комнате загремел Филадельфийский оркестр, исполняющий увертюру «1812 год» Чайковского. Я включила такую громкость, что Эндрю и его коллеги могли слышать каждый звук с другого конца коридора, но меня это не беспокоило. Главное – звуковые волны настолько сильны, что пол завибрировал у Риэйджи под ногами. Нужно, чтобы она почувствовала ритм, поняла, что воспринимать музыку можно не только ухом, – вот чего я добиваюсь. Я стою у нее за спиной и улыбаюсь, видя, как все ее тело поневоле вторит мелодии. Как она вздрагивает от каждого крещендо, как ее грудь вздымается точно в такт.

Я ждала – между музыкальными отрывками я умышленно оставила паузы, – и, как я и надеялась, Риэйджа обернулась ко мне.

«Музыка? – спросила она на языке жестов. – Где?»

Я не отвечала, лишь улыбалась, ожидая, пока за меня ответит айфон. Через мгновение заиграла группа *OutKast – The Way You Move*, «Как ты движешься»; паркет завибрировал от басов. Риэйджа снова глянула на меня, почти испуганно, и заметила, что я губами повторяю слова этой песни. Она сморгнула и медленно стала поворачиваться на стуле, пока не оказалась со мной лицом к лицу. Теперь она пристально следила за мной.

Когда песня закончилась, включилась следующая, – *My Generation* группы *The Who*, – но Риэйджа подняла руку и встала. Я нажала на паузу. Она быстро что-то спросила меня на языке жестов, я успела уловить слова *что* и *петь*.

– Мне нравится, как ты движешься, – сказала я.

Она повторила эту строку на языке жестов, и я кивнула. Затем повторила, медленно и внятно:

– Мне нравится, как ты движешься.

Глядя мне в глаза, она снова повторила фразу на языке жестов. Я кивнула и повторила эту же фразу вслух, но на этот раз – ритмично, сильно топая, чтобы девочка уловила ритм.

Закончив строку, я продолжала отбивать ритм ногой, надеясь, что Риэйджа присоединится. Она поглядывала на меня неуверенно, и тут меня осенило: я снова поставила начало трека *OutKast* и продолжала отбивать ритм, который девочка не могла не слышать. Когда зазвучал рефрен, я стала подпевать. На третьем рефрене Риэйджа все-таки присоединилась ко мне.

Голосок у нее был приятный, с легкой хрипотцой, и хотя в ноты она не попадала совершенно, но ритм держала. Сперва она следила за моими губами и за движением ноги, отбивающей такт, но потом, к моему удивлению, закрыла глаза и так, с закрытыми глазами, ждала следующего рефрена. На этот раз она даже не глянула на меня, а плюхнулась на пол, обеими ладонями уперлась в него и стала подпевать – точно, идеально в такт.

Когда песня закончилась, я нажала на паузу и подождала, пока девочка откроет глаза.

– Ты пела, – сказала я ей.

Она посмотрела на меня и расцвела улыбкой.

– Я пела, – выговорила она совершенно отчетливо. Упускать момент было нельзя.

– У тебя есть любимая песня? – спросила я.

Она кивнула и, к моему удивлению, назвала *You're Beautiful*, которую Джеймс Блант исполнял под гитару лет десять тому назад. Я пошарила в ай-фоне и отыскала ее.

– Слова знаешь? – спросила я.

– Да, – ответила она вслух. – Мне нравится эта песня.

– Что тебе в ней нравится?

Она подумала:

– В ней говорится, что бывает так, что ты человека не замечаешь, а он все-таки думает о тебе. Может быть, кто-то даже любит тебя, а ты об этом не знаешь.

Я кивнула.

– Как ты думаешь, о тебе тоже кто-то думает, даже если сейчас ты этого человека не видишь и не знаешь?

Она пожала плечами.

– Кто это может быть? – уточнила я.

– Может, кто-то – ну, типа, та, кто была моей мамой, вроде того.

У меня перехватило горло.

– Хочешь послушать ритм этой песни?

Она кивнула.

– Только на этот раз подпевай вместе со мной, или я выключу, – предупредила я.

Нажала кнопку. Мы смотрели друг на друга, прислушиваясь к первым гитарным переборам, заполнившим комнату. А потом раздался обаятельный хриплый голос Бланта, и я едва сдержала гордую улыбку, когда Риэйджа запела во весь голос: «У меня замечательная жизнь». И вновь она точно попадала в ритм, хотя и перевирала мелодию.

Следующие три минуты голос Джеймса Бланта эхом отражался от стен, и мы обе пели вместе с ним. В отличие от Риэйджи я не помнила всю песню наизусть, но знала достаточно, чтобы подхватывать. Затихли последние ноты, и девочка обернулась ко мне.

– Конец довольно грустный, – сказала она.

– Это конец его истории, – возразила я. – Но не твоей.

Она молча пожала плечами.

– Значит, музыку ты любишь, – зашла я с другой стороны.

– Смотря какую, – ответила Риэйджа. Приподняв волосы над правым ухом, она показала мне наушник внутреннего протеза. – Подарок от Святой Анны, – пояснила она. – Благодаря им я разбираю слова песен, это клёво.

– С наушниками лучше? – переспросила я.

Она подумала.

– Иногда хочется побыть в тишине, – сказала она наконец. – Но музыку я тоже люблю, это да.

Вдруг взгляд ее посуровел, и она сделала какой-то знак – я его не разобрала и попросила на языке жестов: «Пожалуйста, повтори, я не поняла».

Лицо девочки омрачилось, и, так же быстро, как она раскрылась навстречу музыке, она вдруг снова ушла в себя.

– Знаете что? – сказала она вслух, смазывая окончания слов. – Вы вообще ничего не понимаете!

Яростно мотнув головой, она поднялась и вышла из комнаты.

* * *

Потом я полчаса прозанималась с Молли, мы слушали *If You're Happy and You Know It*, «Ты счастлив и это знаешь» и одну песню *One Direction*, которую я поставила с мыслью о Ханне. Эта девочка оказалась не такой

угрюмой, как Риэйджа, но тоже была пока не готова открыться. Я понимала, что придется пройти еще немало испытаний, прежде чем я сумею преодолеть разделяющую нас стену. Мне было прекрасно известно, как медленно и постепенно завоевывается доверие пациента. Определенного прогресса мы с ней явно достигли – и все же на душе лежала тяжесть, одолевали сомнения, получится ли толк от этих занятий, особенно с Молли, у которой нет имплантов и очень слабый остаточный слух. Но ведь вибрацию-то она чувствует, напомнила я себе. А кто чувствует ритм песни, тот уже не останется к ней равнодушен.

Знаками я попрощалась с девочками и, получив от Молли ответное «до свидания», решила считать это своей маленькой победой. Я пожала руку Шейле и договорилась встретиться на следующей неделе. Мы с Эндрю проводили их до выхода, и они ушли в теплый летний вечер. Эндрю предложил мне присесть рядом на крыльце.

– Риэйджа сегодня подпевала, – сказал он. – И Молли общалась с вами.

– Хотелось бы добиться большего...

– Кейт! – покачал он головой. – Будьте же к себе справедливы. Это всегда трудный путь, как на скалу карабкаться. Но у вас имеется альпинистское снаряжение. – Он подмигнул мне и глянул на часы. – Пора на следующую встречу. Готовы?

Я закинула сумку на плечо и кивнула.

– Эта девочка придется вам по душе, Кейт, – продолжал Эндрю. – Вы с ней, можно сказать, родственные души. Она – чрезвычайно одаренный музыкант, мы ее так и прозвали: «Бетховен». У нее сейчас непростая пора, и нам не удастся наладить с ней контакт. Надеюсь, вы сумеете пробиться.

– На чем она играет? – спросила я.

– На пианино, – ответил Эндрю. Сердце затрепыхалась. *Музыкально одаренная девочка двенадцати лет, глухая девочка, которая любит Бетховена?* – Но у нас для нее нашелся только старый синтезатор, – продолжал он огорченно. – И на уроки музыки нет бюджета.

– Как... как ее зовут? – прохрипела я. Конечно, глупо, невыносимо, но что, если он скажет: Ханна? Что, если сны сюда меня и вели? Если моя дочь – реальна?

– Элли, – услышала я.

– О! – Я сама удивилась собственному разочарованию. «Хватит глупостей, – одернула я себя. – Ханна не существует, и Патрика тоже давно нет».

– Пошли? – повторил Эндрю, очевидно так и не заметив моей странной реакции.

– Идем, – с трудом выговорила я.

Глава 18

По дороге – сначала по 35-й улице, потом налево на 31-ю авеню – Эндрю рассказал мне историю Элли. Девочка училась в седьмом классе и за последние два года несколько раз попадала в сиротскую систему. Отец неизвестен, мать неоднократно арестовывалась за торговлю наркотиками. Недавно мать прошла реабилитацию и сейчас дважды в неделю навещает Элли по программе восстановления семьи.

– Значит, Элли скоро вернется домой? – уточнила я.

– Если все пойдет по плану, однако это может случиться не так скоро, – вздохнул Эндрю, пряча руки в карманы. – По-моему, в большинстве случаев самый лучший вариант для ребенка – снова оказаться с родителями, правда? Если мать или отец сколько-нибудь приличные, это дает чувство стабильности, что для ребенка очень важно. Однако я еще не знаком с матерью Элли и плохо знаю ситуацию. Беспокоит меня эта девочка.

– Вы о каждом ребенке беспокоитесь, – тихо заметила я.

Он склонил голову на плечо и глянул на меня.

– Наверное, для меня это не слишком полезно, ведь я далеко не все могу уладить. Ну да, беспокоюсь. О многих. А сейчас, пожалуй, больше всего нервничаю из-за Элли.

– Вы говорили, у нее в последнее время проблемы? Плохое поведение? Эндрю кивнул.

– Думаете, это связано с предстоящим возвращением домой?

– Возможно, – ответил Эндрю. – Но пока не удастся понять: она переживает из-за того, что дома ее ждут проблемы, о которых нам следует знать? Или боится, что мать возьмет ее, а потом снова будет ограничена в правах? Она хочет вернуться к матери или как раз не хочет? Порой так трудно добиться, чтобы ребенок открылся. Пока что мы видим, что оценки у Элли снизились, за последние два месяца она трижды влезала в драку, и ни с кем из нас она не желает ничего обсуждать. Я очень надеюсь, что с вами она будет вести себя по-другому.

– Почему?

Эндрю улыбнулся:

– Потому что вы говорите на ее языке.

Через пару минут мы оказались перед скромного вида многоквартирным зданием на 42-й улице. Приемная семья жила на

четвертом этаже без лифта. Мы поднялись по лестнице, и Эндрю, похлопав меня по спине, пожелал удачи. Мне это показалось тревожным знаком, словно грозовая туча в ясный день. Сжав кулак, Эндрю постучал в квартиру № 304.

Открыл рыжеволосый мужчина с густыми усами и козлиной бородкой. При виде Эндрю он расплылся в улыбке.

– Минута в минуту, – сказал он. – Заходите.

Эндрю представил мне мужчину: Родни Грегор, глава временной приемной семьи Элли. Мы пожали друг другу руки, и Родни пояснил, что вместе с женой Сальмой предоставляет приют детям из Святой Анны, которым, предположительно, предстоит воссоединиться с биологическими родителями.

– Обычно мы ищем для детей приемную семью, которая могла бы стать постоянной, – пояснил Эндрю. – Родни и Сальма берут детей только на ограниченный срок, и очень нас этим выручают. Они любят детей и заботятся о них, но обе стороны изначально понимают, что устройство временное. Приемные дети не рассчитывают на усыновление и не страдают от обманутых надежд.

– Мы просто стараемся хорошо устроить детишек на то время, что они пробудут у нас, – пояснил Родни, провожая нас в кухню. – Сальма отлучилась, с ней вы сможете познакомиться в следующий раз. Вы готовы к встрече с Элли, Кейт? Я провожу вас к ней в комнату.

– Готова.

Родни чуть помедлил, взвешивая мой ответ. Потом кивнул и вышел в узкий коридор.

– Пойдем! – пригласил он, оглянувшись через плечо.

Дверь в комнату в конце коридора была распахнута, но Родни все равно легонько постучал и позвал меня. Дыхание перехватило, когда я оказалась в затемненной комнате, похожей на комнату Ханны: на стенах постеры, в том числе тот же постер *One Direction*, и если Ханна вешала на стену свои рисунки, то Элли – записки от руки. Я придвинулась вплотную и прочла листок, висевший ближе к двери.

Здесь жалок свет

Надежды нет

Но я вхожу.

Оставь свой след

Так говорят

Оставь свой след.

– Она пишет стихи, – пояснил Родни, проследив за моим взглядом. – Я в этом мало разбираюсь, но некоторые, на мой вкус, очень неплохи.

– Это печальное, – пробормотала я.

– Я вас слышу, не забывайте, – донесся голос из темного угла в глубине комнаты, и я чуть не подскочила от испуга. Шторы были задернуты, а свет девочка не включала, так что я и не заметила ее в комнате. Даже сейчас, когда она заговорила и повернулась к нам, а мои глаза немного привыкли к темноте, я различала только смутный силуэт.

– Кейт, это Элли, – представил ее Эндрю. – Элли, это Кейт Уэйтмен, музыкальный терапевт. Я тебе говорил.

– Привет, Элли, – сказала я.

Девочка встала и шагнула вперед, в блеклый круг света, падавшего из коридора.

С минуту мы разглядывали друг друга. Элли была красивая девочка, с большими темными глазами, темными прямыми волосами чуть ниже плеч и мелкими и тонкими, точно птичьими, чертами лица.

– Музыкальный терапевт? – Она не только глотала окончания, как Ханна в моих снах: интонация тоже была нарушена – ровная, ни подъема, ни спадов. Интересно, давно ли ей поставили импланты? – Вы?

– Да, – подтвердила я. – Рада с тобой познакомиться.

Ее глаза сузились, она резко фыркнула:

– Вранье! – отвернулась и скрылась в своем темном углу. Зрение уже настолько адаптировалось к сумраку, что я различала ее там: руки скрещены на груди, спина напряженно выпрямлена, лицом к стене.

Я оглянулась на Эндрю, тот лишь головой покачал.

– Элли, – заговорил Эндрю, и она гневно обернулась, глаза полыхали огнем. И принялась что-то объяснять на пальцах, очень быстро, я не успевала разобрать. Эндрю ответил также на языке жестов; девочка сердито запыхтела, закатила нетерпеливо глаза.

– Что она сказала? – спросила я, заслужив очередной презрительный смешок.

– Сказала, что в психиатре не нуждается, – пояснил он. – Я пытался ее убедить, что вы не психиатр, что вы будете работать над речью. Похоже, она не верит.

Я повернулась к девочке.

– Элли, – сказала я, – мы будем заниматься музыкой. Играть.

– Я не стану рассусоливать про свои чувства, – рыкнула она.

Я пожала плечами:

– Мне этого и не надо.

Эндрю вроде бы собрался что-то добавить, но я не стала дожидаться, что он скажет и как Элли на это отреагирует. Я подошла к синтезатору, пристроенному в дальнем левом углу комнаты на шаткой подставке. Включила, присела на маленький стул перед ним – тот протестующе скрипнул – и опустила пальцы на клавиши.

Я не думала заранее, что буду играть, но пальцы сами собой заиграли *How to Save a Life* группы *The Fray*. Не успела я и первую строку сыграть, как получила реакцию.

– Эй! – воскликнула Элли и шагнула к синтезатору, все так же свирепо глядя на меня. – Он мой!

Я посмотрела на нее и продолжала играть, не сбиваясь с ритма.

«Он мой, – повторила она на языке жестов, с перекошенным лицом. – Мой!» И снова повторила вслух:

– Мой!

– Так садись играть сама, – ответила я, не останавливаясь. Уже пошел рефрен, а она все таращилась на меня приоткрыв рот.

– Как это? – переспросила она наконец. Я перестала играть и посмотрела на нее.

– Раз синтезатор твой, так садись играть, – сказала я. – Или на нем буду играть я. Потому что музыкальные инструменты для того и предназначены.

– Но я же говорю: он мой, – сказала она уже не так уверенно, скорее растерянно.

Я пожала плечами:

– Инструмент не твой, если ты на нем не играешь. Правило музыкантов!

Элли злобно уставилась на меня. С минуту мы играли в гляделки. Я уж испугалась, что блеф не сработает, когда Элли наконец, закатив глаза, велела мне: «Подвиньтесь», – и я поспешно освободила ей стул перед синтезатором.

Она помедлила, собираясь с мыслями, и через мгновение комната взорвалась: яростные, протестующие аккорды, которые удивительным образом сплетались в чудесную, плавную мелодию. Девочка прикрыла глаза, вся отдавшись музыке. Мы с Эндрю переглянулись. Я увидела, как Родни, прислонившись к стене, потрясенно уставился на свою воспитанницу.

Через несколько мгновений песня оборвалась, и Элли обернулась ко

мне.

– Ясно? – бросила она.

Я постаралась не выдать своего изумления.

– Что это за песня?

Левый глаз девочки слегка дернулся.

– «Оставь свой след».

Я вспомнила приклепленное к стене стихотворение, девчачий наклонный почерк.

– Ты сама ее сочинила, – догадалась я.

Снова этот продолжительный взгляд.

– И что?

– То, что ты – настоящий талант, – сказала я. – Я рада, что мы будем играть вместе.

И, не дожидаясь ответа, я повернулась, вышла из комнаты и вернулась в кухню. За мной последовали Эндрю и Родни. Родни озадаченно скреб затылок.

– И все? – спросил он. – Занятие на сегодня закончилось?

Я кивнула, неуверенно оглянулась на Эндрю. К моему облегчению, он улыбнулся и сказал Родни:

– Главное произошло. Кейт вынудила Элли вступить в диалог.

Недоверие исчезло с лица Родни, сменившись уважением.

– Вы были правы, – сказала я Эндрю, чувствуя, как все тело вибрирует от прилива сил. – Нужно было заговорить на ее языке.

* * *

– Может быть, перекусим вместе, а потом уж я домой? – словно со стороны услышала я свой голос по пути в Святую Анну.

Эндрю глянул на меня вопросительно:

– А жених не обидится?

– Он сегодня вечером в баре со своим другом Стивеном. Вернется поздно. – Тут я спохватилась, что вроде бы заигрываю с Эндрю, и поспешила добавить: – Просто можно было бы обсудить, как продвигаются дела у детей. Если у вас есть время, конечно.

Беда в том, что я не смогу заговорить с Дэном об Элли, он даже не поймет, как много для меня значило это занятие. А Эндрю поймет. Мне хотелось поделиться моим пузырьком счастья.

– При условии, что угощаю я, – ухмыльнулся Эндрю. Я строго глянула

на него, и он поднял руки, словно защищаясь: – Нет, я не сексист, но мне здорово понравилось, как вы в тот раз впились зубами в бургер. Мне хочется снова увидеть на вашем лице такое выражение, и я как раз знаю подходящее местечко.

– Тоже бургеры? – уточнила я и не смогла сдержать улыбку предвкушения: очень уж вкусные, что правда, то правда.

– Обижаете, – сказал он. – У меня в запасе разнообразное меню. Вы что-нибудь слышали о карибской кухне?

Мы зашли в узкую – просто щель в стене – дверь в десяти кварталах от дома Элли и оказались в ямайском кафе. С десятков столиков, стены размазаны черным, зеленым и желтым.

– Доверьтесь мне, – сказал Эндрю, угадав мои сомнения. – Выглядит убого, но еда просто невероятная. Верите?

– Вам – верю, – улыбнулась я. Было отчего-то очень приятно произнести эти слова.

– Отлично. – Он слегка подтолкнул меня локтем. – В чем, в чем, а в еде я разбираюсь, женщина!

Он заказал соленую треску и аки – национальное ямайское блюдо, пояснил он мне, – а также плоды хлебного дерева и жареные овощные бананы.

– Плоды хлебного дерева? – переспросила я, когда официантка отошла принести нам «Ред страйпс».

– Это фрукт, – с улыбкой пояснил он, – который на ощупь и на вкус похож на хлеб. На Ямайке его жарят целиком, а потом режут. Хорошо идет к аки и треске.

– Мне уже страшно спрашивать, что такое аки.

Он ухмыльнулся во весь рот.

– Аки – такой придурочный фрукт, пока растет, он больше всего смахивает на желтые клешни краба. Но когда его сварят в кипятке, становится похож на омлет. На Ямайке его подают с соленой треской, овощами и специями. Непривычно, однако попробовать стоит.

– Фрукт со вкусом хлеба, – задумчиво повторила я, – и фрукт, похожий на омлет. А что, нормально.

Он расхохотался:

– Вы же обещали довериться мне!

Вернулась официантка с «Ред страйпс», и к тому времени, как прибыло основное блюдо, мы уже болтали и смеялись, как старые друзья. Что-то в Эндрю напоминало мне Патрика, хотя между ними мало общего. Очень трудно их сравнивать, но дело в этом странном ощущении, что с

Эндрю я могу быть собой. Если и ляпну что-то глупое, он ответит такой же чепухой, и мне не придется краснеть. И он вовсе не старается предстать идеальным.

А вот и еда. Как и предупреждал Эндрю, на вид похоже на омлет с помидорами, перцами и луком. Я набрала немного на вилку, попробовала. Нос невольно сморщился от непривычных вкусовых сочетаний: очень солено, сильно отдает рыбой.

– Не понравилось? – огорчился Эндрю.

– Ничего так. – Я еще раз попробовала. – Если честно, я к такому не была готова, но это вкусно.

Он успокоился.

– А плод хлебного дерева?

Я откусила кусочек, кивнула одобрительно:

– Точно, вкус хлеба. Но хорошего хлеба.

– Так что, одобряете? – На все сто, Хенсон.

Он вскинул кулаки.

– Победа! – приглушенно крикнул он, и я рассмеялась. – Так что, – продолжал он, отправив полную вилку в рот, – ваш жених тоже оценил бы такое блюдо?

Я рассмеялась еще громче:

– В рот бы не взял. Он избегает пищи с высоким содержанием соли, а тут ее явно немало.

– Гипертоник? – посочувствовал Эндрю.

– Нет. Просто пунктик насчет правильного питания.

Эндрю явно растерялся.

– Но вы же говорили, ему бы понравился тот бургер, пару недель назад. А уж бургеры точно входят в список десяти самых вредных блюд Нью-Йорка и окрестностей.

Я уставилась в тарелку, аппетит пропал.

– Не так. Я сказала: бургер понравился бы моему мужу.

– Мужу? – Эндрю все еще смотрел озадаченно, однако по его глазам я поняла, что он уже догадался, о чем я. Он тоже потерял близкого человека и такие намеки улавливает с полуслова.

– Его звали Патрик, – сказала я.

– А! – негромко откликнулся Эндрю. Теперь он окончательно понял.

– Он умер двенадцать лет назад, – глухо продолжала я. – Вернее, двенадцать лет будет восемнадцатого сентября. Патрику бы тут понравилось. И бургер ему бы понравился тоже.

Эндрю смотрел на меня, а я ждала обычных слов сочувствия,

привычную вариацию на одну и ту же тему, то, что я получаю всякий раз, когда называю себя вдовой. Но он подался вперед и крепко сжал мою руку.

– Значит, когда вы сказали, что знаете, каково потерять близкого, это были не просто слова.

– Да, – кивнула я.

Он еще помолчал.

– И это он посоветовал вам следовать за своей мечтой?

– Именно, – улыбнулась я.

Эндрю кивнул:

– Значит, в еде он разбирался. И давал отличные советы. Что еще? Расскажите мне о нем.

– Вы правда этого хотите? – удивилась я. Обычно собеседник выражает сочувствие по поводу моей утраты и меняет тему, избегая неловкости. А Эндрю, кажется, и в самом деле хочет знать, каким был Патрик.

– Например, он болел за «Метс» или за «Янкиз»? – подсказал мне Эндрю.

– За «Янкиз», – тихо ответила я.

– Какое облегчение. Что еще?

Я сделала глубокий вдох – и стала рассказывать. Как Патрик любил готовить и как любил возиться с деревом, что на работе считался незаменимым, потому что искренне заботился о клиентах и помогал им принимать верные решения. Я рассказала даже о том, как иногда посреди ночи у Патрика громко урчало в животе и что он мечтал кататься на роликах, но стеснялся, считая, что это занятие для девчонок. И о тех записках, что он оставлял у меня под подушкой, напоминая о своей любви, и даже о серебряных долларах.

В ответ Эндрю рассказал мне о брате, и к тому времени, как мы расплатились по счету и вышли, мы проговорили почти час, делясь воспоминаниями. С моих плеч словно свалилась давняя тяжесть. Я уж и сообразить не могла, когда мне в последний раз доводилось говорить о Патрике с улыбкой, со смехом: разговор о нем прежде был окутан печалью и чувством утраты. А как приятно рассказывать новому другу о человеке, который так много значил для меня.

– Тебе брат когда-нибудь снится? – спросила я Эндрю по дороге к метро. Я и не заметила, как мы перешли на «ты».

– К сожалению, нет, – ответил он. – Он погиб, когда мы оба были детьми, и с тех прошло много времени. Иногда я пугаюсь, не стираются ли воспоминания о нем. – После паузы он тоже задал вопрос: – А тебе снится

Патрик?

– Да, – сказала я. – Особенно в последнее время. И эти сны очень похожи на настоящую жизнь.

Он кивнул:

– Думаешь, подсознание пытается тебе что-то сообщить?

– Что, например?

– Не знаю. Мне яркие сны снятся, только когда я пытаюсь в чем-то разобраться. – Он поглядел на меня: – Тебе нужно в чем-то разобраться?

– Кажется, да, – шепнула я.

Мы молча шагали дальше.

– Знаешь, мне кажется, горюя по брату, важно еще и признавать, что эта утрата сделала меня тем, кем я стал.

– В смысле?

– Пережитая трагедия меняет человека. Не могу себе представить, что я был бы сегодня здесь, шел бы с тобой по этой улице, работал с детьми, у которых снижен слух, если бы не Кевин. После его смерти в моей жизни образовалась дырка, пустота, а такая пустота, мне кажется, заполняется чем-то новым, не тем, что было в тебе раньше. Жизнь полностью меняется.

Я кивнула:

– Да, утрата меняет все.

– И все же я стал лучше благодаря утрате, благодаря тому, что мне довелось понять. – После паузы он спросил: – Как ты думаешь: смерть Патрика изменила тебя?

– Пожалуй. – Подняв взгляд к небесам, я уточнила: – Только я не уверена, что процесс закончился.

Лишь намного позднее, когда мы расстались, обнявшись на прощание, в метро по пути на Манхэттен, я спохватилась: про детей из Святой Анны не было сказано ни слова.

Глава 19

– Расскажи мне про эти сны. – Мама подалась ко мне и схватила за руку. – По-быстрому, пока Дэн не вернулся.

Мы запивали шампанским устриц во французском бистро «Ноэми и Жан», восторженные отзывы о котором мама вычитала в журнале «Нью-Йорк мэгезин» и решила непременно туда зайти. Поскольку Дэн ненавидит неизбежные Четвертого июля фейерверки, а мама с равной силой ненавидит давку, нам понадобилось тихое и неамериканское местечко. Мы тут были одни. Дэн только что отлучился в туалет, и мама поспешила удовлетворить свое любопытство.

– Нечего особо рассказывать, – слабо отбивалась я. Ложь меня не спасет, но я изо всех сил обороняла тот мир, где обитают Патрик с Ханной, потому что стоит поделиться личными деталями со скептиком, и меня высмеют, а иллюзия рухнет.

– Ну как же нечего, детка! – настаивала мама. Прервалась на миг, чтобы отправить в рот приправленную хреном устрицу. – Сьюзен мне говорила, как эти сны влияют на тебя. – Отхлебнув шампанского, она откинулась на спинку стула.

Я оглянулась на дверь туалета. Дэн вот-вот вернется.

– Глупо, конечно, – поспешно заговорила я. – Мне снится та жизнь, которая была бы у нас, если бы Патрик не погиб.

– И ты счастлива? В этих снах?

– Совершенно счастлива. – Я тщательно продумала следующие слова, прежде чем произнести их вслух: – Это, видимо, та жизнь, что была мне предназначена. Если бы все не пошло наперекосяк. Если бы Патрик сел в то утро в другое такси или если бы его клиент перенес встречу, он бы остался жив. Или если бы заболел в то утро и никуда не поехал. Если бы я попросила его перед уходом починить кран в ванной, он бы задержался на пять минут. Сколько угодно вариантов, и все было бы по-другому, но выпал один, этот. Разве это справедливо?

– Но так устроена жизнь, – мягко возразила она. – Прошрое не отменишь. Теперь у тебя есть Дэн. Вам неплохо живется вместе. Ты же более-менее счастлива, а?

Такой выбор слов меня поразил.

– Более-менее счастлива?

– Обычно приходится довольствоваться этим.

– А если я хочу большего? – настаивала я, но тут за столик вернулся Дэн, и разговор прервался.

– Леди, я вам не помешал? – улыбнулся Дэн, усаживаясь на свое место.

– Вовсе нет, – ответила мама, строя ему глазки. Она прониклась к нему с того самого дня, как я привезла Дэна во Флориду на первое знакомство, а хорошее отношение к мужчине у мамы невольно перерастает во флирт. Ничего плохого в этом нет, но в нынешнем моем состоянии, когда я понимала себя с трудом, заискивающая мамина улыбка и хлопанье ресницами только раздражали.

Мы добились устрицы с шампанским и заказали еще вина и закуски. Разговор свернул на подготовку к свадьбе, выбор цветов и шрифта для пригласительных открыток. Я вдруг куда-то отъехала. Выглянула в окно, озаренное далеким фейерверком. Было тоскливо, словно я оказалась на обочине чего-то важного, заглядываю туда, но толком не вижу.

На миг я прикрыла глаза, чтобы в голове прояснилось, а Дэн пустился рассказывать моей маме – эту историю я уже слышала с полдюжины раз, – как он выбирал мне кольцо. Его голос и гул ресторана слышались точно издали, а я сосредоточилась на дыхании – вдох и выдох, – только бы не думать о том, как этот идеальный ужин отличается от того, вовсе не идеального и совершенно прекрасного, который был накануне, в ямайской забегаловке.

И в тот момент, когда мне удалось отключить все это, вдруг передо мной предстал образ, отчетливый, как на мгновенной фотографии. Застывший кадр: я, Патрик и Ханна смотрим на фейерверк, озаряющий весь город.

Я задохнулась, глаза резко открылись, машинально я уцепилась за стол и перевернула стакан с водой прямо на колени Дэну. Он вскочил, схватил салфетку и принялся вытирать, а я виновато повернулась к маме.

– Что случилось? – шепотом спросила она.

– Ничего, – ответила я, но сердце все еще грохотало. Никогда прежде фрагменты моих снов не вторгались вот так в реальность. Судя по всполохам салюта, я видела нас троих в тот же самый миг, когда мы с мамой и Дэном сидели в кафе – там, на другом конце города, альтернативная версия моей жизни продолжалась без настоящей меня.

– Что-то, связанное со снами? – уточнила мама и с подозрением взглянула на меня.

Я только и успела, что кивнуть с самым несчастным видом – Дэн вернулся и сел, промокая влажное пятно на брюках бумажной салфеткой.

– Уфф, малыш, ты меня напугала. – Он погладил меня по руке.

– Прости, что облила.

– Не беда. Главное, что с тобой все в порядке. – И он продолжил разговор с мамой, которая теперь то и дело исподтишка бросала на меня встревоженные взгляды, стараясь, однако, чтобы Дэн ничего не заметил.

И никто из них не слышал, как я бормочу себе под нос:

– Похоже, со мной не все в порядке.

На следующее утро я заехала за мамой на такси и повезла ее из отеля обратно в аэропорт. По дороге она больше молчала или говорила приятные пустяки – о погоде, о том, как была рада повидать меня и Сьюзен и скоро приедет снова. Почти у самого аэропорта она решилась наконец затронуть главную проблему.

– Что это было вчера, Кейт? В ресторане? – спросила она. – С тобой такое часто бывает?

– Нет. В первый раз. Я прикрыла глаза и увидела Патрика и Ханну. Это застало меня врасплох.

– Ханну – вашу дочь?

Я кивнула и отвела взгляд.

– Солнышко, – кротно заговорила она. – Ты всегда была склонна заикливаться. Помнишь, в седьмом классе ты влюбилась в Джона Бон Джови? Настаивала, что непременно выйдешь за него.

– Мама, мне было двенадцать лет!

Она пожала плечами:

– И все же, мне кажется, примерно это ты делаешь и сейчас. Заиклилась на этих снах, потому что тебе не за что уцепиться.

– Ни на чем я не заиклилась. И при чем тут – в кого я была влюблена в детстве?

– Что ж, думаю, пора тебе разобраться, чего именно ты хочешь, – заявила она. Такси остановилось у входа в терминал. – Лично я считаю, эти сны сбивают тебя с толку, Кейт. И если ты срочно не разберешься в своих чувствах, боюсь, как бы ты не потеряла то, что тебе удалось найти.

– То есть Дэна? – уточнила я, сдерживая злость. – Ты боишься, что я упущу Дэна?

– Нет, солнышко. Я боюсь, что ты потеряешь себя. Потеряешь все.

Она обняла меня на прощание, и я вернулась в такси и попросила отвезти меня обратно на Манхэттен. По дороге я поймала себя на мысли: существует ли риск потерять все, когда терять уже нечего?

Или все-таки есть? Что, если сны пытаются мне что-то сообщить, а я не слышу? Может, в них какая-то подсказка, скрытый ключ? Звучит безумно, однако нормального во всем этом вообще мало.

– Угол Бликер и Гроув, – услышала я собственный голос, когда такси въехало в темный туннель, соединяющий Квинс с центром. – Пожалуйста, – уже увереннее добавила я. – Отвезите меня на угол Бликер и Гроув.

Там в моих снах проходил концерт и Ханна играла на пианино. Сейчас я узнаю, есть ли на самом деле Долорес Кей и эта студия на третьем этаже дома номер 321 по Бликер-стрит. Если эта женщина существует, то возможно, мои сны не просто прекрасная и мучительная игра воображения. Если Долорес – реальный человек, то есть надежда, что и Ханна тоже.

Полчаса спустя водитель высадил меня на северо-восточном углу Гроув и Бликер. Я постояла, озираясь; сердце колотилось.

Я здесь ни разу не бывала, это точно. А если и проезжала мимо, то не успела бы разглядеть, что тут и как. Но все в точности соответствовало увиденному во сне. Вдалеке торчала какая-то синяя конструкция. На противоположной стороне в перестроенном здании – магазин и химчистка. И белые скамьи перед кафе на углу, которые я тоже видела во сне. И на том самом месте – дом 321, узкое здание с высоким сводчатым подъездом. Я ринулась к нему, прочла вывески на двери: налоговый консультант, парикмахерская, импорт/экспорт, рекламное агентство. Ни Долорес Кей, ни музыкальной студии.

Это еще ничего не значит, подбодрила я себя. Может быть, она там, просто снаружи нет вывески.

С бьющимся сердцем я отворила дверь – она не была заперта – и, перепрыгивая через ступеньку, взбежала на третий этаж. Свернула налево, как в тот раз, с Патриком и Ханной, влетела в первую дверь по правую руку, ведь это должно быть тут...

Но внутри оказалась не студия, а салон-парикмахерская. Паркетный пол, балки на потолке – но с них свешивались лимонного оттенка абажуры. Когда я вошла, тяжело дыша, то регистраторша даже перестала жевать резинку и вытаращилась на меня как на чокнутую.

– Мэм, – враспяжку произнесла она, окинув меня взглядом, – вам что-нибудь нужно?

– Здесь нет пианино, – тупо ответила я.

– Мэ-эм? – повторила регистраторша. Парикмахеры и две клиентки в креслах обернулись и тоже уставились на меня. – Желаете подстричься?

– Нет, – выговорила я. Поморгала, попыталась взять себя в руки. *Нет никакой Долорес Кей. Нет никакой студии. Ханны не существует. А ты – ты дура.* – Спа... спасибо, – пролепетала я, пытаясь заглушить этот внутренний голос. Попятилась и поскорее вышла.

Я сбежала по лестнице и выскочила на улицу, жадно хватая воздух ртом. Мне казалось, я вот-вот отключусь, – асфальт опасно покосился у меня под ногами. Но тут чья-то рука взяла меня под локоть. Я увидела встревоженную девочку-подростка.

– Вам помочь? – спросила она.

– Н-нет, – пробормотала я не слишком-то убедительно. И, вконец смутившись, отвернувшись от этой доброй девочки и пошла по Бликер-стрит на юг, в сторону 7-й авеню. Голова сильно кружилась.

Прошло несколько минут, прежде чем я пришла в себя и присела на автобусной остановке, чтобы собрать себя из кусков. Я никак не могла понять, почему какие-то элементы снов соответствуют реальности – так, я в точности угадала, как выглядит снаружи каждое здание на углу Бликер, – но самое важное не совпадает. К чему, спрашивается, мне приснился тополь под окном нашей старой квартиры, если в ней давно живет другая супружеская пара? Зачем мне было дано во всех подробностях увидеть студию Долорес Кей, если на ее месте располагается парикмахерская?

Правда ли, что девочка по имени Ханна существует? А как иначе я могла увидеть ее лицо в окне свадебного салона? В противном случае объяснение одно – безумие.

Тут я сообразила, что Долорес Кей может оказаться реальным человеком, пусть я и не нашла ее студию. А ее существование повышает вероятность и существования Ханны. Я достала айфон – сердце снова застучало – и ввела в поисковую строку «Долорес Кей». Гугл выдал несколько результатов, но, когда я просмотрела их, надежда померкла. Несколько некрологов Долорес Кей из Айовы, Пенсильвании и Висконсина, но женщины на фотографиях не были похожи на ту, которую я видела во сне. В «Фейсбуке» тоже нашлось несколько тезок, но лица их опять-таки оказались мне незнакомы.

Я добавила уточнение – «Нью-Йорк» – и получила еще более разочаровывающий результат: данные переписи 40-х годов. Еще больше некрологов. И ничего об учительнице музыки, чье лицо я так отчетливо запомнила.

Наконец, уже на грани отчаяния, я добавила в поисковую строку «преподаватель» и «фортепиано» и снова нажала ввод. И сердце тут же скакнуло в горло, потому что первая же появившаяся на экране фотография оказалась знакомой. Долорес Кей из моего сна. Она существует!

Вернее, существовала. Во рту пересохло, когда я кликнула на фотографию: она вывела меня на некролог. Долорес Кей, любимая всеми учениками преподавательница музыки, погибла 6 марта 2004 года в

Бруклине, ее убил грабитель, ворвавшийся в магазин круглосуточного обслуживания. Как и Патрик, она оказалась не в том месте не в то время. Ей был 61 год, говорилось в некрологе, ее оплакивала сестра Петула, проживавшая в Лондоне, а также *несколько поколений учеников, которым она привила любовь к музыке. В последние годы она разрабатывала методы занятий для детей с особыми потребностями.*

Меня трясло, черные буквы некролога били в глаза с белого экрана. Должно же найтись всему этому логическое объяснение. Допустим, в 2004 го-ду я случайно увидела в «Нью-Йорк таймс» некролог Долорес Кей и он застрял у меня в подсознании. Да, конечно, иначе откуда бы мне знать ее имя и что она преподавала музыку именно глухим детям?

Но от такого объяснения легче не стало. Если в своих снах я вижу только умерших, не означает ли это, что и Ханна когда-то существовала в реальности, а теперь умерла? Может быть, и ее имя врезалось мне в память после прочтения какого-нибудь некролога?

Я уронила голову на руки. Плевать, что две подошедшие женщины испуганно перешептываются, косясь на меня. Я уловила слово «ненормальная» и подумала, что они, пожалуй, угадали. Но потом спохватилась: ведь в том же сне присутствовала и Джоан, вполне реальная и живая. Вот только она до сих пор не перезвонила мне. Если у нее и в реальности найдут рак груди, значит, эти сны не просто порождение моих фантазий, но если она здорова, то лечиться пора мне. Мысль обратиться к психиатру пугала, но ведь я действительно теряю над собой контроль.

Я закрыла поиск и набрала номер Джоан. Свекровь к телефону не подошла, и пришлось оставить сообщение: извиниться за навязчивость и предупредить, что я о ней тревожусь и приеду повидаться. После чего я рысью добежала до угла, поймала такси и поехала на Пенсильванский вокзал.

Полтора часа спустя, отсчитывая двенадцать кварталов от станции Глен-Коув до дома Джоан, я успела почти убедить себя развернуться и ехать домой. Ведь Джоан так и не перезвонила. Может быть, я ей сейчас ни к чему.

И все же, вопреки охватившим меня в последний момент сомнениям, я дошла до ее дома и позвонила в звонок. Внутри тишина. Я еще раз нажала звонок, уже без всякой надежды: было очевидно, что Джоан дома нет. Совсем глупо – явиться без приглашения, но отступать некуда: я уселась в уютное кресло и решила во что бы то ни стало ее дождаться. Мы же близкие люди, сказала я себе. Ничего странного, что я приехала ее навестить. Но если «ничего странного», почему же я не отвечаю на звонки

Дэна? Он успел оставить мне два сообщения, пока я ехала в поезде: спрашивал, буду ли я дома к ужину, и предупредил, что едет в Бруклин повидаться со Стивеном.

– К семи вернусь, – сообщил его механический голос. – Собираюсь готовить лосося нам на ужин, если ты против, перезвони. Люблю тебя, малыш.

Я отправила СМС: «Лосось круто», отделалась таким образом от чувства вины, снова откинулась в кресле и стала ждать Джоан.

Наконец, почти в три часа дня, она подъехала и, выйдя из своего «вольво», с удивлением поглядела на меня.

– Кейт? – Она заморгала, словно не веря своим глазам. – Что ты здесь делаешь? Что стряслось?

– Все хорошо, – заверила я ее и сбежала по ступенькам крыльца, чтобы помочь ей занести в дом продукты.

– Так почему же ты приехала, дорогая? Я, конечно, рада тебя видеть.

Мы обнялись, и невольно я отметила, что Джоан похудела – или это опять-таки мое воображение? Я уже придумываю ей рак, лишь бы не признавать свои сны чистой воды фантастикой?

– Давно не было с тобой связи, – пояснила я, вытаскивая с заднего сиденья несколько пакетов и упаковку из восьми бумажных рулонов. – Сегодня у меня работы нет, я и решила заглянуть и проверить, как ты тут.

Она внимательно посмотрела на меня, потом вытащила оставшиеся пакеты и захлопнула дверцу, подтолкнув ее бедром.

– Лапонька, все у меня хорошо. Просто не было пока времени отзвонить тебе. Извини.

Я вошла следом за ней в дом, все внутри выглядело как обычно. Я поймала себя на том, что оглядываюсь в поисках примет тяжелой болезни: пузырьков с лекарствами, грелок, посуды, сваленной в раковине, потому что у хозяйки нет сил ее помыть. Но ничего такого не было. Занеся пакеты в дом, я отлучилась в ванную и там проверила аптечку: нашла только препараты от простуды, изжоги и суставной боли. Я идиотка.

Когда я вернулась на кухню, Джоан доставала тарелки из посудомойки.

– Что-нибудь выпьешь? Чаю со льдом, например?

– Неплохо бы.

Я продолжала присматриваться к Джоан, пока она вынимала из буфета стаканы, клала в них лед, доставала из холодильника кувшин холодного чая.

– Устроишься в гостиной? – Она протянула мне стакан. – Сейчас

закончу и присоединюсь к тебе.

– Может быть, помочь? – предложила я.

– Ой, лапонька, я прекрасно справлюсь сама, спасибо. Иди отдыхай.

В гостиной меня настигло старое воспоминание: на этом самом диване мы с Патриком сидели бок о бок тринадцать лет назад, в тот вечер, когда объявили его родителям о помолвке. Джоан сияла улыбкой от уха до уха, отец тут же предложил взять на себя свадебные расходы. Патрик поцеловал меня в щеку и приподнял мою руку, показывая им обручальное кольцо: я вспомнила, как засверкал бриллиант, поймав солнечный луч.

Я посмотрела на свою левую руку: теперь на безымянном пальце место кольца Патрика заняло кольцо Дэна. И рука моя выглядела старше: проступили вены, появились морщинки. Время неумолимо, хотим мы того или нет.

– Кейт? – Голос Джоан прервал мои мысли, я подняла голову и увидела, как пристально она смотрит на меня. – У тебя точно все хорошо?

Я кивнула, и она расплылась в улыбке, но тревога так и не ушла из ее глаз.

– Мне показалось, ты где-то далеко...

– Вспомнился тот день, когда мы с Патриком приехали к вам рассказать о помолвке, – призналась я.

Джоан вздохнула и села напротив меня.

– Кейт, мне нужно с тобой поговорить.

Сердце застучало, я подалась ближе. *Вот оно. Я так и знала. Сейчас она скажет, что у нее рак.*

– Хорошо, Джоан, – вслух сказала я. – Я тоже готовилась к разговору.

Она кивнула, сделала глубокий вздох и приступила.

– Кейт, – очень серьезно проговорила она, – я подумала, наверное, это неправильно, что мы с тобой по-прежнему так близки.

– Что? – заморгала я.

Она опустила глаза.

– Потому-то я и не отвечала на твои звонки. С тех самых пор, как ты рассказала мне о своих снах, я стала думать, какое место я занимаю в твоей жизни. Мне кажется, тебе нужно отпустить Патрика и жить своей жизнью, и вот что меня беспокоит: ты слишком заботаешься обо мне, это мешает тебе освободиться.

– Джоан. – Я чувствовала, как дрожит мой голос. – Я не «слишком забочусь». Я тебя люблю. Ты – мама моего мужа.

– Но ведь его давно уже нет. Конечно, конечно, я всегда буду любить тебя, как родную дочку. И всегда буду благодарна тебе. Патрик был с тобой

счастлив. Но не думаю, что тебе полезно общаться со старухой вроде меня.

Неужели она решила со мной порвать?

– Ты вовсе не старуха, Джоан. И я не по обязанности к тебе приехала. Я здесь потому, что люблю тебя. Очень люблю.

– И я тебя, – ответила она. – Но мне не кажется, что Дэнну так уж нравится наша дружба.

– Он ничего не имеет против, – возразила я, хотя и чувствовала, что привираю.

Джоан грустно покачала головой:

– Не хочу превращаться в обузу для тебя, Кейт. И Патрик не хотел бы, чтобы я на тебе повисла. А еще Патрик не хотел бы, чтобы память о нем стала для тебя бременем. Ты же это понимаешь, правда?

– Понимаю, – сказала я. – Но ни ты, ни Патрик для меня не бремя.

Помолчав, Джоан кивнула:

– О чем ты хотела поговорить, Кейт? Ты сказала, у тебя ко мне какой-то разговор.

Мои тревоги мне самой казались смешны, и все же я сказала:

– Хотела спросить, давно ли ты делала маммографию.

Джоан явно удивилась:

– Маммографию? Наверное, какое-то время с тех пор уже прошло, но у меня все в порядке. Что это ты вдруг, Кейт?

Не могла же я признаться, что причина – в моих снах. Тем более после такого разговора не могла. Поэтому я выпалила:

– У моей хорошей знакомой только что диагностировали рак груди. И вот... я подумала о тебе.

Лоб Джоан пошел складками.

– Очень жаль твою подругу.

Я покачала головой:

– Обещай мне, что пройдешь проверку не откладывая. Договорились?

– Кейт, честное слово, я совершенно здорова.

– Пожалуйста. Обещай. Сделай это для меня.

Она снова внимательно на меня поглядела.

– Хорошо, я сделаю маммографию.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– И скоро.

– Да.

Кажется, я ее напугала.

– И ты правда чувствуешь себя вполне здоровой? – не отставала я.

– А ты, Кейт? Ты-то хорошо себя чувствуешь?

Я поспешно кивнула.

– Все прекрасно, – заверила я ее. – Лучше некуда.

Все такой же пристальный взгляд.

– Похоже, ты не высыпaeшься, лапонька. Постарайся получше отдыхать, хорошо? Расслабься хоть немного. И не беспокойся обо мне. Скоро у тебя свадьба, это же самое счастливое время в жизни.

– Ну да, – сказала я. *Только вот счастлива я по большей части в снах, с твоим сыном.*

* * *

Первые дни рабочей недели пролетели быстро и без особых событий. Я провела занятия с Максом, Лео, еще несколькими детьми. Во вторник я молилась о том, чтобы проснуться в том мире, где наступал день рождения Ханны, но очнулась рядом с Дэном и весь день продолжала думать о ней: хоть бы там, в непостижимой альтернативной реальности, девочка была счастлива. В среду я в очередной раз посетила курсы, занятия шли отлично: я быстро запоминала слова и, неловко признаться, с удовольствием освоилась в роли первой ученицы и любимицы учителя – пусть себе Эми грозно сверкает очами. После урока я договорилась с Эндрю: встретимся в четверг в Святой Анне и все повторим как в прошлый раз: сначала занятия с Ризйджей и Молли там же, потом – визит к Элли.

– Как неделя прошла? – спросил Эндрю, когда я на следующий день, ровно в четыре, сунула голову в его кабинет. На этот раз он был в джинсах и винтажной футболке с битлами, всклокоченный, словно спросонок.

– Только вчера виделись, – с улыбкой напомнила я.

– Но я не имел вчера возможности как следует тебя расспросить, – ответно улыбнулся он. – Опасался навлечь гнев Эми на нас обоих.

– А, так ты обратил внимание?

– Обратил внимание? Если бы взглядом можно было убивать... Она мысленно пронзает тебя кинжалом, стоит нам заговорить, а на меня таращится, как на рождественский подарок, который не терпится развернуть.

– Ого, ты, я смотрю, сама скромность.

Он высоко поднял брови:

– Я же не говорю, что это заслуженно. Просто констатирую.

– Не будь к ней чересчур суров: нелегко быть одинокой женщиной в

Нью-Йорке, – сказала я (хотя с какой стати мне заступаться за Эми?). – Трудно винить ее за то, что ей приглянулся симпатичный и умный холостяк.

Вот тут Эндрю покраснел, да и у меня щеки запылали, ведь эти слова явно отдавали флиртом, хотя я и не собиралась придавать им такой смысл. И мы оба заговорили одновременно.

– Я не совсем... – начал Эндрю.

– Я не хотела... – начала я.

Мы расхохотались, неловкость ушла, и он предложил:

– Давай ты первая.

– Я всего лишь хотела сказать: не думай, пожалуйста, будто я пытаюсь заигрывать.

– Нет, нет, что ты. – Румянец сбежал с его щек, и теперь он смотрел на меня чуть насмешливо. – Боже упаси. Возможно, у меня вши.

– Я так и думала. – Я сделала страшные глаза. – Так что ты собирался сказать?

– А, ничего особенного. – Он глянул на часы. – Пошли, девочки, наверное, уже здесь.

Глава 20

Занятия с Молли и Риэйджей прошли быстро и без осложнений. Молли выбрала банджо – восемь разных инструментов были разложены на полу заранее. Я подождала, пока она разберется, как звучат струны, потом показала несколько простых аккордов, и мы стали петь вместе. Это упражнение помогает улучшить произношение и интонацию, развивает способность наблюдать и повторять, облегчает общение. С Риэйджей было не так все просто: я попыталась проверить с ней ту же операцию, но она не взяла ни один инструмент и молча смотрела на меня из угла, пока я играла на гитаре. И все же под конец стала отбивать такт ногой и губами подпевала рефрен, так что хоть она и не попрощалась, когда я выходила из комнаты, в целом это можно было назвать прогрессом.

По пути к дому, где жила Элли, я рассказала Эндрю, как прошли занятия и что я планирую на следующую неделю, но потом повисло неловкое молчание, это было совсем не похоже на обычную нашу дружескую и непринужденную болтовню. Я даже почувствовала облегчение, когда мы добрались наконец до Элли, но тут нас ждало кое-что похуже: Родни проводил нас к ней в комнату, и я обнаружила, что девочка содрала со стен все свои стихотворения.

Она сидела в углу, скрючившись над компьютером, и что-то яростно печатала. Нас она то ли не услышала, то ли умышленно не замечала.

– Элли? – громко позвала я, но она не обернулась.

– Весь день так, – грустно сообщил Родни.

– Что могло случиться, не знаете? – спросил Эндрю.

Родни покачал головой.

– С нами она не разговаривает. Мы пытались, но она ушла в комнату и сидит тут, спиной к двери.

– Давайте я попробую, – предложила я. Собралась с духом и улыбнулась обоим мужчинам: – Вы идите.

Родни колебался, явно не желая оставлять нас наедине, но в итоге подчинился, а за ним вышел и Эндрю, тоже с тревогой на меня поглядывая. Я осталась стоять на пороге, наблюдая за Элли. Стук клавиш на компьютере сливался в злобное стаккато.

Я пошла и встала у нее за спиной. Когда моя тень упала на экран, Элли подскочила.

– Элли? – громко спросила я, стараясь говорить как можно ласковее. –

Что с тобой?

Девочка залилась краской и, резко захлопнув ноутбук, затравленно оглянулась на меня. Она ничего не говорила, только смотрела на меня в упор, неподвижно, и, подождав, я сама задала вопрос:

– Что ты пишешь?

Взгляд ее стал почти угрожающим, она быстро изобразила на пальцах три буквы: ОМП. Не сразу я сообразила, что это означает: «Оставьте меня в покое».

Но я не отреагировала так, как она, должно быть, ожидала, а пожала плечами и отвернулась. Прикусив губу, я перебирала все возможные объяснения. Девочка сняла со стены все свои стихи. Может быть, поссорилась с мальчиком, который ей нравится? Но тут же я сообразила, что ни одно из тех стихотворений, какие я успела прочесть на прошлой неделе, не было «романтическим». Может быть, ее творчество раскритиковала учительница? Но неужели девочка могла принять это так близко к сердцу?

Я разложила на ковре те же инструменты, которые только что использовала на занятии с Молли и Риэйджей, потом достала гитару и дождалась, пока Элли посмотрит на меня. Когда же она это сделала (все так же угрюмо), я кивком указала ей на инструменты:

– Хочешь выбрать?

Она решительно покачала головой.

– Можешь не играть, – продолжала я. – Но я буду. Вдруг тебе тоже захочется.

Она фыркнула. Я начала как ни в чем не бывало медленно перебирать струны, соображая, какая песня могла бы ее зацепить.

Я начала с *Over You* группы *Daughtry* – «Забыть тебя», на случай, если дело все-таки в мальчике, но она и головы не повернула. Тогда я перешла к *Puff the Magic Dragon*, но Элли, похоже, стало скучно. Лишь когда зазвучала битловская *Hey Jude* – любимая песня Лео, – я впервые уловила искру интереса. Я доиграла и стала молча ждать. Сейчас она заговорит.

«Кто такой Джуд?» – знаками спросила она, а глаза смотрели все так же – с подозрением.

На такой вопрос я и рассчитывала.

– Это сын Джона Леннона, Джулиан, – ответила я. – Джон Леннон – один из битлов.

– Уф! – сказала она, переходя на речь. – Про битлов каждый идиот знает. – После паузы она уточнила: – Если он Джулиан, почему же в песне Джуд?

– Пол Маккартни (он тоже из битлов, но это ты, я так понимаю, знаешь), – с улыбкой отвечала я, – написал эту песню для Джулиана, когда родители Джулиана, Джон и Синтия, решили развестись. Джулиан был этим огорчен, а Пол знал, что музыка помогает человеку утешиться. Сначала он так и пел, «Эй, Джулс», это уменьшительное от Джулиан, но потом изменил на «Эй, Джуд», потому что так, на его слух, звучало лучше.

Она все так же пристально смотрела на меня.

– Почему Джулиан был огорчен?

Я пожала плечами.

– Думаю, ребенку бывает тяжело, когда родители разводятся, – сказала я. – Может быть, ему казалось, что его недостаточно любят, что он не нужен папе с мамой.

Что-то промелькнуло в глазах Элли, и я поняла, что нащупала болевую точку.

– Мне кажется, Пол Маккартни хотел сказать Джулиану, что мальчик ни в чем не виноват, что он не должен взваливать себе на плечи такую ответственность и что скоро все наладится.

Она призадумалась.

– И что же? Наладилось?

– У Джулиана? – Я кивнула: – Да, он давно уже взрослый и стал музыкантом, как и его отец.

– Потому что отец все-таки любил его, – вставила Элли.

– И мама, и папа. Оба его любили.

Элли поспешно отвернулась и, пряча от меня слезы, вытерла глаза. Я подождала, пока она повернется, и знаками спросила: «Что случилось?»

– Ничего, – огрызнулась она. – И не обязательно объясняться со мной на пальцах. Я и говорить умею, не тупая.

Я снова сделала паузу, потом мягко спросила:

– Все-таки что случилось?

Она снова фыркнула, но лицо ее дрогнуло от боли.

– Ничего не случилось. – Я испугалась, что девочка снова закроется, но она тут же добавила: – В том-то и дело. Может, ей на меня вообще наплевать? Совсем-совсем? Она приходит дважды в неделю, потому что так положено, иногда я ночую в ее новой квартире, но в остальное время ей даже не интересно, жива ли я.

– Почему ты так думаешь, Элли? – спросила я.

Ее глаза сузились.

– Было бы интересно – давно взяла себя в руки и ей бы разрешили меня забрать! Почему она тянет? Ей наплевать, что я так долго живу у

чужих людей!

– Причины могут быть самые разные, и ты тут ни при чем. Ты и сама можешь придумать другое объяснение.

Моя обязанность – помочь пациенту самостоятельно рассмотреть все версии, разобраться в своих чувствах к матери, но трудно подавить искушение сразу же утешить девочку, сказать, что мама, конечно же, ее любит.

– Ну да, – согласилась Элли. – Но по-моему, она меня терпеть не может.

Упершись взглядом в пол, она несколько раз шмыгнула носом.

Я подождала, не скажет ли она еще что-нибудь, но она молчала.

– Наверное, ты просто не понимаешь, как мама тебя любит. Просто у нее сейчас много проблем. Элли, иногда в жизни наступает такая пора, что из-за множества трудностей родители не успевают, не в силах проявить свою любовь к детям.

Снова она фыркнула: – Вы-то почему знаете!

– Ты права, я ничего об этом не знаю. Поэтому и спрашиваю, какие у тебя еще версии.

Она подумала.

– Ладно. Может быть, у нее сейчас большие проблемы. Или она еще не готова к тому, чтобы снова стать моей мамой. Годится?

Я улыбнулась:

– Так оно звучит намного правдоподобнее, Элли. Согласна?

Она скорчила гримасу и отвернулась. Потом снова поглядела на меня.

– Я спрашивала у соцработника. Она могла бы взять меня уже в сентябре, если б вела себя как следует и наладила свою жизнь. Но ей наплевать, я же вижу.

– А что ты сейчас делала за компьютером? – спросила я. – Писала маме?

– Я даже не знаю ее нового адреса, – проворчала она. – Я сочиняю письмо, которое отдам ей, когда она в очередной раз явится «в день посещения».

– И что будет в этом письме?

– «Хватит быть паршивой матерью».

– Ну и правильно, – кивнула я. Элли вглядывалась в меня – шучу я или нет. Но я говорила всерьез. – А если ты верно угадала? Если ей нужно разобраться с собственными проблемами?

Лицо Элли снова исказилось:

– Знаете что? Вы ничем не лучше остальных. Вы говорите вроде бы

разумные вещи, но смысла в них нет.

Не в бровь, а в глаз. Я отделяюсь от нее банальностями. Поэтому я сказала:

– Ты права. По отношению к тебе она поступает плохо. Это очень обидно.

Уголки ее губ приподнялись в недоверчивой улыбке.

– Вы правда так считаете?

Я кивнула.

– Но может, согласишься ей в последний раз? Вдруг она все-таки хочет устроить все как лучше для тебя? Вдруг есть хоть маленький шансик?

Элли не ответила. Она поднялась с места и направилась к синтезатору. С минуту просидела перед ним неподвижно, потом дотронулась до клавиш и стала медленно подбирать *Hey Jude*. Потом глянула на меня, иронически изогнув бровь:

– Ну?

Я улыбнулась, взяла гитару и заиграла. Следующие двадцать минут мы с Элли, она на синтезаторе, я на гитаре, играли прекрасную мелодию, которую Пол Маккартни сочинил без малого полвека назад. Повторяли ее снова и снова. Вскоре я услышала, как Элли тихо мурлычет слова, и тоже начала подпевать. После нескольких прогонов я стала менять слова, чтобы они точнее соответствовали ситуации: «Эй, мам... Где ты была? Я так ждала... когда же ты придешь за мной».

Наконец у нас и пальцы устали. Элли вскинула руку, прощаясь со мной – и благодаря. Оглянувшись, я увидела в коридоре Эндрю, он смотрел на нас и улыбался.

* * *

Несколько дней я с беспокойством вспоминала этот разговор с Элли, даже спать стала хуже, и сны – или как их назвать – не возвращались. Я лежала возле похрапывающего Дэна, мечтая поскорее забыть о неприятностях Элли, провалиться в сон, чтобы свидеться с Патриком и Ханной. Но потолок все не расплывался, и минуты продолжали тикать, пока сероватый утренний свет не пробивался в стыки жалюзи.

Быть может, в отчаянии думала я, мне больше не суждено проникнуть в жизнь Патрика и Ханны. Может быть, встреча с Ханной была таким заковыристым, окольным способом свести меня с Эндрю, чтобы тот привел меня к Элли. К девочке меня буквально притягивало. В сущности, я только

о ней теперь и думала – о ней и о том, как ей помочь. Даже сюрприз Дэна – уик-энд в Хемптоне – не очень-то меня отвлек. Лежа рядом с ним на пляже, я притворялась, будто листаю «Пипл», а в уме прокручивала очередные песни, чтобы с ней разучить. По вечерам Дэн разводил на берегу костер и рассказывал мне всякие истории про своих сотрудников, и я покорно слушала, но думала об Элли.

Во вторник я занималась с Максом, мы довольно долго играли вместе на ксилофоне, потом обсудили нового одноклассника, Тревора, и как он обижает моего подопечного, и наконец Макс задал вопрос, от которого заняло сердце.

– Мисс Кейт... – Он затеребил воротник. – Как так получается, что некоторым родителям не нужны их дети?

– То есть как?

– Не знаю. Просто не нужны, и все.

– Ты о ком? – мягко переспросила я. Он промолчал, и я уточнила: – О маме?

– Нет, что вы! – улыбнулся Макс. – Она меня любит. – Но тут же улыбка сбежала с его лица. – А вот папе я не нужен.

– С чего ты взял, Макс?

– Мне Тоби в школе объяснил. Поэтому папа от нас ушел.

Прикусив губу, я судорожно подбирала слова. Джойя растила ребенка одна с десяти месяцев: в один прекрасный день отец ушел на работу и не вернулся. Через три месяца пришли бумаги на развод, и Джойя все подписала. Ей не пришлось сражаться за опеку: бывший муж отказался от всяких прав на ребенка. Однажды она мне сказала: вот и хорошо, что Макс не придется иметь дело с человеком, который не хочет быть его отцом.

– Во-первых, Макс, ты уверен, что Тоби все знает о твоей жизни?

Он подумал:

– Может, и нет.

– Так что же, по-твоему, случилось с твоим отцом? – Я затаила дыхание: только бы не причинить мальчику лишней боли.

– Не знаю. Мама ничего не говорит. – Он помолчал. – Может быть, папа не захотел быть моим папой.

Я снова подумала:

– Может быть, он просто не был еще готов стать отцом? И дело не в тебе?

Мои слова его озадачили.

– А как же он стал отцом, если не был готов? Что-то странно.

– Это как контрольная в школе, – пояснила я. – У тебя бывают контрольные?

Он кивнул:

– Я хорошо пишу словарные диктанты.

– Но ты ведь к ним готовишься?

Он снова кивнул:

– Мама заставляет.

– А учить слова – дело нелегкое, верно?

– Очень трудно!

– Но когда ты приходишь на контрольную, ты уже готов и потому-то и пишешь диктант так хорошо.

– Угу, – кивнул он.

– Вот и быть родителем – что-то наподобие. Надо много и тяжело работать. Все время учиться, тренироваться, стараться изо всех сил.

– Или влепят кол!

– Вот именно! – подхватила я. – А бывает, человек так трудиться не готов. И тогда у него не получается стать отцом.

Он долго размышлял над моими словами и наконец улыбнулся:

– Значит, папа просто не хотел учиться как следует.

– Скорее всего, – осторожно ответила я. Не хотелось зря обнадеживать парня, ведь его отец, по всей вероятности, никогда этого не захочет.

Когда занятие окончилось, я отвела Джойю в сторону и кратко передала наш разговор.

– Видно, человек так устроен: надеется вопреки всему, что те, кто ушел от нас, еще могут вернуться, – вздохнула она. – Придется Максу к этому привыкать.

Она ушла, а ее слова эхом отдавались в моей голове. Похоже, я, как Макс, все никак не привыкну к мысли, что Патрик ушел навсегда и никакие мои мысли и молитвы его не вернут.

* * *

– О, какой загар! – приветствовал меня Эндрю на следующий вечер, когда я пришла на занятия. Он уже стоял у стола, перебирая бумаги, и мне стало неловко: я явилась, когда он как раз беседовал с Эми, единственной ученицей, пришедшей заранее.

– Так заметно? – переспросила я, надеясь, что в сумрачном помещении не видно, как вспыхнули щеки. – Значит, я была совсем уж бледной

немочью.

– Вовсе нет, – улыбнулся он. – Просто позавидовал: одни загорают на пляжах, а другие в это время сохнут над бумагами. – Он выдержал паузу. – Или нет, погодите: это был не пляж? Мгновенный спрей-загар?

Он откровенно меня поддразнивал, и щеки у меня разгорались все сильнее.

– Не хочу никого разочаровывать, но загар действительно из Хемптона. Провели там выходные.

– Я так и знал! – простонал Эндрю. – Все, теперь я умру от зависти.

– С женихом ездили? – громко встряла Эми. – Вы же, наверное, выходные с ним проводите? Со своим женихом?

Я сморгнула:

– Да. Конечно. У его кузена таймшер в Монтоке. – Ого! – присвистнула Эми.

Я пожала плечами и повернулась к Эндрю:

– Мы тоже думали, что ого, пока не поняли, что нам предстоит жить в трехкомнатном коттедже с еще четырьмя парами.

Эндрю хихикнул, Эми скорчила гримасу:

– Но все-таки ваш жених в средствах не стеснен, если может позволить себе Монток хоть в каком-то виде.

Она уже действовала мне на нервы.

– У него все в порядке. – Я не стала вдаваться в подробности, а Эндрю подмигнул мне за ее спиной.

– За такого надо держаться, – посоветовала она. – Уж я бы оценила, если б меня кто свозил на уикэнд. – И она захлопала ресницами, отчего Эндрю смутился и снова уткнулся в свои бумаги.

Я села. Один за другим входили остальные ученики. Эми собрала свои вещи и устроилась возле меня.

– Похоже, вы с Эндрю закорешились, – прошептала она, убедившись, что Эндрю отошел на другой конец комнаты и разговаривает там с Грегом.

Не глядя ей в глаза, я ответила:

– Да, мы кое-что делаем вместе. Я занимаюсь с детьми из Святой Анны. Вот и все.

С минуту она изучала мое лицо.

– И между вами ничего нет?

– Ничего. – Я демонстративно приподняла левую руку: – Помните? Я обручена.

– Значит, вы не против, если я приглашу Эндрю на ужин?

Я затагнула с ответом:

– Разумеется, нет.

Она фыркнула, явно истолковав мое замешательство как признак тайной влюбленности в Эндрю. Я-то прикидывала, как бы помягче дать ей понять, что Эндрю она не интересуется.

Эндрю подозрительно оглянулся на меня и попросил всех занять свои места. Отбросив посторонние мысли, я сосредоточилась на том, чтобы выучить тридцать новых глаголов и столько же существительных. Под конец урока Эндрю рассказал, как строится фраза на языке глухонемых, и разделил нас на пары, чтобы мы отработали друг на друге двадцать записанных на листочке фраз. Я обрадовалась, когда он назначил мне в пару Вивиан, но сам он, оказалось, составил пару Эми: нас в группе было нечетное число. Почему-то стало неприятно.

После занятия я помахала Эндрю рукой и, опустив голову, ринулась прочь. Я успела пробежать полпути до угла Мэдисон и 69-й, когда позади послышались шаги, и, обернувшись, я увидела несущегося за мной бодрой рысцой Эндрю.

– Постой! – сказал он. Толстая пачка книг и бумаг грозила вот-вот вывалиться у него из-под мышки. – Куда ты так спешишь? – Он попытался подладиться под мой шаг.

– Не хотела мешать Эми, – вырвалось у меня.

– Нет никаких... – начал он, осекся и покачал головой: – Не беспокойся. Я не собираюсь встречаться с Эми.

– Я и не беспокоюсь, – чересчур поспешно возразила я.

– Хорошо. – Он пристроился рядом. – Я хотел предупредить: Молли возвращается домой. Суд принял решение в пользу ее матери. Мы не ожидали этого так скоро, потому и не успели предупредить. Соцработник поддерживала мать, но мы никак не рассчитывали, что судья подпишет постановление уже сегодня утром.

– С ней все в порядке?

– По-моему, она счастлива, – улыбнулся Эндрю. – В жизни не видел, чтобы ребенок так быстро собрал вещи.

– Это хорошо. – Но в горле встал комок: не думала я, что одна из моих подопечных исчезнет так быстро. – Жаль, что не успели попрощаться.

– Мне тоже жаль. Извини, что так получилось. Но это к лучшему. В смысле, что она возвращается домой. Мне кажется, ее мать – неплохой человек, и то, что случилось, заставит ее одуматься. С Молли все будет в порядке.

– Это хорошо. – Я вздохнула. – А если ты ошибаешься?

Он молча глянул на меня.

– В смысле, как ты с этим справляешься? – настаивала я. – Ты же не будешь знать, в порядке Молли или нет, разве что она снова попадет в Святую Анну.

– Будут контрольные визиты. Но ты права: за тот час, который соцработник проводит с семьей, всего не поймешь. Остается лишь надеяться – и верить, что большинство людей по сути своей хорошие.

Глава 21

На следующее утро я вновь проснулась в странно знакомом, слишком ярком мире, куда не попадала последние две с лишним недели, но на этот раз все вышло по-другому. Я очнулась не в постели рядом с Патриком, а за столом красного дерева – дремала, уронив голову, в неудобной позе, какая-то бумажка приклеилась к щеке. Я выпрямилась, заморгала в растерянности: о том, что я снова попала в сон, свидетельствовали только краски, слишком живые и насыщенные для реальности. Здесь они всегда были чересчур интенсивными, как будто пленку передержали при проявке и все цвета выплеснулись за границы предметов.

Я оглядывалась, ничего не понимая. *Куда я попала?* Но в тот миг, когда в моей голове прозвучал этот вопрос, начался уже знакомый мне процесс загрузки информации, хлынули подробности: я «вспомнила», что это – мой офис. В шикарном здании Верхнего Ист-Сайда, где я работаю всего три раза в неделю, чтобы побольше времени проводить с Ханной. Я также знала, что могу себе позволить такое расписание, потому что стала востребованным и хорошо оплачиваемым специалистом. *Услуги музыкального терапевта для взрослых: деликатность, профессионализм, исцеление* – вспыхнул у меня в мозгу рекламный слоган. Да, точно, это моя реклама. Но из этого следует, что я больше не работаю с детьми. Выходит, так?

Нахмурившись, я присмотрелась к папкам на моем столе. Открыла верхнюю и стала читать записи (моим почерком) о двадцатилетнем пациенте Трэвисе Уоррингтоне III. Он, видимо, страдал шизофренией, и я разрабатывала план терапевтических занятий вместе с его психиатром. Судя по записям, у молодого человека имелись проблемы с речью, но музыка постепенно помогала ему раскрыться. Вот очередная запись: недавно психиатр рекомендовал ему еще шесть месяцев музыкальной терапии.

Следующая папка – Саманта Линн Беркли-Фурньер, 42 года, мать двух детей, депрессия. Записи сообщали, что она занимается у меня уже месяц и мы стараемся подобрать музыку, которая помогла бы ей ощутить радость жизни, слушаем эту музыку и обсуждаем возникающие при этом чувства. А когда я долистала до последней страницы в папке – распечатки счетов, – у меня чуть глаза из орбит не вылезли: мне платили вчетверо больше, чем в реальной жизни.

И все же, оглядывая свой роскошный кабинет, я усомнилась, счастлива ли я тут. В реальной жизни у меня на стенах висят детские рисунки и художественные фотографии музыкальных инструментов, которые я собирала много лет, а еще в кабинете немало сувениров, оставленных родителями, – свечи, банки с вареньем, бейсбольные карточки в рамках. Мне нравится этот правильный и уютный беспорядок, и детям есть за что зацепиться взглядом. Любой из этих предметов может послужить отправным пунктом в разговоре, помочь клиенту раскрыться.

Но этот мой кабинет профессионален и пуст, только книги да медицинские журналы. На стенах висят в рамках мои сертификаты и наградные дипломы. Личного тут лишь фотографии на столе – Патрика, Ханны и племянника с племянницей.

Подавшись вперед, я всмотрелась в фотографию Патрика (откуда я знаю, что сфотографировала его на пляже в Северной Каролине несколько лет назад?). Он стоит по колено в воде и смеется, но смотрит при этом прямо в камеру. Прямо в душу мне смотрит.

– Что случилось с моей жизнью? – спросила я Патрика на фотографии. Не то чтобы я чувствовала себя здесь несчастной, но впервые осознала, что работать с детьми в реальной моей жизни я решила, потеряв Патрика. Возможно, именно потеря подсказала мне этот путь? Что, если беззащитность Патрика в момент гибели заставила меня подсознательно выбрать беззащитных пациентов? Или я нахожу утешение в работе с детьми, потому что сама осталась бездетной? Не проявление ли это глубинного материнского инстинкта?

Я схватила трубку, чтобы позвонить Патрику, но оказалось, я не помню его номера. Покачав головой, я взяла свой мобильник и довольно быстро сообразила, что ПИН-кодом служит дата нашей свадьбы. Разблокировав телефон, я с облегчением увидела имя Патрика первым в списке быстрого дозвона, но на том конце после нескольких гудков включилась голосовая почта.

– Привет, милый, – заговорила я (мучительно и отрадно было услышать знакомый голос на автоответчике). – Перезвони мне, когда сможешь, хорошо? Мне нужно кое-что спросить.

Нажав отбой, я заглянула в календарь на столе. Следующее занятие в 14:30, а сейчас только полдень. Вдруг я сообразила, как использовать свободное время: сейчас я съезжу в Квинс и запишусь волонтером Святой Анны, тогда в следующий раз, как попаду сюда, не буду так тосковать по работе с детьми. И нужно заскочить домой повидаться с Хан-ной, если она, конечно, там: не могу же я зря потратить «сон», так и не встретившись с

моей девочкой.

Я вышла из офиса, сообщив помощнице (я не знала ее в лицо, но откуда-то было известно ее имя, Джудит), что вернусь к следующему занятию. Из коридора я позвонила Ханне (ее мобильный тоже оказался в списке любимых номеров) и тоже попала на голосовую почту. Я написала СМС: «Забегу домой на обед. Ты где?»

Как только я нажала «отправить», мир вокруг слегка потускнел, и я спохватилась: мне следовало самой знать, где она. Тринадцать лет – рановато, чтобы уходить из дома без предупреждения. Но почему-то я не знала ответа, и это меня смущало.

«У тети Джинны, как всегда по П, С и Ч летом», – пришел ответ.

«Скажи Джинне, я заскочу в полвторого», – написала я.

«ОК».

«Люблю тебя, солнышко, очень-очень», – отправила я следом.

«И я тебя, мам».

Я перевела дыхание: какое счастье, мне предстоит повидаться не только с Ханной, но и с Джинной. Выходит, в этой реальности мы с подружкой еще больше сблизились, настолько, что моя дочка зовет ее тетей и проводит у нее дни, когда я на работе. Может быть, и ее первый муж остался жив? Если Патрик и Долорес Кей, трагически погибшие в реальности, живут здесь, то, может быть, и Билл тоже? Вот только непонятно, хорошо это или плохо: ведь если Билл не погиб, Джина не вышла замуж за Уэйна и не родила Мэдисон, а мне очень сложно представить себе мир, в котором у Джинны нет дочери. Прикрыв глаза, я сделала несколько глубоких вдохов. С каждым визитом в этот мир вопросов лишь прибавляется.

У входа в офис я поймала такси и назвала водителю адрес Святой Анны. Через двадцать пять минут машина остановилась у входа в знакомое здание. Я вздохнула с облегчением: все на месте. Хорошо, что какие-то вещи неизменны в обоих мирах. А вдруг я сейчас встречу с Эндрю? Пусть в этом мире мы с ним пока не знакомы, но, как и Джоан, он станет для меня еще одним мостиком, соединяющим оба мира. А то и поможет разобраться в том, что со мной происходит.

Но когда я подошла к администратору (я никогда с ней раньше не общалась, Эндрю всякий раз встречал меня на крыльце), имя Эндрю Хенсон оказалось ей незнакомо.

– Здесь таких нет, – сказала она.

Я заморгала:

– Он ведет программу для детей со сниженным слухом.

– Мэм, у нас нет такой программы, – сказала администратор.

Паника забурлила во мне.

– А как же Риэйджа Пейс? Элли Валчер? И Молли Колдуэлл?

Женщина озабоченно посмотрела на меня:

– Мэм, у нас нет таких сотрудников.

– Это не сотрудники, это дети, – тихо проговорила я, пятясь к дверям. – Дети, и теперь я не смогу узнать, как они.

Я вышла на крыльцо Святой Анны, меня колотила дрожь. И внутренним взором увидела Эндрю – руки в карманах, футболка с супергероем, придававшая ему ребячливый вид, лицо, озаренное улыбкой.

– Где же он? – пробормотала я.

Присев на нижней ступеньке, я снова достала айфон. Вбила в поиск имя Эндрю, и мне не пришлось даже проверять ссылки: его фотография выскочила среди первых же картинок.

Пройдя по ссылке, я попала на газетную статью о двух братьях – владельцах ресторана «Гриддл» в Розуэлле, пригороде Атланты. Один из братьев был Эндрю, а другой – его брат Кевин.

Поразительно: *в этом мире Кевин жив*. Но значит, Эндрю не стал в память о брате работать с глухими детьми. Жизнь пошла совсем иным путем. И дети – Риэйджа, Элли и многие другие – не были приняты на попечение благотворительным фондом Святой Анны, потому что там не было Эндрю.

Наверное, с ними все в порядке, о них заботится социальная служба. Но никто, я уверена, не может заботиться об этих детях так, как Эндрю – приветливый, преданный, не щадящий себя.

У меня неприятно ныло в животе, пока читала эту статью. «Гриддл», специализирующийся на авторских грилях, открылся девять месяцев назад, Эндрю там шеф-повар, Кевин – директор. Это их второй совместный проект, после того как в 2012 году закрылся ресторан «Мохо» в Алфаретте.

«Мы надеемся, что старые друзья из “Мохо” придут к нам и мы впишемся в розуэлльскую жизнь, – приводил журналист слова Эндрю. – Мы с Кевином выросли тут по соседству, и вы убедитесь, что меню состоит из творчески переосмысленных местных блюд, знакомых каждому, чье детство прошло в Джорджии».

Я увеличила фотографию и внимательно всмотрелась в лицо Эндрю. В самом ли деле он выглядит не таким уж счастливым или мне только кажется? Килограммов на пять полнее – что и понятно, когда целый день работаешь на кухне ресторана, – морщины глубже, глаза усталые. Какая-то грусть, показалось мне, сквозила в его чертах, хотя, возможно, я просто

переносила на него собственные ощущения. Ведь это мне было грустно оттого, что Эндрю живет в другом городе и не посвятил свою жизнь детям. Как-то это неправильно.

Я закрыла ссылку и убрала айфон в сумочку. Встала, вышла на угол, остановила такси и на обратном пути до Манхэттена все никак не могла отделаться от мыслей об Эндрю – почему он оказался не там, где должен был быть. «Пустота, мне кажется, заполняется чем-то новым, не тем, что было в тебе раньше», – сказал он тогда в ямайском ресторанчике. И жизнь в результате полностью меняется.

Его слова звучали у меня в голове, покуда за окном проносился Нью-Йорк. Эта жизнь прекрасна, ведь в ней у меня есть Патрик и Ханна, и Эндрю не потерял брата. Но это совсем другая жизнь: не понеся утрату, я и Эндрю не стали теми, кем должны были стать. Нам не пришлось подвергать свою жизнь переоценке и выбирать более трудный путь.

Я расплатилась с таксистом возле дома Джины, вышла и глянула в чересчур синее, чересчур сияющее небо. Очень красиво, но я скучаю по небу своего мира. Чем больше времени я проводила здесь, тем больше убеждалась: это не может быть реальностью. Таких ярких цветов в природе не бывает. Может быть, это и не сон, но и не настоящая жизнь. Глаза наполнились слезами. Я поднялась на крыльцо и нажала кнопку домофона.

– Кто там? – спросил незнакомый голос.

– Добрый день, я к Джине.

– Здесь таких нет.

Я уставилась на фамилию под кнопкой: «Труба». Не знаю такой.

Я извинилась и пошла прочь, в полной растерянности: где искать Джину? Сколько помню, она всегда жила здесь. Еще когда Билл не погиб.

Может, написать Ханне СМС, спросить адрес Джины? Но стало страшно спугнуть «сон», ведь в этом мире я не могла не знать адреса подруги. И Патрика тоже спрашивать нельзя – по той же причине. Я застыла на тротуаре словно соляной столп, и толпа обтекала меня с обеих сторон.

В следующую минуту я вздрогнула от звонка. И с облегчением увидела на дисплее имя Патрика.

– Привет, милая. – Стоило услышать его низкий, теплый голос, и я успокоилась.

– Привет. – Я прикрыла глаза.

– Что-то случилось? У тебя какой-то не такой голос.

– День выдался длинный и странный, – вздохнула я.

– Солнышко, что такое?

Я не знала, с чего начать, и задала вопрос, который преследовал меня с самого утра. Он тоже мог разрушить этот разноцветный мир, ведь так происходило всякий раз, когда я начинала задавать вопросы. Но я не могла удержаться.

– Патрик, я счастлива или нет? – спросила я.

– Ты о чем, Кейт? Конечно, ты счастлива, – растерялся он.

– Не в смысле с тобой и Ханной. Я знаю, у меня самая лучшая семья на свете. – Я собралась с мыслями: – Но все остальное? Мне нравится моя работа, например?

Мир вокруг слегка замерцал. Я ступила на тонкий лед.

Он ответил не сразу.

– Думаю, да, – сказал он. – Мне кажется, ты более-менее счастлива.

Я помнила, как возмутилась, когда теми же словами выразилась мама насчет меня и Дэна.

– Но это ведь не то же самое, что просто счастлива? – печально уточнила я. – Как же так получилось?

Мир вокруг почти растворился, я едва различала голос Патрика в телефоне – жестяной, далекий, и слов я разобрать не могла. Лица вокруг расплывались, здания превращались в цветные кляксы.

– Патрик! – крикнула я, но уже знала, что никто меня не услышит, потому что начался тот самый звук отлива. И в тот момент, когда этот мир исчез окончательно, я поняла, что сделала выбор: не стала ждать, не задержалась, чтобы повидаться с Патриком и Ханной.

Что же я выбрала? Может быть – жизнь.

Глава 22

– Риэйджа не скучает без Молли? – спросил меня Эндрю на следующий день, когда мы вышли от Шейлы и направились к Грегорам.

Я готова была кинуться ему на шею и сказать, как я рада, что он выбрал именно эту работу, но не могла же я заговорить о ресторане в Джорджии. Он бы меня за сумасшедшую принял.

– Скучает, конечно. Но еще больше, по-моему, ее задело, что за Молли мама вернулась, а за ней нет. Получается, никому она не нужна.

– Бедный ребенок! – вздохнул Эндрю.

– Тебе не обязательно провожать меня к Элли, – спохватилась я. – У тебя, наверное, много дел.

– А если мне хочется пройтись с тобой? – усмехнулся он.

– Тогда не отказывай себе в удовольствии. – Стоило этой витиеватой фразе сорваться с моих губ, как я почувствовала себя законченной идиоткой, а Эндрю расхохотался.

У Грегоров он познакомил меня с женой Родни, Сальмой – худощавой темнокожей женщиной лет тридцати с небольшим, с кривоватой улыбкой, носом с горбинкой и большими карими глазами. Обеими руками сжимая мои руки, она сказала, что очень рада моему общению с Элли. Потом увела Эндрю на кухню, а я пошла к девочке.

Элли сидела скрестив ноги на кровати и что-то чиркала в блокноте. Она подняла глаза, и я обрадовалась: вместо прежнего злобного зыркания – почти улыбка. Потом девочка снова уткнулась в блокнот.

– Что рисуешь? – спросила я.

Она нехотя протянула мне картинку:

– Я только начала. Художник я так себе.

Я вгляделась в набросок, вне себя от волнения: девочка, сверстница Элли с темными, волнистыми волосами. Волосы Ханна! А Ханна – ровесница Элли! Перед глазами возникла моя дочь в спальне, увешанной ее рисунками.

– Хорошо получается, Элли.

– Да ланно, – буркнула она. – Вот моя подруга Белла – настоящий художник, а я – от слова «худо».

– Неправда. Очень симпатичный рисунок.

Она скорчила рожу:

– Не врите. Мне и братья за это не стоило. Белла нарисовала мой

портрет, вот и я захотела нарисовать ее. Но ничего не выходит. У нее гораздо лучше получается.

– Главное – желание, – напомнила я.

– Любимая поговорка бездарей.

Не дождавшись ответа, она подняла глаза и пробормотала:

– Извините, обидеть не хотела.

Пожав плечами, я начала распаковывать сумку с инструментами. Я надеялась, что сегодня тоже удастся усадить Элли за синтезатор: когда ее пальцы касались клавиш, девочку отпускало, она становилась другой – более открытой, легкой.

– Так кто такая Белла? – спросила я, положив на пол ксилофон и нашаривая в сумке вторую палочку.

– Моя подруга, – ответила она. – Лучшая подруга. Не буду я играть на дурацком ксилофоне. Я не маленький ребенок.

– И не надо. А на чем будешь?

– С чего вы взяли, что я вообще хочу играть?

– Не хочешь? Отлично, – как можно беззаботнее сказала я. – Тогда я поиграю на твоём синтезаторе, пока ты рисуешь.

Я знала, что спровоцирую сильную реакцию, и не удивилась, когда девочка с воплем «Нет!» спрыгнула с кровати. Она только что не оттолкнула меня, прорываясь к синтезатору. На миг замерла, раздумывая, и вдруг загремели полные драматизма вступительные аккорды Пятой сонаты Бетховена – я аж подскочила. Элли, ухмыльнувшись, продолжала играть. Я восхищенно слушала.

– Бетховена многие не понимали, – заметила она, остановившись на полпути. – Как и меня.

– Да? – невинно переспросила я. Такое направление разговора меня очень устраивало.

– Многие думали, он жадный, у него дурной характер, – уверенно пояснила она. – А на самом деле он был гений. Думал только о музыке. И не обращал внимания на людишек, пусть себе потешаются.

– И над тобой потешаются? – осторожно спросила я.

Этот вопрос она пропустила мимо ушей.

– Он жил в Вене. Знаете? В Австрии. И когда он оглох, всякие, что притворялись его друзьями, стали о нем сплетничать. Думали, раз он не слышит, то и не догадывается. А он знал. Он всегда все знал.

– Люди сплетничают за твоей спиной, потому что думают, что ты не узнаешь? – осторожно спросила я.

Она нахмурилась.

– Это теперь не важно, потому что Белла переходит в мою школу. Она тоже глухая. Теперь, если кто будет смеяться над имплантами и обзывать нас роботами, мы вместе сделаем вид, будто нам до них и дела нет.

Бедная девочка! Но как же хорошо, что у нее есть такая подруга.

– Похоже, она симпатичная, – сказала я. – У нее тоже импланты?

– Да. –левой рукой Элли сыграла короткую, странную мелодию – вроде знакомую, но я не могла ее точно назвать. – Она и на пианино играет, причем лучше меня. Мы как бы близнецы.

– Здорово иметь такого друга, – улыбнулась я.

Сыграв еще один куплет неуловимо знакомой песни, она сказала:

– Сегодня в школе Тони Белути, этот придурок, обозвал меня жертвой аборта: мол, отца я не знаю, мать от наркотиков лечилась. Белла выждала, пока учительница отвернется, и запустила ему жеваной бумагой прямо в глаз.

– Отличная подруга.

– Самая лучшая, – улыбнулась Элли.

– Кстати, о маме, – все так же осторожно заговорила я. – Как у нее дела?

– Не надо об этом, – отрезала Элли, скрестив руки на груди.

– Хорошо. Тогда поиграем еще?

– Можно, – откликнулась она с облегчением.

– Не научишь меня той мелодии, которую ты сейчас играла? – попросила я. – Мне понравилось.

Она кивнула:

– Это Белла сочинила.

В следующие полчаса мы не обменялись ни словом, за нас говорили музыкальные инструменты. Элли играла на синтезаторе, я вторила ей на гитаре, пока мы не сыгрались. У нас получился замечательный дуэт. Так прошел час занятия, и я поднялась.

– Отлично провели время, – сказала я. – Увидимся через неделю, идет?

Она кивнула, и я пошла было к двери, но она окликнула меня:

– Кейт?

Дождалась, чтобы я обернулась, и сказала знаками: «Спасибо. – Рука двигалась от губ, словно посылая воздушный поцелуй. – Вы очень хорошая».

– И ты, – ответила я вслух. И добавила, уже в дверях: – Никогда не забуду я времени, проведенного с тобой. Не лишай меня твоей дружбы и будь уверена в моем постоянстве.

– Чего-чего?

– Так говорил Бетховен.

* * *

Разговор за ужином в тот вечер не клеился. От Дэна шли ощутимые волны смущения, но он, как мог, поддерживал ничего не значащую вежливую беседу. Паузы между репликами затягивались.

Я подумала, не рассказать ли про занятие с Элли, просто чтобы подкинуть новую тему, – но он бы не понял, так что я предпочла промолчать. После сегодняшней ее откровенности меня переполняла радость: кажется, я и правда могу кое-что сделать для этих детей. Но рассказать про это Дэну означало потерять часть своей радости. Даже часть себя. Я и так уже много частей себя пораздавала.

Крутя кольцо на пальце, я ждала, пока Дэн доест, и тут меня снова накрыло стыдом: не следовало мне говорить ему «да», не следовало принимать это кольцо. Во мне давно уже росли неприятные предчувствия, но я их привычно глушила: времени у меня еще сколько угодно и можно не спешить с решением.

Глядя на жующего Дэна, я думала, что, видимо, напрасно с ним связалась. С Патриком было иначе: между нами сразу же проскочила искра и разгоралась все ярче и ярче. Когда мы говорили с ним, меня кидало в дрожь, в трепет – «бабочки трепетали в животе», как пишут в бульварных романах. А с Дэном – никаких бабочек. Так, нервное возбуждение, которое я приняла за что-то более существенное. Плюс голос логики: *Он замечательный. Идеально тебе подходит. Пора строить свою жизнь.* И голос-то был не столько мой, сколько мамы, Сьюзен, Джинны, других подруг: все считали Дэна лучшим ответом на вопрос – вопрос, которого я не задавала.

Поначалу я думала, что вполне естественно не испытывать к Дэну таких же чувств, как к Патрику, ведь Патрик был единственный, как единственной была и наша любовь. Но не следовало отказываться от надежды когда-нибудь вновь ощутить трепет и дрожь. Не следовало уговаривать себя полюбить мужчину лишь потому, что не подвернулось другого.

– Пенни за твои мысли, – пошутил Дэн, догрызая остатки готовой лазаньи, которую я разогрела в микроволновке. Но весело ему не было.

Изобразив улыбку, я трусливо отшутилась в ответ: – Вряд ли они того стоят, – и не оглядываясь вышла на кухню. Снова мы избежали

откровенного разговора. Слишком долго я прячу голову в песок – потом не проморгаюсь.

* * *

Лишь когда красные цифры на будильнике начали отсчет следующих суток, мне вдруг подумалось: видимо, Элли пробудила во мне дремавший столько лет материнский инстинкт, а все остальное – только следствия? Неужели я привязалась к девочке именно потому, что она похожа на Ханну и ей нужна хорошая мама? Вот что делало пропасть между мной и Дэном непреодолимой: чем больше во мне росло желание стать матерью, тем меньше в моей жизни оставалось места для него.

Я перекатилась на бок, отодвигаясь. Все глупости: у Элли есть мать, и это вовсе не я.

И вдруг, нарушив тишину спальни, пискнула входящая эсэмэска. Дэн пошевелился во сне и что-то пробормотал. Я глянула на часы. 00:37. Кто это мне пишет в такую позднотищу?

Я схватила айфон, повернула так, чтобы не светить Дэну в лицо. СМС с незнакомого номера. «Я никому не нужна».

Я нахмурилась. Наверное, ошиблись номером. Только я положила айфон на место, снова писк: «Вам тоже наплевать».

«Кто это?» – написала я.

Короткая пауза, ответ: «Бетховен».

Дэн снова зашевелился.

– Все в порядке? – проворчал он.

– Не уверена, – ответила я: мысли метались.

Он что-то еще пробормотал, повернулся на другой бок и уснул. Скрючившись над телефоном, я набрала: «Элли?»

«Ага», – ответила она.

«Откуда у тебя мой номер?» Я нажала «Отправить» – и испугалась: девочке плохо, нельзя в такой момент оттолкнуть ее. Вдруг она подумает, будто я недовольна, что мне пишут среди ночи. Телефон надолго умолк – у меня живот свело от страха. Потом снова писк СМС. Какое облегчение!

«Эндрю оставил его для моей приемной матери. Я списала из файла. Сердитесь на меня?»

«Нет», – сразу ответила я. И вдогонку: «Что с тобой? Где ты?»

Тишина. Потом ответ: «А вам не все равно?»

«Конечно, не все равно!» – тут же отстучала я. Страх вернулся. С ней

стряслась беда. «Ты дома?» Нет ответа. Я переспросила: «Элли? Где ты?»

Ответа все не было. Я прождала целую минуту, потом еще одну. «Пожалуйста, ответь! – умоляла я три минуты спустя. – Я очень беспокоюсь».

Но она не отвечала. Я перезвонила, но тут же включилась голосовая почта. Я просидела еще с минуту, немо глядя на свой телефон, потом растолкала Дэна:

– Нужна помощь.

Он повернулся и заморгал спросонок, когда я включила лампочку у кровати.

– Что стряслось?

Я торопливо рассказала об Элли и ее загадочных СМС.

– Что мне делать, как ты думаешь?

– По-моему, – он зевнул, – это не твоя забота, малыш.

– Как не моя? – возмутилась я. – Девочка обратилась ко мне. А если с ней беда?

– Да она тебя просто разыгрывает. Ты же говорила, она ушлая девица.

– Ничего подобного я не говорила! – обиделась я за Элли.

– Ну, не знаю. Звони своему Эндрю. Он разберется. Это не твое дело, Кейт.

Я промолчала, и он снова повернулся на бок, проворчав:

– Закончишь – выключи, пожалуйста, свет, ладно?

Но до конца явно было далеко. Я выждала еще несколько минут – не откликнется ли Элли, – а потом тихонько поднялась и пошла в кухню. Нашла в контактах номер Эндрю.

– Кейт? – Голос сонный и озадаченный. – Что случилось?

Было слышно, как женский голос поинтересовался, в чем дело.

– Э-э, – промычала я, обескураженная.

– Кейт? Это ты?

– Извини за беспокойство, – выпалила я, – но мне только что пришли какие-то странные эсмэски от Элли. Боюсь, с ней что-то стряслось. Можешь позвонить Родни и Сальме и узнать, как она?

– Да, конечно! – Он разом проснулся, забеспокоился. – И сразу перезвоню тебе, да?

– Конечно.

Я дала отбой и уставилась на телефон. Секунды ползли, не желая собираться в минуту. Наконец телефон зазвонил. Я тут же схватила трубку:

– Эндрю? Ну, что с ней?

– Не знаю, – сумрачно ответил он. – Она исчезла.

Глава 23

Мы с Эндрю договорились встретиться через полчаса у дома Грегоров. А по дороге я буду слать эсэмэски и набирать ее номер.

– В полицию позвонить? – спросила я напоследок.

– Судя по тому, что ты рассказала, она сбежала. – Эндрю призадумался. – Дадим ей час, хоть это и против правил. Не хочется лишать ее мать шансов восстановиться в правах.

– Восстановиться?

– Да. Ты же знаешь, она дважды в неделю навещает Элли и надеется вернуть ее. Я пока для себя не решил, заслуживает ли она второй попытки, но если все обернется к лучшему, а в деле останется запись о побеге, это испортит дело. Давай подождем час, прежде чем сжигать мосты? Может быть, нам удастся самим ее найти.

В такси я четыре раза набирала номер Элли и послала десяток СМС, но ответа не получила. Мне казалось, Эндрю напрасно тянет: ей всего двенадцать, одна на улице, ночью. Что угодно может произойти.

Эндрю ждал у входа в дом Грегоров.

– Родни и Сальма отправились на поиски, – сказал он, придерживая дверь такси, пока я расплачивалась. – Они пошли налево, мы пойдем направо. Тут полно ночных баров и ресторанов.

Мы зашагали по улице.

– Эндрю, я за нее боюсь, – призналась я.

– Обойдется. Девочка умная, с ней все будет в порядке, – поспешил он меня успокоить, но тут же сорвался: – Вообще-то я тоже боюсь.

На углу мы решили разделиться и звонить друг другу на мобильный. Я быстро шла по 31-й авеню, а к тому времени, как добралась до ресторанов и баров, уже почти бежала. Заглянула в первый, «Грейди», но он уже закрывался, посетители разошлись.

– Не видели девочку двенадцати лет, темные глаза, темные прямые волосы? – спросила я официанта, пробежавшего мимо с грязной посудой.

– Нет, мэм.

Поблагодарив, я вышла на улицу. Не повезло мне и в итальянском ресторане «Просекко», и в круглосуточной кофейне «Ап Латте». Затем три темные витрины, и вдруг из ресторана впереди послышалась музыка. Я почти сразу узнала мелодию и кинулась туда бегом. Та самая песню, которую Элли играла в день нашего знакомства. Которую она сама

сочинила.

* * *

Бар «Симон» оказался плохо освещенным, явно сомнительным местечком. Трое немолодых мужчин в разной степени опьянения сидели у бара, в углу обнималась парочка, еще трое мужчин, прямиком из «Утиной династии», сгрудились за столиком, где уже стояло с десяток пустых пивных бутылок. Никто из них не смотрел на девочку в дальнем конце зала, которая что-то наигрывала на обшарпанном пианино; теперь она подбирала *Hey Jude*.

Облегченно выдохнув, я отписала Эндрю СМС: «Нашла. Бар "Симон", середина 31-й». Спрятала телефон в карман и подошла к Элли. Она и взглядом меня не удостоила. Даже когда я опустилась рядом на банкетку рядом с ней, она продолжала меня игнорировать. Я накрыла ее руку ладонью.

– Элли, – мягко спросила я, – что ты здесь делаешь?

Не глядя мне в глаза, она ответила знаками: «Кому какое дело?»

«Мне», – так же ответила я.

– Ну, конечно, – сказала она вслух. – Вы даже на эсэмэску не ответили.

Я уставилась на нее:

– Элли, я тебе раз сто написала!

Она сощурилась недоверчиво, и я попросила:

– Ты в телефоне посмотри, если мне не веришь.

Что-то бормоча себе под нос, она вытащила телефон из сумки и нажала кнопку меню. Телефон не включился. Она виновато подняла глаза:

– Похоже, разрядился.

– Да уж, побег ты продумала до мелочей.

– Я никуда не убегала, – огрызнулась она. – Просто хотела побыть одна.

– Это называется – одна? – Я махнула рукой в сторону барной публики.

– Плевать, – буркнула она. Снова потянулась правой рукой к клавишам, взяла несколько нот. – Маму видела, – как бы невзначай добавила она.

– В Святой Анне? В день посещения?

Она покачала головой, отвела взгляд.

– Так что произошло? – настаивала я. Не дождавшись ответа, я

уточнила: – Она приехала к тебе в приемную семью?

Злой смех.

– Ага, щаз. Нет, это я поехала повидаться с ней. В ее дебильную квартиру. А тот парень открывает мне и говорит: ей сейчас неудобно. Моей маме сейчас надо побыть без меня, а я чтоб мотала домой.

– А дальше что?

Она пожала плечами.

– Я обошла и заглянула в боковое окошко. И она была там вовсе не одна. Болтала с какой-то теткой и ржала.

– Ох, Элли! – вздохнула я. – Значит, она тебя не видела?

– Еще как видела! Точно знаю: видела, она вытаращилась так, словно увидела какую-то знаменитость или звезду. А потом повернулась спиной. Потому что ей на меня наплевать. Лучше ржать с чужой теткой.

– Элли, вполне может быть, что ты ошибаешься. Она могла увидеть собственное отражение в стекле или еще что-то.

– Она видела меня! – рявкнула Элли так, что парочка, обнимавшаяся в углу, обернулась к нам. – Видела, – чуть тише повторила она. – Но ей пофиг.

Я тайком глянула на часы: когда же появится Эндрю? Он-то знает, как утешить ребенка, в отличие от меня. А пока мне пришлось довериться сердцу.

– Может, ты и права, она тебя видела, – уступила я, – но ты же знаешь: взрослые иногда поступают неправильно.

– Это они умеют.

– Я хочу сказать: ребенку трудно понять, что у кого-то из родителей есть свои собственные проблемы. Но проблемы есть у всех. И если она даже увидела тебя и отвернулась, даже если ты права, из этого еще не следует, что ей все равно. Ты говорила, что она лечилась от наркомании. Может быть, сейчас она учится обходиться без наркотиков и ей это тяжело дается, вот она и ведет себя странно. У взрослых бывают трудные времена, когда они делают ошибки, потому что сами запутались.

– Вы же не делаете таких ошибок.

Я подумала и ответила жестами: «Боюсь, делаю».

– Да ладно. – Она поглядела на мои руки и покачала головой: – Я вам не верю.

– Элли, у каждого в жизни свои косяки.

– Да ладно. Приведите хоть один пример: что в вашей идеальной жизни не так? – Она усмехнулась мне в лицо, уверенная, что я не найдусь с ответом.

– Речь не обо мне, Элли, а о тебе.

Глаза ее увлажнились, она часто заморгала.

– Вот видите? Все вы врете. Нет у вас никаких проблем. Идеальный муж, парочка идеальных деток, идеальный домик, наверное, в придачу. У таких, как вы, всегда все в порядке, и вы учите жить таких, как я.

Переходить на мою личную жизнь не хотелось, но час был поздний, сил оставалось мало, к тому же я подумала, что имеет смысл разрушить сложившийся у Элли стереотип, и потому, вздохнув, сказала:

– Я живу в квартире, а не в домике. И у меня нет детей, Элли, потому что я не могу забеременеть.

Она вытаращилась на меня, потом опустила глаза и пробормотала:

– Все равно, наверное, ваш муж – само совершенство. Типа принца на белом коне.

– Мой муж давно умер, Элли, – словно со стороны услышала я свой голос и почувствовала себя виноватой: грузу девочку своими проблемами. Впрочем, по ее лицу я угадала, что поступила правильно: злорадство исчезло, проступило пока смутное сочувствие.

– Правда? – шепнула она.

На глаза навернулись слезы, сердце вдруг зачастило.

– Правда.

– Когда же он умер, ваш муж? – спросила Элли.

– Много лет назад.

Она промолчала, и я добавила:

– Восемнадцатого сентября будет двенадцатая годовщина.

– Как это случилось?

– Машины столкнулись.

– Ой! – Она подняла наконец глаза, посмотрела виновато: – Мне очень жаль. Что ваш муж погиб, в смысле.

– Спасибо. – Мы помолчали, и я добавила: – Так не бывает, чтобы все в жизни складывалось идеально, Элли. Но зачастую этого не видно. Может быть, твоя мама полностью сосредоточена на том, чтобы избавиться от зависимости, и сейчас ее больше ни на что не хватает – даже на тебя?

Элли вроде бы собиралась что-то возразить, но тут дверь распахнулась и ворвался перепуганный Эндрю. Поморгал, привыкая к освещению, оглядел бар и чуть успокоился, увидев нас. Но когда он подошел, лицо его посуровело, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

– Элли! – с необычной для него резкостью заговорил он. – Что ты творишь?

Она смущенно оглянулась на меня, но тут же оцетинилась, вздернула

подбородок:

– А то вам не все равно!

– Разумеется, не все равно, Элли! – вмешалась я прежде, чем разгневанный Эндрю нашелся с ответом. – Стал бы он иначе бегать искать тебя среди ночи?

Она зыркнула на него, потом на меня.

– Твое счастье, что я не обратился в полицию! – продолжал Эндрю. – Ты хоть соображаешь, что тогда было бы? Забрали бы тебя от Грегоров обратно в детский дом, до тех пор пока суд не восстановит твою мать в правах – *если* восстановит. А твоя выходка и этому могла помешать.

– Ой, ну извините, – пробормотала она.

– Мне очень неприятно это говорить, Элли, но никакие извинения не помогут, если ты попадешь в беду, – жестко произнес Эндрю. – Знаю, тебе нелегко, но нужно взять себя в руки. Драки в школе, конфликты с Родни и Сальмой – а теперь еще это? Ты меня разочаровала.

Элли уже чуть не плакала.

– Ну так что же вы не позвонили в полицию? – пролепетала она. – Мне было бы поделом.

Эндрю посмотрел на меня, его лицо смягчилось. – Думаю, каждый имеет право на второй шанс.

* * *

Элли отправили спать, а я доложила Родни и Сальме, где мы нашли девочку и как ее огорчило поведение матери.

– Значит, это не из-за нас? – спросила Сальма.

– Нет, вы не виноваты, – заверил ее Эндрю. – Элли пытается справиться со своими проблемами. Думаю, такое больше не повторится.

Сальма как-то беспомощно сложила руки и оглянулась на мужа. Тот, помолчав, заговорил:

– Нас заверили, что девочка проживет у нас несколько месяцев, не более. Сверх срока мы ее держать у себя не сможем. Мы принимаем только на время.

– Мы ничего против нее не имеем, – поспешно вмешалась Сальма. Бедная Элли! У меня сердце заныло от жалости. – Но мы – мы недавно узнали, что у нас будет ребенок. А при таком ее поведении...

– Я же сказал: это не повторится! – решительно возразил Эндрю. – К тому же через месяц, максимум два она вернется к матери.

– Поздравляю будущую маму! – шепнула я Сальме, и та благодарно улыбнулась.

– Конечно, все будет хорошо, – сказала она Эндрю, точно уговаривая саму себя.

Эндрю кивнул, сухо поблагодарил супругов за помощь и попросил меня проверить, легла ли Элли.

Я шла к ней по коридору и чувствовала, как разрывается сердце. Ведь Элли сбежала еще и потому, что поняла: она и Грегорам больше не нужна. Знает ли она, что у них будет ребенок, понимает ли, что ее потеснило существо, которое еще не явилось в этот мир?

Элли лежала в постели – умытая, в розовой футболке и розовых пижамных штанах с рисунком сердечками, она казалась младше своих двенадцати лет.

– Ты как? – спросила я, присаживаясь на край кровати.

Она пожалала плечами.

– Элли, я понимаю, почему ты так поступила, – заговорила я, – но ты должна доверять нам. Мы все заботимся о тебе, мы не допустим, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое. И если у тебя какая-то беда или что-то тебя огорчило, разозлило, пожалуйста, сразу звони мне или Эндрю, скажи Родни и Сальме. Договорились?

Кивнув, она юркнула под одеяло. Я встала, но она схватила меня за руку.

«Насчет моей мамы вы ошибаетесь», – знаками сказала она.

– Ошибаюсь в чем? – вслух спросила я.

– Вы сказали, что она, может быть, с зависимостью борется, – продолжала Элли. – И поэтому ей не до меня.

– Потому что не нужно судить, если всего не знаешь.

– Так зачем же она курит мет?

Я заморгала:

– Что?

– Она курила трубку, – равнодушным голосом продолжала Элли. – Наверняка мет. Она всегда его предпочитала. Вот почему она отвернулась при виде меня, Кейт. Не потому, что я что-то для нее значу. А потому, что я ничего не значу – ради меня даже от наркоты отказаться влом.

Не успела я ответить, как она отодвинулась, сняла наушники и натянула одеяло себе на голову.

– Элли! – позвала я, потом сообразила, что она меня не слышит, и коснулась ее плеча. – Элли!

– Уходите! – Голос ее был заглушен одеялом. – Хочу побыть одна.

Я подождала с минуту, не передумает ли она, но в комнате стояла тишина, и тогда я сказала:

– Мы во всем разберемся, Элли. – Я знала, что она меня не слышит, но не могла уйти, не успокоив ее. На прощание погладила ее по плечу.

В коридоре меня ждал Эндрю.

– Как она? – спросил он, когда мы вышли в теплую летнюю ночь и двинулись в сторону проезжей улицы, где я рассчитывала поймать такси.

Я покачала головой:

– Эндрю, она говорит, сегодня, когда она видела свою маму, та что-то курила.

Он сморщился:

– Судя по выражению твоего лица, не сигареты.

– Элли думает, это был мет. В трубке.

Эндрю затеребил волосы.

– Черт! Я-то надеялся, на этот раз она сможет продержаться. Придется писать отчет.

Я кивнула.

– Сколько еще Элли сможет пробыть тут?

Он вздохнул:

– От силы несколько месяцев. Грегори действительно подписали согласие только на временное попечение. Тем более теперь они ждут ребенка... – Он покачал головой и снова вздохнул. – Я так надеялся, что у Элли жизнь наладится.

Я могла бы взять ее. Мысль пришла сама, настолько отчетливая, что я вздрогнула. Стоп, без глупостей. Я со своей-то жизнью не справляюсь. Но вдруг справлюсь? Стану той, кто так нужен Элли? Сердце колотилось. Может, именно сюда, к Элли, вели меня сны.

– ...о твоём муже... – Погрузившись в свои мысли, я расслышала только конец фразы.

– Что? – Щеки у меня вспыхнули.

– Элли говорит, ты рассказала ей о своём муже, – повторил Эндрю, озабоченно поглядывая на меня.

Мне стало очень стыдно.

– Прости, я понимаю, таких вещей детям не рассказывают. Но хотелось объяснить Элли, что идеального не существует, и, даже если чья-то жизнь выглядит сверхблагополучной, на самом деле это не так. Но я, конечно, не должна была посвящать ее в свои дела. Это совершенно непрофессионально. Больше не повторится, обещаю.

– Кейт, – мягко прервал он меня, и я заметила, что мне нравится, как

он произносит мое имя. – Кейт, я вовсе не критикую тебя. Я только хотел напомнить, что если тебе вдруг понадобится с кем-то пооткровенничать, то есть я.

– С тобой? – удивилась я. И тут же поняла, как это его резануло. – Прости, не хотела обидеть.

Он пожал плечами:

– Не хочу на тебя давить, но порой легче бывает поговорить с чужим человеком, чем с тем, кто все знает с самого начала. Хотя я и не совсем чужой. Хотелось бы думать, что мы становимся друзьями. – Он глянул себе под ноги. – К тому же я твой должник: я-то тебя загрузил своей историей насчет брата.

– Ничего не загрузил, – пробормотала я. Может, рассказать ему о Дэне, о наших проблемах? Нет, это сродни предательству – подключать к нашим отношениям другого мужчину. Но как же хочется, чтобы кто-нибудь ободрил: мол, все пройдет, все уладится.

– Что такое? – участливо спросил Эндрю.

Я все еще колебалась.

– Помнишь, я говорила тебе, что вижу сны, как будто живые?

– О Патрике, – кивнул он, и меня почему-то удивило, что он запомнил имя моего мужа.

– Да. – Я глянула на него, все еще нерешительно. – Эти сны напомнили мне о том, что я чувствовала с ним. А с женихом, с Дэном, – все не так. – Что я говорю? С ума сошла, что ли? – То есть жениха я тоже люблю, – заспешила я, – безусловно. Просто все по-другому.

Эндрю снова кивнул.

– Так и должно быть, я думаю, – сказал он, помолчав. – Вопрос в другом: счастлива ли ты, чувствуешь ли, что все идет как надо.

– Понимаю, – пробормотала я, чувствуя себя дурой: ну кто меня тянул за язык?

– Послушай: смерть мужа изменила тебя навсегда, как меня изменило то, что случилось с братом, – продолжал он, и теперь я прислушалась, потому что эти слова отличались от всех прежних советов, которые мне довелось получить. – Так что нет смысла сравнивать сегодняшний день с прошлым, ведь ты сама стала другим человеком, не той, какой была, пока Патрик был жив. Нужно смотреть вперед и думать о том, чего ты хочешь, а не назад, на то, что было у тебя раньше.

В глазах защипало.

– Откуда такая мудрость?

– Пресловутый метод проб и ошибок, – рассмеялся он. – В основном

ошибок.

Мы дошли до 31-й, и разговор оборвался. Эндрю поднял руку, останавливая проезжавшее такси. Оно затормозило, Эндрю неловко обнял меня, стараясь не прижимать, и я села в машину.

– Эндрю! – позвала я уже изнутри.

– Да?

– Я тоже рада, что мы становимся друзьями.

Глава 24

В понедельник утром я вновь проснулась в том мире, где жила с Патриком, и от радости на миг даже перестала дышать. Я очень боялась, что в прошлый свой «визит» все испортила и больше уже сюда не попаду.

Но вот он Патрик, в постели рядом со мной – совершенно реальный, плотный, теплый. Я потянулась к нему, чуть не плача. Он пошевелился и начал просыпаться. Я нырнула к нему под левую руку – мое законное место!

– Доброе утро, Кэтили, – сказал он хриплым спросонья голосом. Прижал меня к себе и поцеловал в макушку.

– Скажи, что любишь меня, – потребовала я, цепляясь за него, как за спасательный круг.

Патрик рассмеялся и взъерошил мне волосы.

– Люблю тебя, чудачка! – сказал он. Линия его рта смягчилась, от уголков глаз разбежались лучики – двенадцать лет назад этих морщинок еще не было. – Я знал еще прежде, чем увидел тебя...

– ...Что ты – моя судьба, – шепотом закончила я. Замерла, вслушиваясь в ровное биение его сердца. Потом спросила: – Как мама?

Он вздохнул.

– Вчера я говорил с ней: похоже, не очень. Химиотерапия здорово ее выматывает. Не знаю, что со мной будет, если мы ее потеряем.

– Мы ее не потеряем! – решительно возразила я. – Она поправится.

И снова меня кольнула вина: той, реальной Джоан я не звонила с того дня, как незваной явился к ней на крыльцо. Поглощенная другими проблемами, я забыла о ней, по сути, предала Патрика. Свяжусь с ней, как только смогу.

Мы перебрались на кухню, Патрик налил мне кофе.

– Скажи мне, Патрик, – я попыталась сформулировать мучащий меня вопрос, – я... я хорошая мать?

Он обернулся ко мне.

– В смысле, вот ты смотришь на меня: ты видишь какие-то проблемы, что-то, что мне следовало делать лучше? – продолжала я, думая о том, как Дэн усомнился в нашей способности быть родителями. – Или все-таки я в основном справляюсь? Помогаю дочке сделать правильный выбор, когда надо? Ханна чувствует себя любимой?

– Ну конечно, милая, – ответил он. – С чего ты вдруг?

Я пожала плечами:

– Не знаю. Что-то сомнения одолели.

Он нахмурился:

– Кейт, я, кажется, никогда тебе не говорил, но, как только я впервые увидел тебя с Ханной на руках, я сразу понял.

– Понял что?

– Понял, что так и должно быть. Я знал, что в тебе сильно материнское начало, и любил эту черту в тебе – как и миллион других черт. Но как только я увидел ее у тебя на руках, словно бы все стало на места. Вселенная пришла в полную гармонию. Ты создана быть матерью, это как дождь всегда мокрый, трава зеленая, лед – холодный.

– Ты настолько уверен? – улыбнулась я.

– Ты – лучшая из мам, – ответил он.

Наш разговор был прерван появлением Ханны – пижама вся мятая, волосы дыбом.

– Плохой сон приснился, – сказала она, потирая глаза. – Мне снилось, как будто...

Не дав ей закончить, я крепко притянула Ханну к себе. Так была рада ее видеть, так счастлива была побыть ее матерью – пусть хоть несколько минут, – что все остальное в тот миг не имело значения.

– Мамочка, ты меня задушить хочешь? – спросила Ханна, и я выпустила ее – но она уже улыбалась.

– Я так рада быть здесь, с вами, – сказала я.

– Ооооо'кей, – протянула она, делая у виска известный не только глухим знак и подмигивая Патрику, а тот подмигнул ей в ответ, но, едва Ханна отвернулась, глянул на меня с тревогой.

– Хватит вам надо мной издеваться! – возмутилась я, и они оба расхохотались – небесная музыка!

– Давай, соня, – обратился Патрик к Ханне. – Клади себе в тарелку хлопья, скоро в дорогу.

– погоди, куда она едет? – спохватилась я: вот и заканчивается коротенькое свидание.

– Какая ты странная, мама! – ответила Ханна прежде, чем это успел сделать Патрик. – Вы же с папой отгул взяли, помнишь? На Кони-Айленд едем, ага!

– Все вместе? – уточнила я с надеждой.

– Ага! – повторила Ханна.

– Ханна рвется туда с тех пор, как посмотрела «Городских девчонок».

– Бриттани Мерфи? – Внезапно мне припомнилось, как я ходила на

этот фильм в 2003 году, незадолго до первой годовщины смерти Патрика. Сьюзен решила, что мне это будет на пользу: посмотреть легкую романтическую комедию. Но я рыдала, глядя на чужую историю любви, и сестре пришлось увести меня посреди сеанса.

– Лучшее на свете кино, – заявила Ханна. – То есть оно, конечно, старомодное, но Джесс Спенсер такой сексуальный. Хоть и староват уже. И мне нравится сцена, когда они на карусели катаются.

– Отлично, – пробормотала я. Сказал бы мне кто в 2003 году, когда я сидела в темном зале кинотеатра рядом с сестрой, изо всех стараясь не заплакать, что однажды я отправлюсь на Кони-Айленд кататься на карусели с покойным мужем и нашей воображаемой дочерью! Бред сумасшедшего! И тем не менее мы туда едем – так что, наверное, я и правда сошла с ума.

Ханна залила хлопья молоком, а я придвинулась к Патрику и коснулась его локтя.

– Я тебя люблю, – пробормотала я.

– И я тебя, моя хорошая.

Час спустя мы ехали на Кони-Айленд – поездом маршрута N. Ханна сидела напротив нас, уткнув нос в роман для подростков – на обложке красовалась туфля с длиннющей шпилькой. Патрик обнимал меня за плечи. Мы оба молча любовались нашей дочерью, и я не хотела прерывать молчание, потому что никакие слова в мире не могли бы описать эту минуту. Патрик рядом, я чувствую его тепло. Дочка наша любимая сидит напротив. Вся жизнь впереди. И все это – сон.

Мне снова подумалось: каким обыденным показалось бы мне это в настоящей, реальной жизни. Стала бы я восхищаться тем, как солнечный луч подсвечивает волосы Ханны, радовалась бы, глядя, как она чуть сощуривается всякий раз, когда читает что-то забавное? Принюхивалась бы к «Айриш спринг» на подбородке Патрика, ощутила бы теплое умиление, которое затопило меня сейчас при виде нескольких волосков, пропущенных утром во время бритья? Чувствовала бы так остро свою защищенность, спрятавшись у него под мышкой, – словно никакая беда меня тут не достанет?

Наверное, нет, ведь пока я его не потеряла, мне казалось, у нас впереди целая жизнь, бесконечность таких мгновений. Я очень любила Патрика, но все, что было у нас, принимала как само собой разумеющееся. Не знала, что каждое мгновение вместе – драгоценный дар. Не знала, пока он не ушел.

– О чем задумалась? – шепнул Патрик, когда мы проехали последнюю остановку перед Кони-Айлендом.

– О том, как хорошо быть здесь, с вами! – призналась я.

Он улыбнулся и сжал мою руку, но ответил, лишь когда мы подъехали к конечной:

– Нам обоим повезло.

Он встал и кивнул Ханне – та захлопнула книгу и улыбнулась нам.

– Мы же всегда говорили: жизнь надо строить так, как сам хочешь, – добавил он.

Я хотела спросить, что это значит, но мы уже вышли из поезда и шли по перрону. Я словно плыла по течению толпы, и тут я подумала, не в этом ли моя ошибка: я все время плыву по течению и не пытаюсь его использовать, чтобы поток вынес меня туда, куда я сама решу.

* * *

Мы провели восемь часов на Кони-Айленде – всласть наорались на гигантском колесе, хохотали, летя под горку на «Циклоне», до головокружения крутились на карусели, слопали столько хот-догов, что животы расперло, и насмеялись до боли в щеках.

– Не Диснейленд, – подытожила Ханна, – но Кони-Айленд зажигает. Давайте в следующие выходные еще раз съездим?

Патрик поднял бровь, и Ханна, рассмеявшись, добавила:

– Ладно, пусть сперва хот-доги переварятся. А там поговорим.

Патрик снова взял меня за руку, а Ханна снова уткнулась в книгу.

– Денек просто замечательный. Идеальный день, правда? – сказал он.

– Самый лучший. – Я положила голову ему на плечо.

Дома мы вместе уложили Ханну спать, и я почувствовала, как накатывает усталость. Этот мир уже начинал тускнеть, а с этим я ничего поделать не могу.

– Я вас обоих люблю, – пробормотала Ханна, зевая.

Патрик погладил ее по голове, а я наклонилась поцеловать гладкую, теплую щечку.

– И мы тебя любим, лапонька, – сказал ей Патрик.

Сама не знаю, что меня подтолкнуло, но я услышала, как повторяю слова, которые мы с Патриком говорили друг другу:

– Я знала еще прежде, чем увидела тебя... – и сердце заныло.

Она улыбнулась, снова зевнула, сняла наушники. Мне показалось – она уже не ответит. Но она ответила на языке жестов: *что ты – моя судьба*, и я заморгала, пряча слезы. Значит, и она знает наш тайный язык. Но как же

это возможно – заполняющая все сердце любовь к девочке, которой нет в реальном мире?

Патрик выключил свет, мы вышли в коридор и прикрыли за собой дверь.

– Посидим немного в гостиной, – предложил муж. Мы устроились на нашем диване, Патрик притянул меня к себе, снова я уронила голову ему на плечо.

– Чего бы ты хотел для Ханны, если бы тебя с нами не было? – спросила я.

Комната замерцала по углам, но усилием воли я удержала ее. В конце концов, такой вопрос можно задать в любой реальности.

– Думаешь избавиться от меня? – поддразнил Патрик, но я не засмеялась, и он добавил уже серьезнее: – Я бы хотел быть уверен, что о ней заботятся, ее любят. Хотел бы знать, что и ты не одна, что тебя тоже любят. Я хотел бы для тебя счастья – каково бы оно ни было. И чтобы вы держались друг за друга и всегда друг друга любили, потому что вы у меня самые лучшие.

Расплакавшись, я уже не могла остановиться.

– Это ты самый лучший, – всхлипывала я.

– А вот и не подеремся!

Я невольно рассмеялась, и он поцеловал меня в щеку.

– Кэтили, ты прекрасная мать, – продолжал он, вновь посерьезнев. – Ханне страшно повезло. Ты же это знаешь, правда?

Я задумалась. Да, я знала, что люблю Ханну, и, хотя почти ничего из нашей совместной жизни не помнила, по-видимому, всячески старалась сделать ее счастливой и помочь вырасти хорошим человеком. Значит, где-то во мне таились эти способности и только ждали момента, когда окажутся востребованы.

– Да, – тихо ответила я.

– Точно?

– Точно, – сказала я.

– Хорошо. – Он примолк.

Меня одолевала усталость, комната совсем расплылась. Патрик погладил мои волосы.

– Я знал еще прежде, чем впервые увидел тебя... – донесся издали его голос.

– ...Что ты – моя судьба, – откликнулась я – и соскользнула в сон.

Глава 25

Проснувшись на следующее утро, я уже отчетливо и спокойно сознавала: с Дэном придется разойтись. И объясниться нужно сегодня. Нельзя вечно откладывать, лишая себя шанса на счастливую – на собственную жизнь. Сколько месяцев, а то и лет я прожила, глуша внутренний голос, прислушиваясь к чужим мнениям, коря себя: мол, хватит цепляться за прошлое. Все, настало время заняться собственной судьбой.

«Дороги судьбы». Мне вдруг припомнился этот рассказ О’Генри, мы читали его в школе, в старших классах. Юный поэт, отправившись в Париж, добирается до распутия. Дальше – три варианта сюжета, три разных направления жизни, но, при всем их различии, конец одинаков. Иными словами, дорогу выбирает сам герой, а конец определяет судьба.

Значит ли это, что моя судьба – стать матерью? Может быть, мои сны – одна из дорог на том распутии, дорога, по которой я бы пошла, если бы не потеряла Патрика? И не пора ли мне выбраться на эту дорогу и жить реальной, предназначенной мне жизнью?

Я хотела ребенка. Точно помнила, что мечтала иметь детей тогда, много лет назад, с Патриком. Но после его смерти я словно забыла, кто я и чего хочу. Если у меня не может быть детей от него, нужны ли они мне вообще?

Сон подтвердил: даже после смерти Патрика я хочу быть матерью и могу стать хорошей матерью. Несмотря ни на что. И дело не только в том, что я видела в этих снах: они побудили меня пересмотреть мою жизнь, я словно бы все увидела в новом свете. Я неплохо лажу с Максом и Лео и всеми остальными детьми, кто ходит на мои занятия, – потому что не боюсь быть с ними искренней. А будь у меня ребенок, моя искренность и моя готовность любить умножилась бы десятикратно. Если не стократно.

Это мне показал и Эндрю. Он свел меня с детьми, которым нужен был не просто музыкальный терапевт – им отчаянно недоставало поддержки взрослого. И я узнала цену и себе, и своему материнскому инстинкту. Я всегда умела любить, просто последние двенадцать лет закрыла свое сердце – раз нет у меня больше Патрика. Настало время снова открыть его, впустить в него свет. Как тот поэт. Как О’Генри. Я сама выбираю свой путь и шагаю к предназначенной судьбе.

– Нам нужно поговорить, – объявила я, когда Дэн вернулся в тот вечер с работы.

– Какие мы серьезные, – улыбнулся он, вешая на крючок свои ключи. – Как день прошел?

– Я не ходила на работу, – сказала я. – Мне нужно было кое-что обдумать.

Он упорно отводил глаза – явно догадывался.

– Что именно? – невозмутимо переспросил он.

Я не сразу смогла ответить. Дэн ничего не сделал плохого, неправильного. Это я с самого начала была влюблена в идею начать жизнь заново, а не в мужчину, с которым собиралась эту идею осуществить. Несправедливо по отношению к нему, но нельзя сохранять отношения только ради того, чтобы не создавать проблем.

– Прости, – шепнула я. – Я не смогу.

Он удивился:

– Не сможешь – что?

– Выйти за тебя, – сказала я. – Мне очень, очень жаль. Это звучит банально, Дэн, но дело не в тебе. Дело во мне. Я знаю теперь, какая жизнь мне нужна, Дэн.

Я стянула кольцо с пальца и протянула ему, но он не принял. Лицо его исказилось от боли – не думала я, что он так будет переживать.

– Из-за ребенка? Ты бросаешь меня ради того, о чем несколько месяцев назад и думать не думала?

– Нет, – продолжала я, все так же неловко протягивая ему кольцо. – Дело не только в этом. Во всем. Мы не подходим друг другу, Дэн. Просто я этого не понимала, пока глаза не раскрылись. Прости меня.

Он глянул на меня – холодно, жестко.

– Сама понимаешь: так нечестно. За все время, что мы были вместе, ты ни разу не заговорила о ребенке. А теперь вдруг из-за этого ставишь под вопрос наши отношения?

– Дэн... – начала я, но он словно не слышал.

– Нельзя вот так запросто менять решения, – продолжал он. – Выходит, эти два года – сплошная ложь!

– Я никогда не лгала! – возмутилась я. – Во всяком случае, умышленно. Беда в том, что я была не до конца честна с самой собой.

– Или со мной, – холодно заключил он.

– Прости, – повторила я. – Я не хотела причинить тебе боль.

– Я бы все сделал, чтобы тебе хорошо жилось со мной, Кейт, – сказал он. – Неужели ты этого не понимаешь?

– Но мне нужна другая жизнь, не та, что могла быть с тобой, – сказала я. – Теперь я это поняла.

Он уставился на меня:

– Да что с нашей жизнью не так, Кейт? – Он невесело рассмеялся. – Господи, опять из-за Патрика, да? Всегда все вертится вокруг Патрика! И теперь ты наказываешь меня за то, что я – не он.

– Нет, – твердо возразила я. – Причина только во мне и в тебе.

– Какая-то чушь собачья! – Он скрестил руки на груди, глаза его яростно полыхнули. – Ты одержима своим покойником-мужем. В этом корень всех бед. Но это же безумие, или ты не понимаешь? Ты ведешь себя как сумасшедшая.

– Я знаю, он умер и не вернется. Дело не в нем, дело в том, что я осознала: мы с тобой не пара, Дэн. Мне слишком многое нужно: страсть и боль, подъемы и падения, а главное – чувство, что мы равные, мы соратники перед лицом всего мира. И мне кажется, этого у нас с тобой быть не может.

– Чушь! – снова буркнул он.

– Дэн...

– ЧУШЬ! – выкрикнул он, глядя на меня в упор. – Я тут ни при чем. Все дело в тебе, в том, что ты узнала о своем бесплодии и запаниковала. В этом вся причина. Ты еще пожалеешь.

Так уверенно, так самодовольно он это произнес – у меня мурашки побежали по коже.

– Ты меня что, маленьким ребенком считаешь? – спросила я. – А ты у нас умный и всех видишь насквозь.

Он пожал плечами, но уголок его рта дернулся в легкой усмешке, я видела.

– Не хочу ни о чем спорить, Кейт.

– Ты никогда не споришь! – Я разгорячилась. – Мы никогда не спорим. В этом-то и беда, понимаешь? И я виновата не меньше тебя, Дэн. Мы оба стараемся не раскачивать лодку. Никогда не заговариваем о сложном. Не копаем глубже поверхности. Это ненастоящие отношения! Неправильные! Человек должен отстаивать то, что ему дорого, а мы оба этого не делали, потому что так было проще.

Он посмотрел на меня так, словно я ударила его по лицу. Мне стало стыдно.

– Прости, – повторила я. – И зачем я так ору?

Повисло молчание. На мгновение мне захотелось взять свои слова обратно, признать, что я не права, сказать, что мы сумеем все наладить. Но это была бы неправда. Пора было содрать присохший пластырь.

– Знаешь, Кейт, когда-нибудь надо все же расстаться с Патриком, –

сказал Дэн, не сводя с меня глаз. – Или ты никогда ни с кем не будешь счастлива. И знаешь? Мне тебя жаль. Дурью маешься.

Слова пришлись точно в цель. Я собралась опять извиняться, что так его обидела, но он уже повернулся спиной. Дверь захлопнулась, и воцарилась тишина. Я аккуратно положила кольцо на обеденный стол и наконец выдохнула.

* * *

Дэн вернулся за полночь, спал на диване, а к утру, когда я проснулась, уже исчез вместе с кольцом, оставив записку, что во второй половине дня придет грузчиков за своими вещами. Мне было грустно: перевернута еще одна страница моей жизни. Но решимость во мне только росла и укреплялась с каждым часом.

Я гнала прочь мысли о Дэне, пока занималась с Лео, с давней пациенткой по имени Сьерра и новой девочкой – Катей, она только что переехала в Штаты из Восточной Европы. Родители беспокоились, что Катя медленно усваивает язык, и просили поработать с ней, расширить с помощью песен словарный запас. Интересная задача, и, пока я возилась с ней, мне было не до личных проблем.

Последнее утреннее занятие отменилось, и после Кати у меня образовался двухчасовой перерыв до первого дневного пациента, назначенного на 14:30. Я решила прогуляться, немного проветрить голову. Ноги сами повели меня по Парк-авеню, через многолюдный Юнион-сквер к старой квартире на Чемберс-стрит, той самой, куда я попусту наведальась, когда у меня только началась череда снов о Патрике и Ханне.

Было без малого час, когда я добралась. Помедлила у двери подъезда, потом нажала кнопку против нашего старого номера.

На этот раз кто-то был дома.

– Да? – протрещал в домофоне женский голос.

– Э... – запнулась я. Представления не имела, как объяснить, зачем пришла.

– Кто там? – спросила женщина изнутри.

– Меня зовут Кейт, – зашепила я. – Я жила в этой квартире. Двенадцать лет назад.

Пауза. Потом женщина поторопила:

– Я вас слушаю.

– Я... – Я не знала, что сказать, – и потому сказала все как есть. – Мой

муж умер. Мы тогда жили здесь. Из-за этого я переехала. Не разрешите ли вы зайти на минуту? Мне... мне бы надо разобраться со старыми призраками.

Женщина помолчала, потом снова спросила сквозь треск домофона:

– Вы одна?

– Одна. – Теперь во всех смыслах одна, подумала я. – Заходите. – Домофон зажужжал, и, не давая себе времени опомниться, я толкнула дверь. Поднялась по лестнице к старой своей квартире. Стены на площадке стали темно-бордовыми, появились новые лампочки, починили ту поломанную ступеньку (седьмую снизу), которую мы с Патриком привычно переступали. Но самый воздух казался знакомым: из подвала тянуло хвоей и стиральным порошком. Стало трудно дышать.

На пятом этаже была уже открыта дверь 5F. На пороге стояла женщина моего возраста, сложив руке на животе, лицо серьезное.

– Это вы звонили в домофон? – уточнила она, протягивая руку. – Я – Ева Шуберт.

– Кейт Уэйтмен. – Я пожала ей руку.

– Верно, Уэйтмен, – кивнула она. – Я помню это имя. Мы въехали сюда сразу после вас.

– Так что вы тут старожилы, – подхватила я.

Снова кивок.

– Вы сказали, ваш муж умер? Получается, совсем молодым?

– В двадцать девять лет.

Она прикусила губу.

– Сочувствую. Ужасно пережить такое. – Жестом она пригласила меня в дом. – Заходите, пожалуйста.

С колотящимся сердцем я переступила порог – и тотчас все мои надежды разлетелись вдребезги. Ничего знакомого, разве что планировка. Я-то воображала, что увижу интерьеры из снов – а значит, сны окажутся все-таки не вполне снами. Но тут не осталось ничего ни от Патрика, ни от меня.

В гостиной, где наши серые диван и кресло так хорошо смотрелись на фоне белых стен с черно-белыми фотографиями городских пейзажей, Шуберты поставили коричневый диван и два кожаных кресла в тон. Стены приобрели лимонный оттенок, а наш прекрасный старый паркет сменила плитка. Все свободные места заполнены цветными семейными снимками. И кухня полностью преобразилась: стойку сломали, чтобы включить кухонный уголок в столовую, и даже нашу верную белую кухонную технику вытеснила нержавеющей сталь.

– Это уже не наш дом, – прошептала я, больше себе, чем Еве. Да, здесь все чужое. Но чего же я ждала? Что все сохранится, как было? Будет выглядеть в точности как во сне? И Патрик дожидается меня здесь?

– Вы что-нибудь ищете, Кейт? – спросила наконец Ева. – Могу я помочь?

– Нет. – Я взяла себя в руки и даже улыбнулась. – Простите, мне пора возвращаться на работу. Извините, что вас побеспокоила. Не следовало сюда приходить.

Ева похлопала меня по плечу:

– Ничего страшного. Сочувствую вашей потере. Надеюсь, вы все же найдете что искали.

Мы распрощались, и она закрыла за мной дверь. Я задержалась на площадке и, закрыв глаза, попыталась припомнить собственные чувства, когда вот так стояла на этом же месте, зная, что здесь живет тот, кого я полюбила на всю жизнь, что он ждет меня там, за порогом.

Но его больше нет. И для меня настала пора закрыть дверь в прошлое.

* * *

Потом было несколько пустых и печальных дней, и я уже чуть-чуть пожалела о принятом решении. В конце концов, пусть Дэн и не совсем мне подходит, человек он неплохой. А без него я совсем одна. Я надеялась, что теперь буду проводить больше времени в мире Патрика и Ханны, но с понедельника меня одолела бессонница, а когда я все-таки проваливалась в сон, то темный и пустой.

– Как дела? – спросил Эндрю, отрываясь от бумаг, когда я зашла в его кабинет в четверг около четырех вечера.

– Нормально. – Я постаралась улыбнуться.

– А вид у тебя немного... грустный.

Не ожидала, что он это заметит. Я покачала головой и пробормотала что-то про усталость. О разрыве с Дэном я еще никому не говорила: не хотела, чтобы цеплялись, разбирали по косточкам, обсуждали. Так что и Эндрю я сказала только:

– Со сном проблема.

– Плохие сны? – уточнил он.

– Не совсем, – уклончиво ответила я. И поспешила с вопросом: – Ризэйджа уже здесь?

Он отложил ручку и откинулся к спинке кресла.

– Простыла, и Шейла оставила ее дома. Я не стал звонить, подумал, ты все равно приедешь заниматься с Элли. А ей не помешает провести с тобой лишние полчаса, если у тебя получается. Согласна?

– Конечно.

– Я провожу, – улыбнулся он.

Мы пошли по 35-й, болтая о том о сем, и мне показалось, Эндрю видит, что со мной что-то неладно, но по своей доброте не хочет на меня давить. Он рассказывал мне, как прошел день, и я смеялась, так он смешно изображал, в какой ужас его приводят неуклонно растущие кипы бумаг на рабочем столе.

– Как ты вообще попал сюда? – спросила я, припомнив, что во сне он выбрал совершенно другой путь и жил за много миль отсюда. Он глянул на меня с недоумением, и я пояснила: – На эту работу. Ты рассказал мне о брате и откуда ты знаешь язык глухонемых. Но почему ты выбрал работу в Святой Анне?

– Я учился в Нью-Йорке и так тут и остался, – ответил он. – Хотел открыть ресторан, изучал менеджмент, но, поработав несколько лет в этой отрасли, понял: не мое. Мне нравится готовить, но не в этом счастье. Я не мог вложить душу в кулинарию. И тогда я вернулся в университет и выучился на соцработника.

– Ничего себе, так поменять траекторию, – заметила я с бьющимся сердцем: вот этого, что он планировал заняться ресторанным бизнесом, я никак не могла знать.

Он пожал плечами:

– Пожалуй. Прыжок в неизвестность. Но теперь я уже и вообразить не могу другую жизнь. Порой приходится рисковать, чтобы оказаться в нужном месте. Я выбрал счастье. Понимаешь, о чем я?

В горле встал ком.

– Понимаю. Так ты родом из Джорджии?

Он удивился:

– Я-то думал, за двадцать лет от акцента не осталось и следа. Неужели ты различаешь?

Я покачала головой, не зная, что и думать. Все больше подтверждений, что эти сны мне виделись неспроста.

– А ты? – спросил он. – Почему ты стала музыкальным терапевтом?

Я посмотрела ему в глаза.

– Наверное, я тоже искала счастье. Я всегда любила музыку и всегда мечтала работать с детьми, но мои родители твердо решили, что мне нужно изучать бизнес, или право, или финансы – там заработки выше. А потом я

встретила Патрика, и он настоял, чтобы я занялась тем, чем хочу, и я собралась с духом, бросила ту работу и поступила в магистратуру на музыкальную терапию. Патрик все время объяснял мне, как это правильно: выбирать то, что сделает тебя счастливым. Говорил, что для того и дана человеку жизнь. Я только недавно поняла, что с годами стала забывать этот его совет.

– Что нужно выбирать свое счастье?

– Да, – кивнула я.

– Но теперь ты счастлива?

Я задумалась.

– По крайней мере, движусь в этом направлении, – сказала я наконец.

– Вот и хорошо.

* * *

На прощание Эндрю обнял меня и сказал, что возвращается к своим бумажкам: еще несколько часов возни, прежде чем он освободится и пойдет домой.

– Заходи после занятия, если захочешь поговорить или мало ли что, – предложил он. – Я буду на месте.

– Все в порядке, – улыбнулась я. – Но все равно спасибо.

Родни приветливо пожал мне руку и проводил к Элли. Та сидела на кровати скрестив ноги, но при виде меня вскинула голову.

«Привет, Элли», – жестами сказала я.

– У вас получается как у трехлетки, – заметила она с улыбкой.

И мне следовало отшутиться, в свою очередь поддразнить ее, но что-то мне было невесело. Я пожала плечами:

– Я же только учусь.

– Оставлю вас вдвоем. – Родни вышел из комнаты. Я снова обернулась к Элли, она всмотрелась в меня и нахмурилась:

– Что с вами?

Вздвогнув, я покачала головой:

– Ничего.

– Прекрасно! – сощурилась она. – Лжете мне, как все взрослые. Клево, чё.

Она скрестила руки на груди и отвернулась.

Тут я испугалась: девочка думает, будто я сержусь на нее.

– Дело вовсе не в тебе, – сказала я, но она в ответ только фыркнула. Я

подождала, пока она обернется, и пояснила: – У меня кое-какие личные проблемы, я немного расстроена, вот и все.

Снова этот пристальный взгляд.

– Вас парень бросил, который вам нравился, или что?

Я заморгала: как-то она меня совсем врасплох застала.

– Что, правда? – продолжала она, не дождавшись моего ответа. – Я угадала? Вас дружок бросил?

– Элли, нам все-таки не полагается это обсуждать, – напомнила я. – Занятия для тебя, а не для меня.

– Но вы долго с ним встречались или как? Почему он вас бросил? – И тут она снова угадала: – Постойте, это вы его бросили?

– Элли... – Я постаралась придать своему голосу строгость.

– Да ладно! – рассердилась она. – Разве это справедливо? Я тут должна душу перед вами выворачивать, а вы о себе – ни слова.

– Я бы с радостью рассказала тебе про свою жизнь. Но мы должны другим заниматься: должны обсуждать то, что беспокоит тебя.

Она взглянула мне в глаза:

– Типа того, что в один прекрасный день моя мама бросит меня, как ваш таинственный приятель бросил вас?

– Элли, меня никто не бросал, – возразила я. – Да, у меня был жених. И да, мы разошлись. Но это произошло потому, что мы с ним не подходим друг другу. Честное слово, ничего общего с тобой и твоей мамой.

– Хотите сказать, у меня жизнь не такая романтическая, как у вас? – фыркнула она. – В любом случае: если бы я для мамы что-то значила, она бы старалась как следует.

– Может быть, она и старается, – сказала я. – Просто наделала ошибок и теперь должна выбраться из ямы, которую сама себе вырыла. Не забывай: это болезнь.

– Ага! – фыркнула Элли. – И самое подходящее лекарство – метамфетамин. Или крэк. Или на что она теперь подсела.

– Пока что у нас нет доказательств, что она снова «подсела». Но судя по твоим словам, она страдает наркоманией. А справиться с этим очень нелегко.

– Ради своего ребенка я бы справилась!

– И я бы постаралась, – сказала я. – Но мы – не твоя мама, а твоя мама – не ты и не я. У каждого человека свои проблемы и своя борьба. Она поступает неправильно? Согласна. Однако важно другое: ты должна понять, что это не из-за тебя.

Элли потянула ниточку, торчавшую из простыни.

– Ну, хорошо. Не буду никогда ни на кого полагаться, договорились. – Ее голос слегка дрожал.

– Элли! – окликнула я и подождала, пока она поднимет глаза. – На меня ты можешь положиться.

Она долго глядела на меня, потом опустила глаза.

– Я знаю, – шепнула. Посмотрела на меня в упор и повторила: – Знаю.

– А теперь – немного музыки? – предложила я, улыбаясь и спеша сменить тему. Я позволила себе слишком сблизиться с Элли, она для меня уже не «клиент», а ребенок, которого я полюбила. Нужно взять себя в руки.

Она пожала плечами:

– Можно. – И все же поднялась с кровати и подошла к синтезатору. – Что будем играть?

– Решай сама. Например, выбери песню, которая помогла бы передать твои чувства к маме?

– Глупо! – буркнула она. Но уступила: – Ладно. Давайте тогда *Because of You*.

– Келли Кларксон?

Она кивнула.

– Там не все слова подходят, но многие да. И я ее не знаю до конца.

– Хочешь сначала послушать?

Она кивнула, и я загрузила композицию на ай-фон. Мы сидели и слушали, как Келли Кларксон распевает о том, что ее бросили в беде, и мне вдруг стало так жалко Элли, что навернулись слезы. Пришлось их незаметно сморгнуть, когда песня закончилась.

– Она говорит – «как я теперь поверю людям?». Ты тоже так думаешь?

Элли уперлась взглядом в пол.

– Давайте просто сыграем песню.

– С одним условием, – кивнула я. – Всякий раз, как забудешь слова, подставляй свои. Только честно, слова о том, что ты сама чувствуешь.

Мгновение она смотрела на меня.

– Ладно. Хорошо.

Она вступила на синтезаторе, я подыгрывала, помогала ей артикулировать слова и внимательно прислушивалась к тем, которые она подставляла в текст Келли, выплескивая свою обиду. Так мы провели вместе полтора часа, ведь мне спешить было некуда. Когда же я убрала гитару в футляр и собралась уходить, Элли поднялась со стула перед синтезатором и вдруг обняла меня так крепко, что перехватило дыхание.

– Вы же меня не бросите? Как все другие?

– Никогда, – обещала я. – И я уверена, Эндрю тоже всегда будет рядом.

На обратном пути я наконец собралась с духом и позвонила сестре. Пора признаться и выслушать все, что она имеет сказать.

– Привет, – заговорила я. – Есть минутка?

– Конечно, – сказала она. Заревел Келвин, и Сьюзен пошла его успокаивать. – Что случилось? – спросила она, вернувшись к телефону. – У тебя все в порядке?

– Да, – сказала я. И вдруг поняла, что так оно и есть. – Но я должна тебе кое-что сообщить. – Набрала побольше воздуха, как перед нырком. – Мы с Дэном в понедельник решили расстаться. Свадьба отменяется.

Повисло молчание. Я представила себе, как она стоит в кухне: губы поджаты, негодует, осуждает меня. Она-то всегда была идеальной, это я вечно ухитряюсь испортить себе жизнь.

– Что ж, – сказала она наконец. – Хорошо, что мы свадебное платье не купили.

– Ага, – осторожно подтвердила я, ожидая, когда же на меня обрушится монолог о моей безответственности.

– Думаешь, это было правильное решение?

– Думаю, да. Уверена, что да.

– Тогда ты молодец, Кейт.

От удивления я чуть мобильник не выронила.

– Я думала, ты объяснишь мне, как я глупа и недальновидна, – призналась я.

– А ты глупа и недальновидна?

– Да нет, – ошетинились я. – Наоборот, я твердо решила быть счастливой.

– Ты молодец, Кейт, – повторила сестра. – Ты сама-то как?

– Думаю, все в порядке.

– Хорошо. Приезжай к нам в выходные, и все расскажешь мне подробно.

Распрощавшись с сестрой, я покачала головой и улыбнулась. Надо же, совсем не такой реакции я ждала, но именно такого ответа мне хотелось. Я ощутила благодарность. Мир снизошел в мою душу, и я зашагала дальше в подступающих сумерках.

Глава 26

За выходные я несколько раз звонила Дэну, пытаюсь извиниться, объяснить, что произошло, но он не отвечал и не перезванивал. Я понимала, что он в ярости, и не могла его за это винить. Порой я и сама сердилась на себя, – но не так сильно. Вечером в воскресенье я уже понимала, что звоню ему ради себя, а не ради него. Мне хотелось прощения, освобождения от вины. Но разве я имела на это право?

В понедельник в обеденный перерыв (все выходные меня одолевало беспокойство, а сны так и не вернулись) я спросила Джину эсэмэской, свободна ли она вечером. «Нужно поговорить», – написала я. Она предложила встретиться в «Хаммерсмите».

– Я рассталась с Дэном, – сказала я, едва усевшись за столик напротив нее.

– Знаю. – Джина не отрывала глаз от стола.

– Сьюзен звонила? – спросила я, отчасти сердясь на сестру, отчасти благодарная, что не придется самой сообщать близким такие новости. Конечно же Сьюзен и маме успела доложить.

– Она взяла с меня слово, что я тебе ничего не скажу, пока ты сама тему не поднимешь, – сказала Джина. – Так что извини, я даже боялась тебе позвонить: Сьюзен считала, что тебе нужна передышка, денек-другой.

– Похоже, она была права.

– Итак? – Джина перегнулась через стол и взяла меня за руку. – Все хорошо? В смысле – правда хорошо?

– Знаешь, что я тебе скажу? Все прекрасно.

– Сьюзен говорит, разрыв – твоя инициатива.

Я кивнула.

Она встревожилась:

– И ты думаешь, что поступила правильно?

– Да, – сразу же ответила я. – А ты как думаешь? Она заколебалась:

– Мне кажется, вопрос в том, почему ты так поступила. Это как-то связано со снами?

Я пожала плечами:

– Сны – или что это было – открыли мне глаза. Видимо, я слишком радовалась, сумев наконец влюбиться снова. Но мне не приходило в голову, что это *не тот человек*. Эти сны, в которых я снова была с Патриком, помогли мне вспомнить, что я чувствовала рядом с ним. Безопасность.

Полное приятие. И – полную свободу: я могла во всем быть собой. С Дэном так не получается. Совсем.

– Ох, Кейт, – печально вздохнула Джина. Но в ее глазах я прочла понимание.

Явился Оливер и принял заказ на напитки, чтобы полминуты спустя принести джин с тоником Джине и «Гиннесс» мне. Джина сделала глоток и негромко сказала:

– Прости меня, я должна была раньше вмешаться.

– Ты о чем?

Снова она вздохнула.

– Дэн мне всегда нравился. Но когда я видела вас вместе, всякий раз думала: «Любовь выглядит иначе». Уэйн запретил мне поднимать этот разговор, потому что никто не знает, как устроены отношения изнутри. И все-таки я напрасно с тобой не поговорила.

Теперь я окончательно уверилась, что поступила правильно.

– Нет, хорошо, что ты не вмешивалась. К такому открытию нужно прийти самой. – Я сделала изрядный глоток «Гиннеса» и в рассеянности потерла большими пальцами по запотевшему бокалу. – Как ты думаешь, у меня с кем-нибудь еще будет, как с Патриком? Или такое бывает раз в жизни?

Не получив сразу же ответа, я добавила:

– Наверное, потому я и согласилась на Дэна. Я считала, что второго шанса полюбить уже не будет. – И снова этот узел в желудке.

Джина еще немного отхлебнула из своего бокала.

– Помнишь Донни?

Я не сразу сообразила.

– Боже, тот парень, с которым ты встречалась до Уэйна? Из музыкальной группы? Как их бишь? «Тяжелый металл»?

– «Тяжелая кожа», – расхохоталась она. – Дурацкое название. Но ты помнишь, я была влюблена в него по уши.

– Надо же, я напрочь о нем забыла! Ты была совершенно уверена, что это и есть твой прекрасный принц.

Донни бросил школу после десятого класса, носил грязные крашенные волосы до плеч, накачал мускулы размером с шар для боулинга, а на гитаре играл так себе, хотя и хвастал, что к нему продюсеры в очередь записываются.

– Я тогда думала, ты сошла с ума, – смеясь, призналась я.

Она скорчила мне гримасу.

– Оглядываясь, я понимаю, что это была полная противоположность

Биллу, – сказала она. – Совершенно дурацкая история (в свое оправдание могу только сказать, что целоваться он умел), но мне, видимо, просто нужно было освободиться. Бежать от Билла, от ежеминутных мыслей о том, что и как могло быть, потому что вся моя жизнь, все планы на будущее погибли вместе с ним. И теперь, задним числом, я думаю, что Донни помог мне стронуться с мертвой точки. Но тогда еще не настало время, а главное, это был неподходящий для меня человек.

– Очень мягко сказано, – пробормотала я.

– Дразнись сколько хочешь, – расхохоталась она. – Но заметь: когда я изо всех сил рвалась прочь из прошлого, потому что мне казалось, *так надо*, я сделала неверный выбор. А потом, когда я уже ничего не искала, откуда ни возьмись появился Уэйн. Теперь у нас есть ребенок, у нас есть будущее, и я счастлива. И я думаю, этого могло бы не случиться, если бы я, так сказать, не выжгла весь шлак с помощью Донни.

Как точно сказано!

– Порой ухабы на пути – это ступеньки, ведущие наверх? – припомнила я.

– В идеале – да, – улыбнулась она.

– И ты думаешь, со мной тоже будет так? Я найду человека, который окажется для меня такой же идеальной парой, как Патрик?

– Думаю, так и случится, если ты позволишь этому случиться, – осторожно ответила она. – Если не будешь торопиться.

Хороший совет, и он внушил мне надежду.

– Так выпьем за Донни! – подняла я свой бокал. Джина поморщилась, и я уточнила: – За его умение целоваться и за то, что он проложил тебе путь в будущее. И за доказательство от противного – что мыть волосы надо не менее двух раз в неделю.

Джина продолжала смеяться, но, когда она подняла свой бокал и чокнулась со мной, лицо ее стало почти торжественным.

– За лучшее будущее!

* * *

Два дня спустя я пропустила курсы языка глухонемых: не была готова обсуждать свои новости с Эндрю. Возможно, я обманывалась, думая, что ему будет до этого дело, но, поскольку в ту ночь, когда искали Элли, мы перекинулись несколькими словами о моих отношениях с Дэном, я опасалась, что он спросит хотя бы из вежливости. А я пока не могла

говорить об этом ни с кем, кроме сестры и ближайшей подруги.

Вместо занятий я пригласила Сьюзен и Джину поужинать вместе втроем. Обе поспешно согласились, и, когда мы встретились у входа в «Свифти» поблизости от дома Сьюзен в Верхнем Истсайде, они с трудом скрывали тревогу. Наверное, думали, что я сижу дома, растерянная, а то и отчаявшаяся, но все было вовсе не так: на досуге я выясняла, каким образом можно стать приемной матерью в штате Нью-Йорк, и меня это здорово успокаивало. Теперь, когда рядом нет Дэна, я со спокойной уверенностью думала об усыновлении, и в данный момент наилучшим выходом казалось взять ребенка под опеку с перспективой окончательного усыновления, ведь благодаря работе в Святой Анне я уже вхожу в систему попечения. А в глубине души таилась надежда: если мать Элли так и не справится с собой, я могла бы ее заменить. Но так далеко заходить в своих мечтах пока не стоило.

Джина и Сьюзен упорно заполняли малейшую паузу своей болтовней, избегая говорить о Дэне. Я улыбалась и кивала. Келвин, рассказывала Сьюзен, нарисовал для детского сада такую картинку – ну в точности «Мона Лиза». Потом Джина пустилась в драматическую повесть, как дочка накануне залезла в пакет с шоколадными чипсами, стоило на миг отвернуться. Сначала я смеялась в нужных местах, потом отвлеклась, уткнувшись во второй уже бокал «Гиннеса», а Сьюзен – мяч снова был на ее поле – стала уверять, что Сэмми, несомненно, математический гений.

Исподтишка я оглядывала ресторан, полуслушая, как Сэмми помогла Роберту вычислить размер чаевых после воскресного бранча. Сэмми самостоятельно освоила деление в столбик, торжествуяще подытожила Сьюзен, и тут на другом конце зала, у барной стойки я увидела знакомое лицо. Эндрю. Мы встретились взглядами, он улыбнулся, помахал рукой и двинулся к нам.

– Привет, Кейт! – сказал он, прервав хронику материнской гордости. Сьюзен и Джина вытаращились на него, потом оглянулись на меня. – Прогуливаем, значит, – продолжал он.

Он улыбался, и я не могла не улыбнуться ему в ответ:

– Извини, что пропустила занятия. Завтра приду к Риэйдже и Элли. Мне нужно было потусоваться с девчонками. Прости, что не предупредила.

– Ничего страшного, – сказал он. – Но я немножко забеспокоился. Значит, все о'кей?

Он улыбнулся моим «девчонкам», и я спохватилась, что их не представила.

– Извини, – повторила я. – Это моя сестра Сьюзен, а это – моя лучшая

подруга Джина.

– Рад знакомству, леди. – Он пожал им руки.

– А вы? – Сьюзен подняла бровь, выразительно поглядывая то на него, то на меня.

Я заторопилась, чувствуя, как краснею:

– Это Эндрю Хенсон. Он преподает язык глухонемых. И работает с детьми в агентстве по усыновлению, я же вам рассказывала.

– Ооооо! – в один голос протянули они, переглядываясь.

– Что сегодня было в классе? – спросила я, чтобы начать разговор.

– Как обычно. Эми кокетничала. Вивиан хотела учить фразы про мир, любовь и рок-н-ролл. Тебя очень не хватало. – И прежде, чем я успела на это ответить, он бодро заключил: – А я, значит, прервал ваш девичник? Обсуждались свадебные платья, брачные обеты и... о чем еще девочки говорят, когда обсуждают скорую свадьбу?

Он ухмыльнулся, довольный своей шуткой. Сьюзен и Джина в замешательстве ерзали на стульях и поглядывали на меня.

Я откашлялась.

– Не совсем так. Свадьба отменяется. Мы с Дэном расстались.

На лице Эндрю проступило удивление, потом замешательство, и я поняла: даже после нашего разговора он не поверил, что я сделала окончательный выбор. Как ни странно, меня его недоверие больно задело.

– О, Кейт, я и думать не думал, – сказал он. – Извини, пожалуйста.

– Ничего страшного. Неделя уже прошла. У меня все хорошо.

– Но почему же ты мне не сказала? – спросил он, и Сьюзен приподняла бровь, присматриваясь к нему. – Мы же виделись в четверг.

– Не знаю, – промямлила я. Идиотка и есть.

Неловкое молчание.

– Что ж, – заговорил он минуту спустя, – осрамился, наступил на больные мозоли, пойду напьюсь. А вон и девушка пришла, которую я дожидался. Всего лишь... – Он сверился с часами. – Всего лишь на двадцать пять минут задержалась.

Я обернулась к двери и увидела высокую, похожую на модель девицу, с волосами цвета меда и глубоким загаром, в подчеркивающем все ее формы бежевом платье. Она нетерпеливо оглядывала помещение. Мне стало хреново, я кое-как выдавила улыбку, прощаясь с Эндрю:

– Не заставляй ее ждать.

Но он не спешил отойти от нашего столика:

– Кейт, я правда очень тебе сочувствую.

– Спасибо, – ответила я.

Он кивнул, сказал Сьюзен и Джине, что рад был познакомиться, и отправился к девушке, которая уже устроилась возле барной стойки. Я смотрела ему вслед в полной растерянности. Я что, ревную к этой девице? Это его подружка? Та самая, чей голос слышался в трубке ночью, когда я вызвала его на поиски Элли?

В шаге от нее он обернулся, улыбнулся мне, на миг удержал мой взгляд. Потом отвернулся, этот миг завершился. Я видела, как он целует девушку в щеку, обнимает ее за талию, не прижимая к себе, и уводит.

Когда я вновь обернулась к Сьюзен и Джине, те как-то странно смотрели на меня.

– Так *вот* почему ты увлеклась языком глухонемых, – заявила Джина.

– Что? Нет! – Щеки у меня вспыхнули.

– Влюбиться каждый имеет право, – заявила Сьюзен. Посмотрела вслед Эндрю и вновь многозначительно подняла бровь: – Тем более в такого красавчика.

– Он не... Я не... – Надо же, заикаться стала. – Честное слово, я не поэтому записалась на курсы! – выдавила я из себя наконец.

– Но что красавчик, с этим спорить не будешь? – прицепилась Сьюзен.

Я помедлила и все-таки выпалила:

– Я же не слепая!

Девчонки расхохотались. С явным облегчением. После обеда Джина поймала у выхода из ресторана такси, а Сьюзен вызвалась проводить меня до метро, а там уж поймать такси. Она ухватила меня под руку:

– Так хочется увидеть тебя счастливой, сестренка! Я наклонилась совсем близко, голова к голове, и шепнула:

– Скоро буду. Я нашла дорогу туда.

В этом я вполне была уверена.

* * *

Утром Эндрю позвонил и оставил мне сообщение (я в это время занималась с клиентом). В обеденный перерыв я перезвонила.

– Все в порядке? – спросил он, как только снял трубку.

– Да. Почему бы и нет? – Откуда такой резкий тон? Я сама не понимала, злюсь ли на излишнее внимание ко мне или на то, что он проявляет такую заботу в промежутках между свиданиями с супермоделью. В любом случае глупо:ставляю себя на посмешище.

– Вчера у нас не было возможности поговорить, – сказал он.

– Хорошо провел время со своей девушкой? – не удержалась я.

– Что? О! Да, все прошло хорошо. – Голос у него был тревожный. – Послушай, я просто хотел спросить, как ты. Ведь не так-то легко расстаться с человеком, за которого собиралась выйти замуж.

– Честно говоря, мне следовало это сделать намного раньше.

– Такие вещи становятся очевидны задним числом, наверное, – сказал он. – То есть пока отношения продолжаются, кажется проще плыть по течению.

– Пока не обнаружишь, что никуда не плывешь, – пробормотала я.

– Вот именно. – Он кашлянул и добавил: – Ну вообще-то я звонил сказать: сегодня твои занятия отменяются. Риэйджа записана к зубному, о чем Шейла забыла меня предупредить, а Элли наказана: остается в школе после уроков.

– Наказана? За что?

– Насколько я понимаю, она с подружкой вчера сбежала с уроков и попалась.

– Как же так? – забеспокоилась я.

– Угу, дурацкая затея. Криминала особого нет: поехали на кладбище, к бабушке ее подруги. Но за прогул будут наказаны.

– Эх! – вздохнула я. – А ведь двух недель не прошло с той ее выходки.

– Да, мне кажется, это как-то связано, честно говоря. Пару дней назад у нее был конфликт с матерью во время посещения, и мне кажется, Элли малость переклинило.

Сердце упало.

– Ей по-прежнему разрешают визиты? Элли ведь видела, как она курила мет!

– Анализы чистые. Элли ошиблась, что бы она там ни видела.

– Но ты веришь, что она действительно курила?

Он помолчал с минуту.

– Не думаю, чтобы Элли солгала. Но было темно, а Элли склонна спешить с выводами. – Снова пауза. – У нас сейчас проблема поважнее: Сальма и Родни просят поскорее забрать ее.

– Что? – Голос сел до шепота.

– Элли пока не знает. Но этот прогул, как я понимаю, их доконал. Честно говоря, они, мне кажется, хотели закончить с опекой с тех самых пор, как узнали, что ждут ребенка. Спасибо, не выставили ее сразу после побега.

– Ох, Эндрю! – Я не знала, что сказать. Только Элли начала верить, что в ее жизни есть люди, которые не подведут, не бросят, как от нее

отказываются самые, казалось бы, надежные люди. Сердце разрывалось от жалости. – Сколько она еще может у них пробыть?

– Два месяца максимум. Так заявила Сальма. Она все твердит, что ей очень жаль, но во второй половине беременности им будет трудно справиться с девочкой.

– Ты скажешь Элли? – спросила я.

– Пока нет. – Я слышала, как он вздыхает, и понимала, что он всерьез тревожится. – Сначала нужно разобраться, какие у нас есть варианты. За два месяца мать как раз успела бы восстановить права, если бы не пропускала ни одного визита и если соцработник, который ведет ее дело, порекомендует воссоединение семьи. Разумеется, если все тесты на наркотики будут и впредь чистыми. Но если сорвется, придется искать для Элли другую семью, и вряд ли удастся найти ее достаточно быстро. Тогда она на какое-то время попадет в детский дом.

– Бедная Элли! – беспомощно прошептала я. – Может быть, мне все-таки стоит сегодня прийти? Музыкальная терапия могла бы ее немного ободрить.

– Нет, она остается в школе до пяти, потом у Родни и Сальмы под домашним арестом. К тому же она пока ничего не знает об их планах – я просил ей не говорить. Так что помощь ей пока не нужна. Но я предупрежу тебя перед тем, как соберусь поговорить с ней. Договорились?

– Да, спасибо.

– И насчет твоего решения... – Снова повисла пауза, и, как это ни странно, мне показалось, что Эндрю нервничает.

– Да?

– Если тебе важно мое мнение: думаю, ты поступила правильно.

Глава 27

Весь остаток дня я пыталась сосредоточиться на работе, но к 16:30, когда в прежние четверги я отправлялась в Квинс, я могла думать только об Элли.

Точнее, об Элли и Ханне. Перед глазами прокручивались обрывки снов, мир, где я жила с Патриком и Ханной, подтыкала дочке одеяло, сидела напротив нее за кухонным столом, слышала, как она хохочет, видела, как кружится на карусели Кони-Айленда. И чем больше я думала, тем крепче убеждалась: для того мне и были посланы эти видения, чтобы привести меня к Элли.

Я больше не пыталась объяснить эти проблески альтернативной реальности, связанной столькими нитями с моей настоящей жизнью. Но коль скоро Ханна в настоящей реальности быть не может – хотя я и видела ту девочку в окно свадебного салона, – значит, сны говорят мне о чем-то другом. Возможно, о том, что надо искать собственное счастье и с Дэном его у меня не было бы. В таком случае эти видения уже сделали свое дело. Но меня все же томило беспокойство: оставалось что-то еще, что я пока не уловила. Пожалуй, это материнство – что я для него созрела.

На мгновение я подумала: уж не Патрик ли указывает мне путь, тянет за невидимые ниточки? Но тот мир, куда меня пустили всего несколько раз, для него, похоже, реальность, он явно не знал, что мне это только снится, и не пытался мне сообщить что-то важное. Он удивлялся, даже пугался всякий раз, когда я выдавала себя, обнаруживала, что я не из этого мира. Так, может, это и правда была возможность заглянуть в рай – в тот рай, где мы с Патриком по-прежнему вместе и растим дочь? Или что-то большее? Что могло быть? Похоже что так – недаром во сне менялась не только моя жизнь. Я видела там и другого Эндрю, и Долорес Кей, которая существовала и в реальности. Патрик не был с ними знаком, так что в его частном раю им неоткуда было бы взяться.

Вздохнув, я отложила записи о клиентах и включила компьютер. Поискала информацию о требованиях к приемным родителям в штате Нью-Йорк и вскоре наткнулась на страницу pus.gov. Заполнила заявку, потом распечатала все анкеты, какие нашла в нью-йоркском отделе по делам семьи и детей. Сделала это и вышла из своего офиса не оглядываясь.

Когда я добралась до Святой Анны, было уже 18:30, там почти никого не оставалось, но я нисколько не удивилась, застав Эндрю на месте.

Одинокaя лaмпa освещaлa стопкy бумaг нa стoлe.

– Привет, – сaзaлa я с пoрoгa.

Он удивлeннo пoднял гoлoвy.

– Кейт! Чтo ты тут дeлaeшь? Я жe гoвoрил, сeгoднa нeт нeoбхoдимoсти...

Я нaбрaлa в гpyдь пoбoльшe вoздyхy, чтoбы пpoизнeсти слoвa, кoтoрым пpeдстoялo измeнить мoю жизнь.

– Эндpy, я хoчy пoдaть зaявкy и стaть пpиeмнoй мaтeрью. Нeльзя, чтoбы Элли oтпpaвили в дeтский дoм или в чужую семью, eсли ee нe зaбeрeт рoднaя мaть. Eсли дeвoчкe нyжeн дoм, я гoтoвa eй пoмoчь.

Эндpy смoтрeл нa мeня кaк-тo стрaннo.

– Кейт. – Он пpoвeл рyкoй пo вoлoсaм. И бoльшe ничeгo нe сaзaл. Кaзaлoсь, oн чeм-тo oгoрчeн.

– Чтo тaкoe? – спpoсилa я, кoгдa мoлчaниe зaтянyлoсь. – Я дyмaлa, ты бyдeшь рaд! Рaзвe этo нe идeaльный вaриaнт для Элли?

Он eщe пoмoлчaл, пoтoм выгoвoрил:

– Бoюсь, мoмeнт нe oчeнь пoдxoдящий.

Я yшaм свoим нe вeрилa. Я-тo дyмaлa, oн пoдпpыгнeт oт рaдoсти, oбнимeт мeня или хoтя бы пoблaгoдaрит: нaкoнeц-тo oдин из дeтeй, o кoтoрых oн тaк пeчeтcя, бyдeт пpиcтpoeн. Нo oн смoтрeл нa мeня c вырaжeниeм, пoдoзpитeльнo пoхoжим нa жaлoсть.

– *Мoмeнт?* – пeрeспpoсилa я.

Он вздoхнyл.

– Ты жe тoлькo чтo рaсстaлaсь с жeнuxoм, тaк? Мнe кaжeтcя, сaмa пo сeбe идea стaть пpиeмнoй мaтeрью пpeкpaснa, нo этo cлишкoм вaжнoe рeшeниe, нeльзя пpинимaть eгo пoспeшнo.

– Пpи чeм тут рaзрыв с жeнuxoм! – вoскликнyлa я. – Рeчь тoлькo oбo мнe – oбo мнe и Элли.

– Нo, Кейт, нeт никaкoй гaрaнтии, чтo Элли дoстaнeтcя тeбe, – мeгкo пpoдoлжaл oн. – Кoнeчнo, eсли мы рeшим, чтo этим стoит зaнятьcя, я пoстaрaюсь yскoрить пpoхoждeниe бумaг, cрaзy жe oргaнизyю визит инcпeктoрoв к тeбe дoмoй, зaпишy тeбя нa кypсы пpиeмных рoдитeлeй, их oбязaтeльнo нyжнo пpoйти для aттeстaции. Нo кaк бы мы ни тoрoпились, пyсть ты yжe и пoдгoтoвилa вce бумaги, этo тoжe cэкoнoмит вpeмя, – вce рaвнo этo нe тaк yж бyстрo. Бoюсь, Элли пpидeтcя yстpaивaть рaньшe, чeм ты бyдeшь гoтoвa.

– Нo...

– И пoтoм, – пpeрвaл oн мeня, – нe зaбывaй, чтo ee мaмa eщe нe сдaлaсь. Oнa, кoнeчнo, дaлeкa oт идeaлa, нo пoпытaeтcя бoрoтьcя зa свoeгo

ребенка. Элли могут вернуть ей, Кейт. Мы не знаем, как повернется дело. Мне бы не хотелось, чтобы ты всем сердцем прикипела к этой мечте, если ей не суждено осуществиться.

– Я понимаю, что Элли может и не достаться мне, – сказала я, хотя на самом деле думала: «Я совершенно уверена, что получу ее, только так, ведь к этому вели меня мои сны». – Но я должна сделать все, что от меня зависит. И если не Элли, значит, я смогу помочь другому ребенку, кому нужна семья.

– Но я все-таки не уверен, готова ли ты, – после паузы повторил он. – Конечно, тебе сейчас несколько одиноко. В твоей жизни возникла пустота после расставания с женихом. Но эту прореху, Кейт, ребенком не заполнишь.

Щеки у меня вспыхнули.

– Как ты мог подумать, что я...

– Это всего лишь гипотеза. Возможно, ты сама пока не понимаешь, почему тебе этого захотелось.

– Как ты мог мне такое сказать! – воскликнула я, хотя в глубине души и понимала: опасения его оправданны. – Уже сколько месяцев я думаю о ребенке, Эндрю, и работа с тобой, работа с этими детьми дала мне полную уверенность. Да, момент не идеальный, и с формальной точки зрения может показаться, что я не готова, но если есть хоть маленький шанс, что я сумею помочь Элли, нужно подать документы прямо сейчас, иначе я ее подведу. И разве это не первостепенная обязанность родителей – хвататься за любой представившийся шанс, чтобы сделать как лучше для ребенка? Вот чего я хочу, Эндрю, а не заполнить пустоту в жизни, утолить одиночество или еще что. Я готова стать матерью, а Элли нужен дом – вот и все.

Он еще раз внимательно посмотрел на меня, потом осторожно кивнул:

– Мне надо подумать.

Я еще постояла перед ним, недоумевая, сердиться ли мне, обижаться или надеяться. Правда ли он собирается обдумать мои слова или просто хочет, чтобы я поскорее ушла из кабинета. Наконец я выжала из себя «спасибо» и удалилась. С чувством, что потеряла то, чем никогда не владела.

* * *

Всю пятницу я думала над тем, что сказал мне Эндрю, и то начинала

сомневаться в себе, то вновь проникалась уверенностью: это самое правильное решение за всю мою жизнь. Я даже прикидывала, не обратиться ли мне через голову Эндрю, напрямую в отдел по делам семьи и детей, но сообразила, что если Эндрю не одобрит мой план, то, скорее всего, будет прав: значит, я еще не готова. Ведь Эндрю искренне заботится об Элли и всех своих подопечных, и я уже достаточно его знала, чтобы понимать: интуиция его редко обманывает. Вот почему было так больно оттого, что он усомнился во мне.

И все же я цеплялась за надежду: он увидит, что я гожусь, что я уже готова. Утром в субботу я поднялась спозаранку и принялась убирать в гостевой комнате, которая до сих пор служила мне кладовкой. Складывая пакеты для благотворительного магазина и убирая в коробки то, что я хотела сохранить, я предвкушала, как здесь поселится Элли. Видела, как на стенах появляются ее постеры и стихи. А в углу синтезатор. Я вытащила все коробки из комнаты и начала переносить их по коридору к себе в спальню, там еще оставалось место в небольшой нише.

– Спасибо, Патрик, – прошептала я, стоя на пороге гостевой комнаты и думая о том, как сны привели меня к этой минуте. – Если бы ты еще мог сделать так, чтобы Эндрю встал на мою сторону... – Я вошла в комнату, чтобы убрать лампу, которую давно невзлюбила. Перед глазами все расплывалось от слез, я споткнулась о старую коробку, ее содержимое рассыпалось. Большой палец дергало от боли, я выругалась и наклонилась, чтобы подобрать очередной ворох бумаг. И замерла.

В опрокинутой картонной коробке я увидела резную деревянную шкатулку: Патрик вручил ее мне, когда просил моей руки, внутри – сто бумажных листочков, и на каждом – причина, по которой он полюбил меня. Сколько лет я не притрагивалась к этой шкатулке! Я опустилась на пол и наугад вытащила один листок.

Я люблю тебя, потому что ты готова сделать все, чтобы помочь другим.

Я вытащила другой листок, знакомый узкий почерк с наклоном.

Я люблю ямочку на твоей правой щеке, когда ты улыбаешься во весь рот.

Я прочла все сто записок, складывая их по одной обратно в шкатулку. Там были очень важные – *Я люблю тебя за то, как ты всегда ищешь в других людях хорошее* – и глупенькие: *Я люблю тебя, потому что, смеясь от души, ты складываешься пополам.*

Были написанные по особому случаю: *Я люблю тебя за то, что ты переехала к маме на две недели, когда она сломала руку. Я люблю тебя за*

то, что в восьмом классе ты не ушла из софтбола, хотя мяч угодил тебе в лицо и сломал нос.

Больше всего меня растрогала записка, которую я прочла последней. Я люблю тебя и хочу, чтобы у нас были дети: ты будешь замечательной матерью.

К тому времени, как я вернула все записки в шкатулку, а ее в картонную коробку, где она хранилась, лицо у меня было мокро от слез. Я придвинула стул, залезла, приподнялась на цыпочки и задвинула коробку на верхнюю полку шкафа, как можно дальше. Послышался глухой звук, словно коробка с чем-то столкнулась, и в следующее мгновение оттуда выкатился и упал на пол серебряный доллар.

Мгновение я немо глядела на него, потом слезла со стула и подобрала. Все монеты, кроме той, что я носила на цепочке, я отдала после смерти Патрика Джоан, ведь это ее семейная традиция. Откуда же взялся этот? Не важно: серебряные доллары приносят удачу, и этот, упавший практически с неба, для меня – добрый знак: я все делаю правильно.

Последние сомнения в том, что это знак, рассеялись в следующую минуту: зазвонил телефон. Я спрятала доллар в карман и побежала на кухню. Телефон заливался, на экране высветился номер Эндрю.

– Прости меня, пожалуйста, – заговорил он, не дав мне даже поздороваться. Словно он долго готовил эту речь и спешил отбарабанить ее до конца. – Я подумал: ты была права. Я реагировал автоматически, потому что это типичная ситуация, но ты же вовсе не типичный случай, верно? Я тебе верю, раз ты говоришь, что ты готова, значит, так и есть. Ты будешь хорошей матерью для Элли – или для другого ребенка, как получится.

– Правда? – прошептала я, чувствуя, как трепещет сердце. И, сунув руку в карман, нащупала свой счастливый доллар.

– Правда, – уверенно подтвердил Эндрю. – Я уже дал ход твоим бумагам. Ты должна подать официальную заявку – я пришлю ее тебе факсом, – и я записал тебя на интенсивные курсы для приемных родителей и попросил коллегу как можно скорее провести инспекцию жилья. Все равно понадобится минимум пять-шесть недель, – и то потому, что я потянул за все ниточки. Обычно процесс растягивается на несколько месяцев, но я тоже хочу, чтобы ты могла забрать Элли, если это будет возможно.

– Не знаю, что сказать, – прошептала я.

Он кашлянул.

– Я дал тебе личную рекомендацию, но нужно еще две. Может быть, подпишут сестра и твоя подруга Джина, с которой ты была тогда в

ресторане? Любые два человека, кто давно с тобой знаком и поручится за тебя. Сделай все это, и если ты можешь в ближайшие пять с половиной недель выделить на курсы три часа вечером по вторникам и пятницам, то вперед.

– Эндрю! – задохнулась я. – Не знаю, как тебя и благодарить...

– Не за что меня благодарить. Это я должен извиниться перед тобой. Ты делаешь именно то, что пытаюсь сделать я: ты хочешь сделать жизнь этого ребенка лучше. Зря я в тебе сомневался. Ты станешь замечательной приемной матерью. Так что, если ты сможешь сегодня заглянуть на работу, я перешлю туда факсом все бумаги, идет?

– Уже бегу.

– Отлично. Уверен, все получится, Кейт.

Я крепко зажмурилась и ответила с улыбкой:

– И я уверена. Спасибо.

Через полтора часа, возвращаясь с работы (заполнить все документы и отправить их факсом обратно Эндрю мне удалось быстро), я сделала крюк, прошла вдоль Ист-Ривер и выбросила найденный в кладовке серебряный доллар, вернув свою удачу во вселенную, как всегда поступал Патрик.

* * *

На следующий день я заехала к Сьюзен – рассказать ей про Элли и мое решение и попросить ее поручительства. Слушая меня, она все выше задирала брови, то и дело порываясь перебить.

– Что не так? – со вздохом спросила я наконец.

– Ты уверена, что готова к этому? Быть матерью не так просто, как может показаться со стороны.

Я ошетинилась:

– Я никогда и не думала, что это легко. Между прочим, я работаю с детьми. Каждый день. Так что понимаю, сколько тут проблем.

– Хорошо понимаешь? – настаивала она. – Ребенок приходит к тебе всего на час. А как его кормить, как наказывать за проступки, как добиться, чтобы он делал домашнее задание, чтобы рос порядочным человеком, – это не твоя проблема.

Кровь уже закипала у меня в жилах.

– То есть приемная мать из меня не получится? Потому что это нелегко? И я плохо подготовилась?

– У приемного ребенка может быть много проблем, – напомнила

Сьюзен.

– Но это не значит, что я не сумею справиться с его проблемами! – взвилась я. – Да, о таком ребенке мало кто заботился, у него нет таких преимуществ, как у Сэмми и Келвина – им-то повезло.

– Везение тут ни при чем, – сердито возразила Сьюзен. – И я, и Роберт делали все, чтобы обеспечить детям хороший дом и правильное воспитание.

– Конечно. Но им повезло, что они родились у вас. Не всем детям достаются такие родители.

– О том я и говорю. И что, как ты думаешь, происходит с ребенком, если ему не внушают с малолетства правильные ценности, как мы – своим детям?

– Пусть эти дети и не получили хорошее воспитание в семье, это вовсе не значит, будто у них нет нравственных ориентиров, – настаивала я. – Это элитизм.

– Это реализм. А ты витаешь в облаках. Спустись на землю.

– Не каждому подносят идеальное детство на серебряном блюдечке! – огрызнулась я. – У тебя так сложилось, вот ты и не понимаешь. У тебя, Сьюзен, есть все. А я – я все потеряла. И теперь стараюсь как могу заново строить свою жизнь.

– Да, ты пережила трагедию, это было ужасно! – тем же тоном ответила Сьюзен. – Но тебе уже сорок. Пора бы перестать оплакивать погибшего мужа и перебирать, что было бы и что могло быть. К тому же, если ты вдруг усыновишь ребенка, забудь про мужчин. У тебя и времени на знакомства не останется. И ни один парень в здравом уме не захочет разделить с тобой такую жизнь.

Тут до меня дошло.

– Так вот в чем дело. Ты боишься, что я не найду себе парня, если обзаведусь ребенком?

– Уж во всяком случае, с приемным – никак, – пожала она плечами. – С Дэном не получилось, что поделаешь, но, конечно же, где-то есть тот, кто тебе подойдет. Усыновлять ребенка сейчас – значит добровольно отсечь себе все шансы. И неужели ты справишься одна? Будешь матерью-одиночкой?

– Да, думаю, я справлюсь, – ответила я уже спокойнее. – Будет трудно. Но у меня хорошая работа. Могу нанять помощницу на несколько часов в день, чтобы присмотрела за ребенком после школы, и у меня самой достаточно времени и сил. Я уверена, как никогда в жизни. И я ведь не собираюсь усыновлять младенца и воспитывать его всю жизнь – я буду

брать детей постарше, на время, а если кто-то и останется у меня до совершеннолетия, то все равно это пять-шесть лет, потом ребенок окончит школу и уедет в университет.

– Если поступит, – проворчала она. – И на этом ответственность родителей вовсе не заканчивается.

Я приоткрыла рот, чтобы возразить, но она не дала:

– Может быть, я тебя недооцениваю. И если ты хочешь, чтобы я подписала тебе рекомендацию, то, конечно, я подпишу. Ты самый прекрасный человек из всех, кого я знаю, Кейт. Но если ты спросишь мое мнение, то я повторю: ты совершаешь ошибку. Упускаешь свой шанс найти пару и стать счастливой.

– Не всем для счастья нужен прекрасный принц, – ответила я, помолчав. – Принц у меня уже был, а если мне сужден еще один, так от судьбы не уйдешь. Но я не стану сидеть и ждать, пока он явится за мной. Пока что я сама раскрашу картинки к своей сказке.

Глава 28

Следующие недели я лихорадочно готовилась к роли приемной матери. Поговорила с Джиной – она поддержала меня намного охотнее, чем Сьюзен, – прошла предварительное собеседование и тут же начала дважды в неделю посещать курсы для приемных родителей, – обязательная подготовка, на которую записал меня Эндрю. Многие из того, чему нас учили, я уже знала – что-то интуитивно, что-то благодаря профессии музыкального терапевта. Но узнала я и много нового: как помочь приемному ребенку интегрироваться в семью, какие у меня будут права и обязанности. В каждом сценарии, который разбирал с нами инспектор, я мысленно представляла себя с Элли, тотчас спохватываясь: этот ребенок пока еще не мой. Но сны не возвращались, и я уверилась в том, что в этом и было их назначение: привести меня сюда.

Каждую неделю ко мне на дом приходила соц-работник Карен Дэвидсон. Она объяснила, что обычно инспекция жилья занимает несколько месяцев, но поскольку Эндрю дал мне рекомендацию и просил поспешить из-за неотложной ситуации с Элли, то она старается помочь. «К тому же вы учите язык глухонемых и имеете опыт работы со слабослышащими и проблемными детьми. Вы для нас идеальный кандидат, и я хотела бы как можно быстрее включить вас в наш список. И то, что вы волонтер Святой Анны, тоже плюс».

Она изучила мои налоговые декларации за последние годы, сняла копию со свидетельства о рождении и карточки социального страхования, попросила справку от терапевта. И каждую неделю засыпала меня сотнями вопросов обо всем на свете: где ребенок будет спать (вот, я расчистила гостевую спальню), кто будет за ним смотреть, когда я на работе (я уже нашла хорошую продленку), точно ли я не состою в романтических отношениях (не состою, громко и уверенно ответила я). И заглянула в каждый уголок моей квартиры, в каждую щель, все время что-то строча в своем блокноте.

Эндрю просил меня не делиться своими планами с Элли. «Нельзя ее обнадеживать, пока нет стопроцентной гарантии, – предупредил он. – И не будем мешать ей строить отношения с родной матерью». Так что я продолжала навещать ее по четвергам, как и раньше, и радовалась тому, как девочка привыкает ко мне, рассказывает о школе, о своей любимой подруге Белле (она обозначала ее на языке жестов как МЛП – «моя лучшая

подруга»), и даже скрещивала пальцы, указательный и средний, когда выговаривала эти буквы. Я радовалась тому, как растет и укрепляется эта дружба: у Беллы были такие же проблемы – и со слухом, и с поиском приемной семьи; девочки хорошо понимали друг друга. Я смеялась, слушая, как они с Беллой подстраивают, чтобы Джей Кэш, мальчик с лиловыми волосами, пригласил Элли на свидание.

– Я еще ни разу не целовалась, – в один из четвергов призналась мне Элли. – Белла говорит, это гадость, языки мокрые, но, по-моему, она врет и сама никогда не целовалась, так что я ей не очень-то верю.

Сердце мое тает от нежности. Мы хорошо ладим, и я счастлива: мы сближаемся все больше. Я радуюсь и тому, что в наших разговорах больше не упоминается ее мама, хотя, наверное, я должна была бы завести о ней речь, вдруг девочке нужно это обсудить. Но я предпочитаю мечтать о той скорой поре, когда я все устрою для Элли наилучшим образом и она забудет ту боль, которую ей причинили родные.

Я тружусь не покладая рук и не оставляя при этом обычной своей работы. По вторникам и пятницам хожу на курсы для приемных родителей, по средам в кружок к Эндрю, по четвергам езжу в Квинс и занимаюсь с Элли, Ризьджей и мальчиком по имени Тарек – у него остаточный слух всего десять процентов, и он только что попал в систему усыновления. На работе перешучиваюсь с Максом, помогаю Лео наладить отношения в школе и занимаюсь музыкой еще с двумя десятками ребятишек, – у каждого своя проблема, и мы их решаем вместе.

Жизнь потихоньку возвращается в норму – новую норму, без Дэна. Я тоскую по своим снам, по промелькам жизни с Патриком и Ханной. Каждую ночь я мечтаю проснуться в том мире, где Патрик все еще со мной и у нас есть Ханна. Каждое утро мое пробуждение безотрадно: я снова и снова переживаю эту потерю. Пыталась я и дозвониться Джоан, но мы словно играем в салки по телефону: то я натыкаюсь на голосовую почту, то она, перезвонив, оставляет мне сообщение.

Через месяц после разрыва Дэн наконец согласился встретиться со мной в обед. И пять минут кряду молча слушал мои извинения, а потом сказал, что теперь точно знает: он никогда меня не любил. Почему-то меня это больно задело.

– Не может быть, – сказала я. – Мы были вместе почти два года.

– Это не помешало тебе уйти. – Он смотрел на меня жестким взглядом. – Вот и вся твоя любовь.

– Дэн, я любила тебя, – возразила я. – И сейчас люблю. Просто мы не подходим друг другу.

Он закатил глаза:

– Избавь меня от психоболтологии. Разобралась бы сначала с собой. Ты приволокла в отношения весь свой прошлый балласт, я тут ни при чем. Это только твоя вина, на все сто процентов. Я заслуживал лучшего.

– Конечно, – кивнула я.

– Так нечего твердить, будто любишь меня. Ждешь, что я тебе улыбнусь и скажу: «Да ничего страшного. Ты использовала меня и выкинула – невелика беда».

– Но я вовсе не хотела обидеть тебя, – попыталась я объяснить. – И просто хочу, чтобы ты это понял.

Он отвернулся, но я увидела в его глазах боль, и мне стало совсем скверно.

– Кейт, мне, честно, наплевать, чего ты хочешь. – Он поднялся и вышел, не дожидаясь, пока официант примет заказ.

Несколько недель спустя я закончила обучение, и оставалось только получить сертификат кандидата в усыновители. Мне говорили, что ждать приходится порой долго: бюрократическая волокита. Но мое дело – держаться и надеяться, что все пройдет быстро и гладко.

Август сменился сентябрем, стало холоднее, близилась очередная годовщина смерти Патрика. Накануне как раз пришлась среда, и после занятий Эндрю отвел меня в сторону и сказал – на языке жестов, я здорово в нем поднатрела за это время, – что я могу пропустить четверг, не являться в Святую Анну.

«Почему?» – так же знаками спросила я.

«Потому что это восемнадцатое сентября», – ответил он.

Я устала на него.

– Ты помнишь! – вслух вырвалось у меня.

– Годовщину гибели твоего мужа? Конечно, помню. И не хочу, чтобы ты завтра тратила силы на нас. Возьми отгул.

– Ладно, – сказала я, хотя немного расстроилась, что не увижу ни Эндрю, ни Риэйджу, ни Тарека, ни Элли. Проведу вечер наедине со своими мыслями и своей печалью.

– Ты как? – спохватился он, когда я собралась уходить. – Тебе завтра будет тяжело? – Не дав мне ответить, он покачал головой: – Что за глупый вопрос! Конечно, тяжело. Идиотство даже спрашивать об этом.

Я улыбнулась ему в ответ.

– Нет, не идиотство. Спасибо, что беспокоишься обо мне. И да, это тяжело. Но с каждым годом становится чуточку легче, ты же знаешь. Я справлюсь.

– Послушай, ты приходи в Святую Анну, если хочешь, – сказал он. – В такой день несправедливо заставлять тебя работать, но, если хочешь, приходи. Я там весь день буду, и вечером тоже. Если тебе станет грустно, если захочешь поговорить... – Он оборвал себя на полуслове: – Нет, конечно, тебе и без меня есть с кем поговорить. Я вовсе не имел в виду...

– Я понимаю.

– Я только хотел сказать, понимаешь, если тебе нужен еще один друг, то вот он я тут. В смысле там. В Святой Анне.

– Большое тебе спасибо, – сказала я. – Я рада, что ты думаешь обо мне.

– Конечно, думаю. Я не умею толком это выразить, Кейт, но твоя помощь бесценна. Иногда мне становится стыдно: я вроде как заманил тебя в западню. Ты пришла изучать язык глухонемых, а я тут же вцепился, уговорил стать волонтером, теперь ты работаешь на нас каждый четверг. Не очень-то это с моей стороны порядочно.

– Что ты, я счастлива. Мне ужасно нравится работать с детьми. Спасибо, что предложил мне это.

– Что ж, – продолжал Эндрю, – как ни крути, я твой должник. Так что, если тебе когда-нибудь захочется выйти в город с кем-то еще, кроме сестры или подруги, дай знать. Я бы хотел как-нибудь еще сводить тебя на ужин – столь же вкусный и познавательный. В качестве благодарности за помощь с ребятами.

Я уставилась на него. Приглашает на свидание? Нет, эту мысль я сразу же выбросила из головы, поскольку видела его девушку – красотка словно с журнальной обложки! Это дружеское приглашение, коллега угощает коллегу, хотя при этом отчего-то краснеет.

– С удовольствием, – ответила я.

По какой бы причине Эндрю ни приглашал меня, я и правда рада буду провести время в его компании. Я не могла заранее предугадать, какой одинокой себя почувствую, лишившись и Дэна, и моих снов. Порой мои ночи тянутся бесконечно.

– Супер, – сказал Эндрю. Неуклюже обнял меня и еще раз попросил позвонить ему завтра, если мне понадобится поддержка.

«Спасибо, – на языке жестов ответила я. – Увидимся на той неделе».

Он ухмыльнулся:

– Здорово ты наловчилась. Ладно, увидимся через неделю.

На следующий день я взяла на работе отгул, как всегда в годовщину смерти Патрика. Сколько я ни старалась оставить прошлое в прошлом, я не была готова провести день его смерти как заурядный будний день. Мне это показалось бы ненормальным.

Утром я долго лежала в постели, пытаюсь понять, когда же успели пройти эти двенадцать лет – целых двенадцать! Порой мне казалось, будто прошел всего год, от силы два. А иногда – словно я живу без Патрика уже многие десятилетия.

Я как раз принялась жалеть себя, но тут на телефон пришла эсэмэска. К моему удивлению – от Элли.

«Вы как?» – написала она.

«Хорошо, спасибо», – ответила я, пытаюсь сообразить, был ли то обычный вежливый вопрос или девочка тоже помнит день смерти Патрика и думает обо мне.

«Я подумала вы грустите о муже», – написала она минуту спустя. Как я была ей благодарна!

«Да, – написала я. – Мне очень грустно. Спасибо, что думаешь сегодня обо мне».

«Я вас люблю, – после небольшой паузы ответила она. – Вы ко мне хорошо относитесь».

«И я тебя очень люблю, – написала я. – Ты замечательная, Элли».

Снова пауза, я уж встревожилась, не ляпнула ли чего. Но потом пришел ответ:

«Приходите ко мне в гости если вам грустно. Я вас пораду».

«Спасибо, Элли», – улыбаясь про себя, написала я.

«У моей мамы сегодня слушания», – пришла новая эсэмэска.

Сердце замерло. Почему Эндрю не предупредил? «Соцработник говорит, она не знает, как пойдет дело», – написала Элли в следующей СМС.

Я сглотнула. Наверное, Эндрю не хотел меня обнадежить раньше времени. Или боялся разбить мне сердце – именно сегодня, в худший день моего календаря.

«Удачи», – заставила я себя написать.

«Спс, – ответила Элли. – Пора в школу».

Закончив переписку, я выключила телефон, снова откинулась на подушки и уставилась в потолок. До чего же я одинока! Но сегодня – день Патрика, а не Элли и не ее мамы. Нельзя допустить, чтобы еще одна тревога, над которой я не властна, вторгалась в мою печаль.

В начале девятого я повернулась на бок и посмотрела на часы у

изголовья. Цифры на них сменялись, а я думала о том, как двенадцать лет назад, в это самое время, Патрик был жив и наша жизнь была блаженна, безмятежна – идеальна. Мы и не догадывались, что всего через несколько минут все непоправимо изменится.

Я неотрывно глядела на часы. 8:36. Осталась одна минута. Бессмысленная попытка, но оторвать взгляд от циферблата я не могла.

8:37. Сердце заныло, как всегда в этот день, в эту минуту. В ту самую минуту двенадцать лет назад Дженнифер Барвин (уровень алкоголя в крови более чем вдвое выше допустимого законом) навсегда изменила ход моей жизни. «Я просто хотела показать малышке Таймс-сквер», – скажет она полиции, когда ее усадят в «скорую». Она лишь руку сломала, а малышка, надежно пристегнутая к детскому креслу, не получила и царапины.

Я пролежала до 8:52, до того мгновения, когда Патрик испустил последний вздох в клетке из искореженного металла. Затем встала, побрела в кухню, на автомате сварила себе кофе, хотя и не хотела его пить. В одиннадцать я наконец включила мобильный телефон и ответила на пропущенные звонки Сьюзен, мамы и Джины. Сьюзен и мама волновались за меня и хотели, чтобы я знала: они сейчас тоже думают обо мне и Патрике. Разговор с Джиной был, как всегда, спасителен: мы плакали вместе и вспоминали любимые смешные истории о Патрике и Билле.

– Помнишь, как мы всей компанией пошли в кино и у Билла полу куртки защемило вращающейся дверью? – срывалась на смех Джина. – Заметил только Патрик, они с Биллом стали орать на тех, кто подпирал сзади, и пытались остановить дверь, а мы с тобой решили, что они свихнулись.

– А как та девочка подошла к нам, когда мы обедали в кафе, и почему-то приняла Патрика за этого – как звали того актера, который играл Марка Дарси?

Джина расхохоталась:

– Точно! Колин Фёрт. Она только что посмотрела фильм с ним, и решила, что они с Патриком на одно лицо.

– Он все пытался ей объяснить, что он не актер, обычный человек, но это не помогло. Девочка знай себе твердила: «Колин Фёрт сказал бы то же самое».

– Господи, Патрик тебя этим потом месяцами дразнил, да? – подхватила Джина и попыталась заговорить басом, подражая Патрику, подражающему британскому акценту: – «Я Колин Фёрт, и ты должна во всем меня слушаться. Я звезда».

Я невольно рассмеялась.

– Я скучаю по ним, – тихо проговорила Джина.

– Да. И я тоскую.

Мы договорились вместе поужинать на следующей неделе и распрощались. Глубокий вдох – и я набрала номер Джоан.

– Как ты, лапонька? – сразу же спросила она.

– Как обычно восемнадцатого сентября, – ответила я.

– Легче не становится, это оказалась неправда, – сказала она. – Каждый год думаешь, мол, прошла еще шажок по пути к исцелению, и каждый год в этот день вновь оказываешься на том же месте.

– Именно так, – сказала я. Джоан все понимает. – Как ты?

Мы немного поболтали о Патрике. Потом, припомнив свой сон, я спросила Джоан:

– А ты прошла маммографию, как мы договаривались?

– А, да! Как раз собиралась тебе сказать! – воскликнула она. – Я сходила. Та женщина, которая делает маммографию, – как она называется? Рентгенолог? – сказала, с виду все в порядке, в одном только месте им что-то не понравилось, и они взяли кусочек на биопсию. Врачи настроены бодро, результат на днях будет готов, и я уверена, все в порядке, – но все равно спасибо, что заставила меня сходить. Намного приятнее знать, что у меня ничего плохого нет.

– Хорошо, – ответила я, хотя и встревожилась при упоминании о биопсии. Образ облысевшей, ослабленной химиотерапией Джоан так и стоял у меня перед глазами. – Сообщи мне, когда получишь результаты, хорошо?

– Конечно, лапонька, – пообещала она.

После этого разговора я так и осталась сидеть на кухне перед остывшей чашкой кофе. Боль утраты раздирала душу, и сколько ни вспоминай смешное, сколько ни плачь о потере, легче не становится.

– Патрик, ты слышишь меня? – позвала я. – Я люблю тебя. Никогда не переставала тебя любить. Я каждый день тоскую о тебе. – Я чуть помолчала и тихо-тихо добавила: – Я знала еще прежде, чем впервые увидела тебя...

Но в ответ тишина.

И вдруг – звонок. Я даже испугалась, тем более что номер не определился. Обычно в таких случаях я жду, чтобы телефон переключился на голосовую почту, но мне было так одиноко и грустно, что я взяла трубку и сказала «Алло».

– Кейт Уэйтмен? – женский голос, вроде бы знакомый, но я не могла сообразить, кто это.

– Да.

– Отлично. Это Карен Дэвидсон.

Сердце подскочило и застряло в горле.

– Карен, вы!

– Я звоню сообщить вам замечательные новости, Кейт! Вы внесены в список кандидатов на усыновление. Сертификат уже готов.

Я не могла поверить. Попросила повторить, и она повторила.

– Вы будете прекрасной приемной матерью, Кейт, мы все в этом уверены, – сказала она. – Поздравляю! Мы рады, что вы теперь в нашей команде.

Сердце стучало с удвоенной скоростью.

– Я скоро стану матерью, – не веря себе, прошептала я.

– Непременно станете, – сказала Кейт.

– Как вы думаете, есть надежда, что я смогу удочерить ту девочку, с которой сейчас занимаюсь? – спохватилась я. – Элли Валчер?

– Почему бы и нет, – было слышно, что Карен улыбается, – если ей нужна семья, а вы как раз обладаете навыками для работы со слабослышащими детьми.

Я покачала головой, подняла глаза к потолку. Должно быть, это Патрик все устроил. Да, я угадала верно: к этому и вели мои сны. Именно сегодня, восемнадцатого сентября.

– Карен, не знаю, как вас и благодарить.

– Не за что! – горячо откликнулась она. – Это мы вам благодарны за то, что вы открыли свое сердце и свой дом ребенку. На неделе мы все оформим официально – у вас найдется время заглянуть ко мне в офис?

Мы договорились встретиться завтра же в полдень, Карен продиктовала мне свой адрес, и мы распрощались.

Полная надежд, я отправилась в гостевую спальню, остановилась посреди комнаты, зажмурилась. Если ничего не сорвется, тут будет жить Элли. Сейчас пойду и куплю кровать, одеяло, которое должно понравиться девочке, а еще, пожалуй, сразу же куплю симпатичное электропианино и айпад с программой для записи музыки. Моя жизнь меняется, это случилось сегодня, восемнадцатого сентября – есть в этом некая высокая правда.

– Спасибо, Патрик, – шепнула я, теперь уже явственно ощущая присутствие мужа. Его крепкие объятия, его теплое дыхание на шее, я всем телом прижималась к нему. – Я знаю, это ты все устроил. Спасибо, что послал мне Элли.

Глава 29

Во второй половине дня я бродила по «Мейси» на Джеральд-сквер и никак не могла выбрать: выкатную кровать из тика или полноразмерную из дуба с ящиками для белья. Зазвонил телефон; высветился номер Эндрю.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он. – Сегодня ведь... мм... годовщина и...

Я улыбнулась, радуясь такой заботе.

– По правде говоря, все у меня хорошо.

– Уверена?

– Точно.

– Хорошо. Отлично. – Он откашлялся. – Слушай, извини, что прошу об этом сегодня, неудачно выбрал день, но... но ты не могла бы встретиться со мной сейчас? Мне нужно кое-что с тобой обсудить и лучше бы с глазу на глаз. Если ты точно уверена, что можешь сегодня.

Сердце снова подпрыгнуло. Неужели сегодня в суде матери Элли отказали и Элли нужен дом? Мой дом? Конечно же, Эндрю уже знает, что я прошла аттестацию.

– Конечно, – сказала я, стараясь скрыть дрожь в голосе. – Выхожу. Через сорок минут буду.

Карен Дэвидсон так меня ободрила, что, вспоминая в метро по пути в Квинс наш с ней разговор, я уже совершенно уверилась, что именно об этом и пойдет речь. Должно быть, Эндрю затем меня и вызвал, чтобы уведомить: нас с Элли официально соединили. Возможно ли, чтобы так стремительно?

Быть может, восемнадцатое сентября впредь не будет для меня годовщиной дня, когда мир рухнул, а станет праздником, когда я обрела Элли. Прекрасное завершение печальной истории. Что-то подсказывало мне: именно этого хотел бы для меня Патрик.

Приехав в Святую Анну, я не застала Эндрю в его кабинете и отправила эсэмэску с сообщением, что я тут. Прошлась по коридору, заглядывая в дверные стекла, нет ли где Эндрю. Добралась до конференц-зала и, приоткрыв дверь, к своему изумлению, увидела там Элли, она стояла спиной ко мне.

Я слегка постучала и отворила дверь. Она обернулась, лицо ее просияло.

– Кейт! Спасибо, спасибо! – Она подбежала и обняла меня. Прижимая

девочку к себе, я думала – нет, я была полностью уверена: Эндрю уже предупредил ее. Элли моя. Все сбылось.

– Спасибо? – переспросила я, прикидываясь, будто ничего не знаю, но улыбка сама расплзалась у меня на лице. – За что спасибо?

– Спасибо, что посоветовала мне не сдаваться и верить в мою маму, – горячо проговорила она.

У меня неприятно засосало под ложечкой. Я сморгнула, все еще не понимая:

– Что?

– Сегодня суд решил, что она может меня забрать. Кейт, я вернусь домой!

Тут только я увидела в углу зала потрепанные чемоданы, и сложенную подставку для синтезатора, и сам синтезатор, прислоненный к стене. Я переводила взгляд с этой груды вещей на Элли и обратно, на минуту полностью онемев.

– Кейт? – донесся до меня голос Элли. – Что случилось? Ты грустишь о своем муже? Хочешь о нем поговорить?

Я покачала головой, все еще не в силах говорить, и тут в зал вошел Эндрю и встал у меня за спиной.

– Кейт, – глухо произнес он, и по его голосу я поняла: он сразу догадался о том, что только что произошло. – Кейт, можешь зайти ко мне на минуту? – Не дожидаясь ответа, он приобнял меня за талию и вывел из конференц-зала. У меня еще все плыло перед глазами, когда Эндрю, сняв со стула в своем кабинете пачку бумаг, поспешно усадил меня.

– Кейт, – заговорил он, а я без сил откинулась на спинку стула. – Не знаю даже, с чего начать...

– Я думала, ты вызвал меня, чтобы сказать: я могу забрать Элли, – с трудом выговорила я. – Сегодня утром мне позвонила Карен Дэвидсон. Меня включили в список приемных родителей.

Он заморгал: я поняла, что ему сейчас так же худо, как и мне.

– Ох, Кейт, я понятия не имел. Я позвонил тебе, потому что суд восстановил в правах мать Элли, девочка возвращается домой. Мы, конечно, готовились к другому исходу, но я подумал, ты захочешь приехать попрощаться. И я не предупредил тебя по телефону, потому что такие новости лучше говорить вживую. Но я-то думал, перехвачу тебя до того, как ты встретишься с Элли. Боже, мне так жаль!

– И как раз сегодня! – мрачно добавила я.

– Ох, Кейт! – повторил он снова. Присел на корточки рядом со мной, попытался неуклюже обнять. – Зря я тебе позвонил, да?

– Нет, – шепнула я, уткнувшись ему в плечо. Такой теплый, надежный. Вдруг я поняла, как не хочу его отпускать. Бессмыслица. Все, за что я цепляюсь, у меня отнимают. Лучше самой отпустить. Я первой расцепила объятия. – Спасибо, что позвал и я смогла попрощаться. Это правильно.

– Вы же не навсегда расстанетесь. Если ее мама не будет против, почему бы не продолжить занятия – если ты согласишься, конечно.

– Да, хорошо, – равнодушно ответила я. Понятно, он пытается меня подбодрить, но внутри все умерло. – Значит, с метамфетамином Элли ошиблась?

Он кивнул:

– Судья назначила повторную экспертизу, все чисто. Ничего кроме табака.

– Или ее мама сумела обмануть систему. – Я глубоко вздохнула, уговаривая себя: нет, я не права. – Думаешь, на этот раз она станет для Элли хорошей матерью?

Эндрю печально глянул на меня, пожал плечами: – Не знаю. Хотелось бы верить, но столько уже детишек возвращались домой, а потом снова к нам. Никогда не знаешь, как оно сложится. Остается лишь надеяться, что Элли попадет в хорошую статистику.

Я пыталась смолчать, но не выдержала:

– Я думала, что я буду ее мамой. По крайней мере, приемной. Я была совершенно уверена в том, что это сбудется. – Даже сны подвели, предали меня. Почему, почему все пошло не так?

Эндрю не ответил, только снова неуклюже попытался меня обнять. Наконец он поднялся, серьезный, собранный.

– Скоро ее мама придет. Ну как, ты готова попрощаться?

– По-моему, да, – ответила я, подумав, не многовато ли мне выпало прощаний.

– Все будет хорошо, Кейт. – Эндрю взял мою руку, слегка сжал. – Понимаю, звучит глупо, но я действительно верю: все происходит так, как должно. В этом есть какой-то смысл.

– Что за ерунда! – огрызнулась я. – Нет ни в чем смысла. Какой смысл в дурацкой гибели моего мужа? В том, что я не могу родить ребенка? Какой смысл в том, что у меня отнимают все, что мне дорого?

Я гневно смотрела на него, пока не сообразила, что он-то не виноват. Наоборот, пытается помочь.

– Извини, – пробормотала я.

– Это ты меня извини, – шепнул он. В его глазах стояли слезы. Его сочувствие тронуло меня.

– Вообще-то я не собиралась себя оплакивать. – Я вытерла глаза и постаралась улыбнуться. – Пойдем к Элли?

И я поспешно вышла из его кабинета.

Эндрю проводил меня в конференц-зал и стоял рядом, пока я крепко обнимала Элли и говорила ей, что все будет хорошо и что я очень за нее рада.

– А вы придете ко мне в гости? – встревоженно спросила она.

– Никто меня не остановит, малыш!

– А на концерт в следующем месяце? Придете послушать, как я играю на пианино? Белла будет играть Бетховена, и Джей тоже придет. Он обещал. Супер, правда?

Я кивнула и вдруг почувствовала во всем теле усталость, изнеможение. Нет сил даже на то, чтобы разделить с девочкой ее радостное волнение, ее первую влюбленность.

– Я и забыла, что Белла тоже играет на пианино, – пробормотала я.

Элли с энтузиазмом закивала:

– И так круто – вы себе даже не представляете. На пятьдесят баллов, если по десятибалльной шкале!

Я снова заставила себя улыбнуться:

– Действительно, круто!

– Так вы придете? На концерт? – настаивала Элли. – Ни за что на свете не пропущу!

Тут явилась наконец мать Элли вместе с замученным соцработником, который тащил огромную стопку бумаг. До чего же юная – лет тридцать, вряд ли больше. А родила Элли, когда была еще совсем девочкой. Почему-то от этой мысли мне стало еще грустнее. Когда ей исполнится сорок, Элли уже вырастет и покинет дом. Но к тому времени ее мать успеет насладиться многими годами материнства – хоть и потратила зря столько времени. По законам какой вселенной она вправе быть матерью, а мне в этом отказано?

Я чувствовала, как руки от ярости и отчаяния сжимаются в кулаки. Эндрю осторожно прикоснулся к моей спине пониже лопаток и тихонько погладил. Жестом чересчур интимным для коллеги, но явно непроизвольным. Я не возражала: эти ласковые прикосновения помогли мне успокоиться.

Я видела, как просияла Элли, как бросилась матери на шею. И как эта молодая женщина – точная копия Элли и не так уж намного ее старше – прижала дочку к себе, смущенная и счастливая. Мне рисовалась злодейка, равнодушно бросившая собственного ребенка, а оказалось, все сложнее. Симпатичная в общем женщина, не сдержавшая слез, когда Элли в нее

вцепилась.

Наверное, Эндрю прав. Она действительно старается.

– На этот раз я справлюсь, – сказала она Эндрю, подхватывая с пола дочкины вещи. Обернулась ко мне и, хотя понятия не имела, кто я такая, почему-то именно мне пообещала: – Честное слово, я стану хорошей матерью для Элли.

Кивнув в ответ, я бросилась прочь из зала прежде, чем Эндрю успел представить нас друг другу. Когда-нибудь мне придется с ней познакомиться. Я приду к Элли в гости, наверное, мы даже возобновим занятия. Но говорить с ней сегодня я не могла.

Элли окликнула меня, но я не обернулась. Не хотела показать, что плачу. Не хотела портить прощание.

Я укрылась в кабинете Эндрю. Там он и нашел меня несколько минут спустя. Я стояла у окна и тупо смотрела на улицу.

– Ну, как ты? – участливо спросил он.

– Великолепно! – съехидничала я. А что еще остается, когда сердце разбито?

– Давай отвезу тебя домой на такси? Побуду с тобой?

Я обернулась, посмотрела на него. Лицо серьезное, грустный взгляд.

– Эндрю...

– Просто я подумал, тебе не стоит сегодня оставаться в одиночестве, – выпалил он. И, спохватившись, покачал головой. – Не хочу навязываться, но я беспокоюсь за тебя. Мы могли бы посидеть пару часов вместе, пока тебе не полегчает...

– Все в порядке.

– Не стоит тебе оставаться в одиночестве, – повторил он в растерянности.

Я слабо улыбнулась.

– Эндрю, я всегда одна. Какая разница, сегодня или в другой день?

С тем я вышла из Святой Анны, поймала такси и поехала домой, всю дорогу молча уставившись в одну точку.

Снова у меня отняли огромную часть моей жизни. В тот же самый день. Двенадцать лет назад погиб мой муж – у меня не стало семьи. Теперь рухнула надежда создать новую семью, о которой я так мечтала.

Я заползла в постель и впервые за все эти месяцы не молилась перед сном о том, чтобы проснуться в мире, где Патрик и Ханна. Этим сном я тоже перестала доверять. Раз они не привели меня к Элли, то куда же они ведут? Не надо снов, хочу только темноты и покоя, без всяких видений.

В следующие дни Сьюзен и Джина пытались вытащить меня из навалившейся депрессии. С каждым днем я все яснее осознавала, что, даже если бы мать снова предала Элли, девочка никогда бы не признала своей мамой меня. Одно дело привязанность и доверие. Другое – то, как она смотрела на маму, с какой надеждой, вопреки всему, что было. Слишком поздно, думала я. В этом возрасте она уже не сможет так полюбить другую.

Мы с Элли обменялись несколькими эсэмэсками; несмотря на острое чувство утраты, я все же радовалась за нее: у девочки все вроде бы складывается хорошо. Мамаша взялась за ум, и я ощущала облегчение, хотя и смешанное с ревностью. Какая-то часть меня – очень эгоистичная – втайне желала, чтобы ничего из этого не вышло, и тут-то подросла бы я и спасла Элли. Но ведь сценарий, в котором она вернулась домой, к любящей матери, гораздо лучше!

Я механически продолжала выполнять свою работу и не перезвонила Карен Дэвидсон, которая дважды оставила на голосовой почте сообщение о девочке-подростке, только что попавшей в систему усыновления.

– Очень хорошая девочка, – расписывала она. – Недавно умерла бабушка, которая ее воспитывала, остальные родственники отказываются, она впервые оказалась в такой ситуации. Уже три месяца живет на временном устройстве, ей нужна постоянная семья. Мне кажется, вы подходите друг другу идеально.

Наконец поздно вечером во вторник я перезвонила и услышала автоответчик: это упрощало зад ач у.

– Не считите меня легкомысленной, но я надеялась удочерить Элли, ту девочку, о которой мы с вами говорили, – надиктовала я. – Безусловно, я собираюсь взять ребенка и я бы хотела помочь той девочке, которую вы пристраиваете. Но мне нужно время. Простите. Мне правда очень жаль. Надеюсь, я этим все не испорчу. Я непременно перезвоню вам сразу же, как почувствую, что готова.

Едва повесив трубку, я испугалась, что совершила страшную ошибку, но все так запуталось. Наверное, мне вообще не следовало мечтать об удочерении Элли. Пока я не разберусь с собой.

В среду я пропустила занятия на курсах и оставила сообщение на автоответчике у Эндрю: я не смогу в четверг заниматься с Риэйджей и Тарексом. Он перезвонил, но я не взяла трубку. Прослушала его сообщение: да, он все понимает, никто меня не неволит, будут ждать, пока я сама

появлюсь. Почему-то от этого стало еще хуже. В пятницу мы встретились со Сьюзен в «Хаммерсмите» в скидочный час, и она напустилась на меня с места в карьер.

– Выкинь все это из головы, – потребовала она, не дожидаясь, пока Оливер принесет нам выпивку. – Все! И сны. И мысли о девочке, которая никогда не будет твоей. Избавься от этой одержимости, не загоняй себя в депрессию. Мама очень за тебя переживает, и я тоже.

– Да все со мной в порядке, – пробормотала я. Неужели она думает, будто все так просто? Что стоит мне щелкнуть пальцами – и мои проблемы исчезнут?

– Нет, не в порядке! – решительно заявила она. – Я же вижу. Послушай, я понимаю, ты хочешь стать матерью. Но есть же масса способов. Тебе выдали сертификат приемной матери. Извести их, что ты готова взять ребенка. Или обратиться в агентство по усыновлению, если хочешь ребенка насовсем. Но перестань цепляться за свои «видения». Это всего лишь сны.

– Ты не понимаешь, насколько реальны эти сны, – сказала я. – Я была уверена: они о том, что я нужна Элли. Но все рухнуло: нет ни Элли, ни моих снов, ни Патрика. Все оказалось неправдой.

Сьюзен вздохнула:

– Кейт, Патрика *нет*. Уже двенадцать лет. Это страшная беда, и мы все оплакиваем его. Но он не может приходить к тебе в снах. Сама понимаешь, как это нелепо. Ты нервничала перед свадьбой, потому что в глубине души понимала, что вы с Дэном не подходите друг другу, вот откуда эти сны – любой психолог подтвердит. Но теперь сны ушли. То есть подсознание говорит тебе: отпусти свои мечты и вернись к реальности.

– Легко говорить...

Возвращаясь домой в тот вечер, я все еще размышляла – обиженная и взволнованная – над словами Сьюзен. Неужели я действительно выгляжу такой жалкой? Я так глубоко задумалась, что не заметила ожидавшего на крыльце Эндрю, пока он меня не окликнул.

– Что ты здесь делаешь? – выпалила я и смутилась: прозвучало грубо, а я вовсе не хотела его обижать. Просто растерялась, увидев его вдруг перед своим домом вечером в пятницу. – Постой: что-то с Элли?

– Нет, – сказал он. – С ней, насколько я понимаю, все в порядке.

Надо же, нарядный, не такой, как обычно: голубая рубашка на пуговицах, серые слаксы. Вроде даже причесался.

– Ты такой нарядный! – сказала я.

Он оглядел себя так, словно уже забыл, что на нем надето.

– А, да. Шел на ужин.

Его ждет загорелая стройная блондинка. Наверное, уже сердится за опоздание.

– Так почему же ты не на ужине?

– Я позвонил и предупредил, что задержусь. – С минуту мы молча смотрели друг на друга, потом он быстро заговорил: – Кейт, ты пропустила занятие и оставила на автоответчике в моем кабинете сообщение – ночью в среду, – что на этой неделе ты не сможешь встретиться с Риэйджей и Тареком. А сегодня мне позвонила Карен Дэвидсон и сказала, что она тоже получила от тебя сообщение: у тебя был расстроенный голос, ты сказала, что пока не готова взять ребенка. Тогда я нашел твой адрес в личном деле и пришел сюда узнать, как ты.

Я уставилась на него, потом опустила глаза и понурилась.

– Любезно с твоей стороны. – Не дожидаясь ответа, я обошла его и открыла дверь в подъезд. – Зайдешь ко мне?

Он молча последовал за мной. Войдя в квартиру, с любопытством огляделся. Я проводила его в гостиную, и мы устроились друг напротив друга, я на маленьком диванчике, он на большом.

– Симпатично тут, – заметил он.

– Спасибо. – Мне вдруг стало неловко.

– Кейт, – подбирая слова, заговорил он. – Ты расстроена. Давай поговорим. Это из-за Элли?

Я всматривалась в его лицо: осуждает он меня или, может быть, жалеет? Но не увидела ничего, кроме тревоги, и снова опустила голову.

– И да и нет. То есть мне казалось, это все затем, чтобы я ей помогла.

– И ты помогла.

– В смысле, я думала, мне назначено взять ее к себе. Стать для нее матерью. Но, как выяснилось, в этом качестве я ей не нужна. И теперь я чувствую себя...

Я замолчала, но Эндрю кивнул: он все понял и ждал продолжения.

– Чувствую себя потерянной, – еле слышно закончила я, ощущая, как глупо это звучит.

– Ты не потеряна, Кейт, – произнес он, помолчав. – Судя по всему, что я видел за последние два месяца, я бы скорее сказал: ты нашлась. Ты оказалась именно там, где должна быть.

– Где же? – В моем голосе прорывалась обида. – В одиночестве?

– Нужно только верить, что жизнь сложится так, как назначено, – невозмутимо продолжал Эндрю. – Значит, не было так задумано, чтобы Элли жила с тобой. Но она открыла тебе что-то в тебе самой. И ты тоже

помогла ей исцелиться. Возможно, в этом и состоит замысел жизни.

– Замысел жизни? Какой же это замысел! – вскрикнула я. – Чтобы мой муж погиб? Чтобы я не могла родить ребенка? Чтобы я в сорок лет осталась одна?

– Откуда нам знать, – спросил Эндрю, – в чем этот замысел?

– Да что ты пытаешься доказать? – возмутилась я. – Что смерть Патрика – благо? Что я радоваться должна, убив двенадцать лет на то, чтобы прийти после его смерти в себя? Что теперь передо мной радужные перспективы? Ты уж извини, но я ни во что подобное не верю.

Случись такой разговор у нас с Дэном, на этом месте он бы пожал плечами и вышел, раздосадованный. Но Эндрю остался сидеть на диване.

– Конечно, ты сердишься, и ты в своем праве, – ответил он. – Жизнь была к тебе несправедлива. Но что, если твои сны – правда?

Я тотчас перестала кипятиться:

– Как это?

– Нам не дано судить, что правда, а что нет. Возможно, это не просто сон. Что, если существует другой мир, в котором мы могли бы жить? Или даже ты в самом деле видела рай, где живет Патрик. Его версию рая. Но пора выбирать, Кейт. Хочешь ты жить этой жизнью, здесь и сейчас, где ты можешь что-то сделать, кому-то помочь? Или предпочтешь ту, которая могла быть, где ты – не совсем ты?

Я вспомнила того Эндрю, которого видела во сне: человека, не имевшего ни грана той страсти, что ведет по жизни этого Эндрю. Подумала о том, что поступаю дурно по отношению к Патрику, не позволяя утрате сделать меня лучше, чем я была. Он заслужил большего, мой Патрик, – и я тоже.

Я уперлась взглядом в коленки. Эндрю, наверное, считает меня слабой и жалкой, я и сама почти презирала себя.

– Хочешь что-нибудь выпить? – предложила я, наконец-то вспомнив о вежливости.

– Нет, спасибо. – Эндрю поднялся. – Пора на этот самый ужин. Я только хотел проверить, как ты тут.

Разочарование застало меня врасплох. Уходит? Ну, разумеется, ему пора.

– Прости, что набросилась на тебя, – негромко извинилась я.

– Кейт, ты имеешь полное право! И сердиться, и делать ошибки. Так устроена жизнь. Почаще высказывай вслух все, что накопилось: это у тебя очень сексуально выходит.

– Ох! – спохватилась я, щеки заалели. – Ясно. Ладно, что ж, спасибо,

что проведаль меня. Очень тронута.

– Кейт, – заговорил Эндрю и на миг умолк, просто смотрел на меня. Почему-то сдавило грудь. – Кейт, – снова начал он, – как ты налаживаешь контакт с этими детьми – это что-то поразительное. Давно хотел сказать. Ты умеешь как никто подобрать к ним ключик.

– Это музыка, – пробормотала я.

– Нет. Это ты.

Его похвала много значила для меня, ведь я знала, что он говорит искренне.

– На следующей неделе я вернусь в Святую Анну, – пообещала я. – Честное слово. Мне просто нужно было прийти в себя.

– Повидайся с Элли. Это вам обоим будет на пользу.

– Обязательно, – кивнула я.

Я проводила его до двери, и, когда открыла и обернулась попрощаться, его лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от моего, и в этот странный, застывший миг мне показалось: сейчас он меня поцелует. Безумие – тем более что этого мне очень хотелось.

Мы смотрели друг на друга не шевелясь, наверное, полных шестьдесят секунд. Потом Эндрю моргнул и отступил на шаг.

– Надо идти. Береги себя, Кейт.

– Хорошо, – сказала я вслед ему. – И ты тоже.

Он ушел. Я еще долго смотрела ему вслед. Это электричество в воздухе между нами – правда или тоже плод моего воображения?

Глава 30

На следующее утро я поехала в Глен-Коув повидать Джоан. Всю дорогу я ловила себя на мыслях об Эндрю. Как он выглядел в этой небесно-голубой рубашке. Как понял меня и не развернулся и не ушел, когда я обрушила на него свою досаду. И что я почувствовала, когда мы встретились взглядами на пороге. И как мне стало одиноко, когда он ушел. Даже когда я подходила по дорожке к дому Джоан, к дому, в который я столько раз приезжала с Патриком, я видела перед собой лицо не Патрика, но Эндрю. И вины за это, как ни странно, не чувствовала.

Я не позвонила заранее и застала Джоан врасплох.

– Кейт! – воскликнула она. – Какими судьбами?

– Надеюсь, я тебе не очень помешала, – сказала я. – Просто подумала, что давненько тебя не видела, и решила заглянуть.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Что ж, лапонька, заходи.

Она повела меня в гостиную, и, проходя через кухню, я заметила посуду в раковине и несколько тряпок на кухонном столике.

– Что-то стряслось? – спросила я, как только мы устроились на диванчике.

– Откуда ты узнала? – ответила она вопросом на вопрос.

– Что? – Но я уже *знала*, о чем пойдет речь.

– О раке груди, – тихо напомнила она. – Ты сказала, мне надо провериться. У тебя было предчувствие. И ты оказалась права, Кейт. Два дня назад мне перезвонили. Третья стадия. Нужно как можно скорее начинать лечение. Если опухоль немного уменьшится, можно будет сделать операцию.

– Джоан!

Меня охватило чувство вины. Плохо я за ней присматривала! Но мысль о снах я тотчас отогнала – *не могут они быть правдой. Просто совпадение*. А вот Джоан давно было пора отправить на маммографию, не дожидаясь указаний во сне. Когда Патрик умер, я дала слово заботиться о его родителях. Я обманула Патрика.

Словно угадав мои мысли, Джоан подалась ко мне и сказала:

– По правде говоря, Кейт, я бы не пошла на маммографию, если б не твоя настойчивость. Я прекрасно себя чувствовала, а ты мой девиз знаешь: не чини, пока не сломалось.

Я кивнула. Джоан – стойк. Она и с гриппом врача не вызовет. Мне следовало догадаться, что на диспансеризацию она не ходит.

– Но ты поправишься, да? Что говорят врачи? Лечение тебе поможет?

Джоан снова уставилась на свои руки, потом выдавила улыбку:

– Они говорят, что на третьей стадии выживаемость составляет примерно сорок процентов. Но другие факторы риска, в том числе возраст, неблагоприятно влияют на прогноз.

Слезы подступили к глазам.

– Все будет хорошо, Джоан. Я знаю.

– Наверное, лапонька. А если не получится, значит, я скоро свижусь с мужем. И с Патриком.

– Нет! – резко ответила я. Порой и мне хотелось уйти отсюда, хотелось поскорее умереть, отправиться к Патрику. Но я умею ценить жизнь и не позволю Джоан так легко сдаться. – Ты должна бороться, Джоан. Бороться и победить.

– Непременно, дорогая. Конечно, я буду все выполнять. Но не сравнивай себя и меня: мне жить уже не для кого.

– Как это! – Я возмутилась. – У тебя есть я.

– Кейт, тебе пора строить собственную жизнь. Не нужно чересчур волноваться из-за бывшей свекрови. Может быть, все к лучшему.

– Ты не *бывшая*. – Я сделала глубокий вздох. – Ты мне родная, навсегда. И вот что я думаю: лучше тебе пока пожить у меня.

– Ну что ты! – Мое предложение явно застало ее врасплох.

Мысли прыгали. Сны – чем бы они ни были – привели меня сюда, заставили отправить Джоан на маммографию. Сны показали мне, что с Дэном у меня не будет семьи. Из-за них я разобрала гостевую комнату, надеясь поселить в ней Элли. Теперь я понимала, что удочерить Элли мне не было предназначено, значит, наверное, предназначено *это*. Джоан и есть та семья, о которой я должна в первую очередь позаботиться.

– Послушай, – увереннее заговорила я, – места полно. Дэн съехал, для меня одной квартира великовата. Химиотерапию тебе предстоит проходить в городе. Нельзя же все время мотаться туда-сюда. Поселишься у меня хотя бы на время лечения. Будем бороться плечом к плечу.

– Кейт, я не могу так вторгаться...

– Какое вторжение? Я же сама тебя приглашаю. Даже настаиваю. Переезжай ко мне. Я хочу тебе помочь.

Джоан все еще сомневалась:

– Разве что ненадолго.

– Ты сама решишь на сколько, – так же решительно продолжала я.

Ведь именно этого хотел бы Патрик. И я сама этого хочу.

Я припомнила, как накануне Эндрю рассуждал о предстоящем мне выборе. Не могу же я каждый раз, когда что-то не ладится, прятаться в том мире, к которому я не принадлежу. Значит, я остаюсь здесь и постараюсь помогать Джоан, быть надежным другом Элли, буду работать с детьми, с Максом и Лео и девочками. Останусь в мире, где Эндрю занялся социальной работой, где я – это я.

Я сделала выбор: здесь и сейчас. Вернуть Патрика не в моей власти, так что пора строить жизнь без него. Реальную жизнь.

С этого и начнем.

* * *

Во вторник Джоан закрыла дом в Глен-Коуве и переехала ко мне в гостевую комнату, прихватив с собой всего четыре чемодана: одежду, туалетные принадлежности, книги.

– Неужели тебе ничего больше не нужно? – удивилась я, помогая ей разобрать вещи. – Давай в пятницу вечером съездим еще раз, когда я вернусь с работы.

– Кейт, этого более чем достаточно. Я на всякий случай и зимнее пальто взяла.

Накануне я побывала с ней на «военном совете», как выразилась Джоан, – с онкологом и рентгенологом, – и мне стало легче. Оба они – рентгенолог, доктор Хабаб, моя сверстница, и онколог, доктор Гольден, мужчина лет пятидесяти со смеющимися глазами, – были полны оптимизма и твердо намеревались вытащить Джоан из болезни.

– Не беспокойтесь, миссис Уэйтмен, – сказала доктор Хабаб, похлопав Джоан на прощание по плечу. – Мы этому раку задницу надерем.

– Ой! – вскрикнула от неожиданности Джоан.

– Пардон за грубое выражение, – извинилась доктор Хабаб, – но пусть ваш рак знает: мы объявляем ему войну. И не отступимся.

– Она хорошая, – сказала Джоан, выйдя из кабинета и крепко пожимая мне руку.

Первый сеанс химиотерапии назначили на пятницу, а сегодня в обед я должна была встретиться с Джиной и все ей рассказать. Я шла к нашему излюбленному ресторанчику на углу 2-й и 52-й, вдыхая легкий аромат ранней осени, и вдруг почувствовала, что походка моя вновь сделалась упругой.

– Знаю-знаю, я отмахивалась от твоих снов, но, кажется, они и в самом деле что-то тебе подсказывали, – заговорила Джина, когда мы устроились за столиком. – Ты ведь сейчас стала счастливее, чем несколько месяцев тому назад, правда?

– Стала, – кивнула я. – Мне кажется, я не решалась вдуматься и признаться себе, что живу в лучшем случае вполсилы.

– А сны тебя разбудили, – улыбнулась Джина.

– Вот именно. – По крайней мере, я перестала жить по инерции, упуская все самое для себя важное. Теперь мне явно лучше, но пока что очень одиноко, тем более что и сны прекратились. – Но мне чего-то не хватает, – продолжала я. – То есть вроде бы жизнь вошла в новую колею, но не совсем.

– Наверное, это потому, что пора снять замок с сердца, – невинно заметила Джина, прячась за меню.

– Ты о чем? – удивилась я. – А, Джина?

Она опустила меню и поглядела на меня, словно бы недоумевая.

– Об этом Эндрю, – как о само собой разумеющемся ответила она.

– Что – об Эндрю?

– Он тебе нравится.

– Ты что! Ничего подобного. Он мой коллега, вот и все.

Джина молча подняла бровь. Видимо, ждала продолжения, так что после паузы я добавила:

– Ладно, хорошо, очень привлекательный коллега. И добрый. И любит детей.

– Ну и?..

– Ну да, верно, он замечательный, – забормотала я. Джина с торжеством глянула на меня:

– Так почему бы не попытаться?

– Мне кажется, у него кто-то есть.

– Сто процентов?

Я призадумалась:

– Не знаю.

– Ну так чем ты рискуешь? Он скажет, что у него уже есть подружка? Попытка не пытка. – Она не дала мне возразить: – Кейт, прошу тебя, возьми жизнь в свои руки, пока не поздно.

Я призадумалась.

– Ладно, – согласилась я наконец и уткнулась в меню, но Джина накрыла мою руку своей.

– В чем еще дело? – спросила она. – Выкладывай!

И я наконец высказала вслух мысль, которая мучила меня много лет.

– Мне кажется, это несправедливо – мне жить полной жизнью, быть счастливой, когда жизнь Патрика так рано оборвалась. Это нечестно.

Вина, которую я так долго держала в себе, выплеснулась наружу. Я поспешно стерла слезу со щеки. Глянула на Джину – глаза у нее тоже были на мокром месте.

– Пришла пора его отпустить, – непререкаемым тоном заявила она. – Мне это было сложнее всего – отпустить и не думать, будто я предаю Билла, если живу своей жизнью. Но ведь этого Билл и хотел бы для меня, я же понимаю. И Патрик для тебя.

Я вспомнила слова, которые сказал мне Патрик во сне: *Я хотел бы для тебя счастья – каково бы оно ни было.* Почему я не прислушалась к ним, а искала в снах каких-то таинственных смыслов? Может быть, главный смысл – вот он?

– Но я совершенно сбита с толку, Джина, – вздохнула я. – Я снова наделаю ошибок.

– Можно подумать, я никогда не ошибаюсь! – фыркнула она. – Кейт, я уже тысячи ошибок в своей жизни сделала. Или миллион. Как любой живой человек. Но кто избегает ошибок, тот ничему не учится. Так жизнь устроена. И сны твои, возможно, об этом же, откуда бы они к тебе ни пришли. Может быть, Патрик хочет тебе напомнить: надо жить. Остальное зависит только от тебя.

– А если я не пойму как? – спросила я.

Джина улыбнулась:

– Начни с Эндрю, дальше разберемся.

* * *

В тот вечер, закончив занятия, я сидела у себя в кабинете и поглядывала на телефон, как пугливая девочка-подросток. Раз десять уже снимала трубку и снова клала. Хотела позвонить Эндрю, но боялась. Вернее, паниковала. И все же, повинуясь совету Джины, я дала себе слово: не возвращаться домой, пока не соберусь с духом и не сделаю этот звонок.

Я глянула на часы. Без малого семь, с большой вероятностью Эндрю уже ушел с работы. Тогда у меня есть выход для слабаков: оставлю сообщение на его рабочем телефоне и предоставлю ему решать. Отзвонит – все-таки отважусь пригласить его на ужин, нет – сразу пойму, какая я дура, что на что-то надеялась.

Не давая себе времени передумать, я схватила трубку и набрала номер в полной уверенности, что попаду на автоответчик. Я была настолько не готова услышать самого Эндрю, что, когда он откликнулся после первого же гудка, растерялась и не знала, что сказать.

– Э, – только и произнесла я в трубку.

– Алло! – повторил Эндрю.

– Э, – повторила я. Потом набрала в грудь побольше воздуха и выпалила: – Э-это Кейт!

Так торопилась, что оба слова слились в одно.

– Кейт? – Он был удивлен. – Привет. Как дела?

– О, у меня все хорошо, задержалась немного на работе и подумала, не позвонить ли тебе, думала, наверное, ты уже ушел, а ты оказался на месте и взял трубку, и вот мы сейчас говорим... – Меня понесло. Я даже в лоб себе вlepила трубкой: «Соберись, Кейт!»

– Спасибо за подробный ответ, – фыркнул Эндрю. Я расслышала в его голосе улыбку, и мне стало чуточку легче.

– Так вот, – сказала я.

– Так вот? – повторил он.

Я зажмурилась.

– Я просто... просто хотела тебя спросить.

– Я весь внимание.

Но я еще помолчала, потому что впервые поняла, что с ним все по-другому, чем с Дэном. С Дэном меня никогда вот так не трясло. Потому что сейчас на карту поставлено что-то очень, очень важное. И мне страшно. Навстречу Дэну я двигалась на автопилоте, отключив эмоции, но с Эндрю... если я откроюсь, а он меня отвергнет, это будет по-настоящему больно.

Но, в конце концов, не в этом ли смысл жизни? Открываться, подставляясь риску утраты и разочарования. Патрик как-то сказал: «Думаю, жизнь, в которой не приходится ставить на карту свое сердце ради того, что тебе дорого, мало чего стоит». Эти слова звучали сейчас в моей голове, как будто Патрик шептал их мне на ухо. Как странно: его голос подталкивал меня навстречу Эндрю. Но, может быть, Джина права? Наверное, он хотел бы этого для меня. Чтобы я была счастлива. Жила полной жизнью.

– Кейт? – негромко окликнул Эндрю, вторгаясь в мои мысли. – Ты еще тут?

– Так вот я и подумала... – с ходу продолжала я, – точнее, я хотела, наверное, вот о чем хотела спросить: если у тебя нет подружки, может

быть, ты бы...

– Кейт! – перебил он меня, не давая окончательно скатиться в идиотизм. – У меня нет подружки.

– О! – Я запнулась. – Я... я думала, я почему-то решила, что та девушка, с которой я видела тебя в баре...

– Друг хотел нас познакомить. Мы дважды встречались, но никаких флюидов.

Я нахмурилась. Как это «никаких флюидов», если она выглядит, словно супермодель?

– Допустим, а как насчет девушки, чей голос я слышала в тот вечер, когда позвонила тебе по поводу Элли...

Эндрю смущенно хмыкнул:

– Герлфренд, да, с которой были отношения, потом прерывались, потом кое-как наладились, а в общем-то ничего хорошего. Наутро я сказал ей: пора с этим заканчивать.

– Так и сказал?

– Мне другая нравится, – сообщил он. – И в ту ночь я, кажется, понял, как сильно она мне нравится.

– О! – в замешательстве пробормотала я. – Это хорошо. Тогда... ну, если ты когда-нибудь... если тебя это интересует... может быть, мы могли бы...

– Очень интересует! – в очередной раз перебил он меня, и я снова услышала в его голосе улыбку.

– О! – повторила я. Опять вдохнула, понимая, что от следующих слов зависит новая для меня жизнь, в которой мой выбор снова будет иметь значение, мое сердце будет поставлено на карту, жизнь, где я буду жить – снова жить, жить *впервые* – за долгие годы. Я снова в игре – не важно, ждет ли меня выигрыш, проигрыш или ничья. – Я хотела спросить...

– Кейт! – На этот раз он решительно меня остановил. – У тебя это потрясающе нелепо выходит. И слава богу, потому что я хотел быть первым, кто задаст этот вопрос. Только боялся, что ты еще не готова. Итак... если ты готова...

Теперь уже он нервничает, а я улыбаюсь, слушая, как дрожит его голос.

– Как насчет ужина? – спросил он. – Свидание. Настоящее свидание. Ты и я. Ты... ты нравишься мне, Кейт. И я бы хотел понять, как оно может у нас сложиться, если дать нам шанс. – После паузы он добавил: – Если ты этого хочешь.

– Я хочу, – тихо подтвердила я. Прикрыла глаза и улыбнулась. Самое

начало. Нам не дано знать, что из этого выйдет, но я готова попытаться, оставить Патрика в прошлом, прекрасном прошлом, и жить в настоящем, строить свое будущее. – Завтра вечером, например?

– То есть после занятий с невероятно красивым и очаровательным преподавателем языка жестов? – с напускной серьезностью уточнил он. – Которого ты будешь, конечно же, пожирать глазами весь час до самого свидания?

– Ну конечно, – рассмеялась я.

– Тогда ответ положительный. Завтра подходит. Только не думай, что отделаешься формально-деловой беседой лишь потому, что мы встречаемся после занятий. Я закажу столик, и у нас, моя юная леди, будет настоящее первое свидание, даже и не спорьте. И пусть Эми до конца семестра думает, как избавиться от соперницы.

– Договорились! – Улыбка сама растягивала мне губы.

– Значит, до завтра, Кейт. Очень рад, что ты решилась и позвонила.

– И я рада. – Внутри трепетали тысячи крылышек – а я и не думала, что бабочки еще живы. Прикрыв глаза, я откинулась на спинку стула. Да, я готова. Теперь я вижу, что готова. – Спасибо, Патрик! – сказала я.

И тут из дверей донеслось:

– Что с вами?

Я раскрыла глаза и увидела Элли – взъерошенную, перепуганную.

Я вскочила:

– Ничего, ничего. Ты как здесь оказалась? С тобой все в порядке? Где мама? Как ты узнала, где я работаю?

Элли, скорчив гримасу, вошла в кабинет.

– Я умею пользоваться Гуглом. Вы – Кейт Уэйтмен, музыкальный терапевт. Адрес и все остальное. Не бином Ньютона.

– Поняла. Но зачем я тебе понадобилась? Что случилось? – Я оглядела девочку.

– Мне нужна ваша помощь.

Сердце пропустило удар.

– Что-то с мамой? – Едва эти слова вырвались у меня, я почувствовала, что надеюсь на отрицательный ответ, то есть и эту развилку я благополучно миновала.

– Не в этом дело. Мама в полном порядке. Беда у подруги.

– У Беллы? – встрепенулась я.

– Да. Она тоже на попечении, как я была, вы же помните.

– Помню.

– С ней вот как получилась: ее опекуном была бабушка, но она умерла

месяца четыре назад, и Белле некуда было деваться, она попала в систему. Ей до сих пор никак не найдут приемную семью.

– Это очень грустно, – пробормотала я. – Но что сейчас случилось? С ней все хорошо?

Элли притопнула кроссовкой.

– Физически да. То есть она здорова, если вы об этом. Но она поехала на разговор со своей мамой. С биологической матерью. Не стала меня слушать, сколько я ее ни отговаривала. Все эти годы она думала, что мама умерла, но увидела ее на бабушкиных похоронах, где-то в задних рядах. С тех пор Белла сама не своя. А мама ей даже слова не сказала.

– Кошмар какой!

– Понятное дело. И Белла решила пойти и спросить у нее, почему та ее бросила, совсем маленькой. Хочет наорать на нее или не знаю что. Она искала ее в «Фейсбуке» и в «Твиттере», прошлой ночью вычислила, где мать работает, и сейчас едет к ней, хочет устроить скандал.

– Только не это!

Элли кивнула:

– Я боюсь за нее. Она может пострадать. Нет, не физически, разумеется, но...

– Ты хочешь ее остановить?

Элли кивнула.

– Вы мне поможете? Я знаю, это не входит в ваши обязанности, но я не придумаю, как к ней подступиться, а вы умеете делать так, чтобы человеку стало лучше. Я подумала, может, вы сообразите, что ей сказать.

– Ох, Элли! – вздохнула я. Она пришла ко мне – сама так решила, – чтобы уберечь подругу от горя. От гордости за эту девочку заняло сердце. Поспешно встав, я схватила куртку. – Конечно, постараюсь помочь. Идем.

Глава 31

По дороге Элли снабдила меня всеми подробностями. Биологическая мать Беллы работала в баре на 1-й авеню, в нескольких кварталах от моего офиса, ее смена начинается в 19:30, то есть через двадцать минут. Элли надеялась, что мы подоспеем вовремя, чтобы перехватить Беллу и как-то ее успокоить.

– А может, лучше будет, если она поговорит с матерью начистоту? – решила я сыграть адвоката дьявола, пока мы торопливо шагали по улице. – Почему ты уверена, что это причинит ей боль?

Элли покачала головой:

– Не-не. Ничего хорошего. Мать отказалась от Беллы, когда той было чуть больше года, потому что она глухая. Она *нехорошая* женщина. Выбросила ребенка просто потому, что он не идеальный.

Я резко остановилась, Элли тоже.

– В чем дело? – дрожащим голосом спросила она. – Надо спешить.

– Элли, – медленно проговорила я. – Ты ведь знаешь, что для меня ты – идеальная?

Она фыркнула носом и отвернулась:

– Глупости.

– Нет, не глупости! – твердо возразила я. – Теперь ты вернулась к маме, у вас все хорошо, и я счастлива за тебя. Но хочу, чтобы ты знала: я готовилась оформить опеку над тобой. Я только об этом и мечтала. Что угодно сделала бы, лишь бы ты стала моей приемной дочкой.

Она сморгнула:

– Но... я ведь вам поначалу грубила.

– Но я-то видела тебя насквозь, детеныш, под всеми слоями брони! Ты – хороший человек, и мне важно, чтобы ты всегда это помнила, что бы ни случилось.

– Угу, да-а. Вы тоже хорошая! – выпалила она и вдруг крепко меня обняла. – А теперь пошли! Нужно найти Беллу.

Я кивнула, и мы прибавили шаг. Обувь у меня была не слишком для этого подходящая. Не шпильки, но все же изрядные каблуки, и ноги уже разболелись. Элли в своих конверсах представления не имела о моих страданиях и торопилась на выручку подруге. Я как могла поспешала за ней.

Наконец мы свернули за угол на 1-ю, и Элли указала пальцем:

– Вон там. Бар, где работает Беллина биологическая мать.

Я подняла глаза и чуть не задохнулась. Облупленная вывеска «Никель Нелли», здание напоминало тот убогий ресторанчик, где Элли пряталась в июле в Квинсе. Что-то неуловимо знакомое, что-то шевельнулось в глубине памяти, – хотя я совершенно точно никогда здесь не бывала.

– Ты мне рассказывала об этом месте? – спросила я Элли. – Мне кажется, я его узнаю.

Элли покачала головой.

– До сегодняшнего дня и не слыхала про него. И Белла тоже.

– Странно, – пробормотала я.

– Подождем на улице, пока Белла подойдет? – предложила Элли. – Или войдем? Как лучше?

Я приоткрыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле: из-за угла 1-й и 57-й вывернула знакомая на вид женщина, она шла прямо на нас, ко входу в «Никель Нелли». Руки в карманах, голова опущена, прямые волосы повисли вдоль усталого лица. Не сразу я сообразила, кто это, – главным образом потому, что она так сильно постарела. Но когда сообразила, сердце замерло, и в тот миг, когда женщина подошла к двери бара, я громко выдохнула. Она подняла глаза и узнала меня; лицо ее передернулось от неприязни.

– Кейт, – без выражения произнесла она, замерев.

Я кивнула, ошеломленная. Меня отбросило в прошлое, в тот день, без малого тринадцать лет назад, когда я увидела ее в первый раз.

– Кэндис? – выговорила я наконец. – Кэндис Белазар?

Прежняя подружка Патрика, с которой он встречался до меня, из-за которой мы поссорились в ночь накануне его смерти. И хотя наутро мы помирились, я так и не простила этой женщине ту ссору в нашу последнюю ночь.

– Я-то думала, когда же ты явишься, – усмехнулась она, оглядывая меня с головы до пят. Странное дело, совсем не удивилась, как будто бы ждала. – Всего-то двенадцать лет подождать пришлось, – продолжала она. – Дел у тебя, должно быть, навалом.

– Ты все еще сердишься на меня? – спросила я. Патрик расстался с ней за два месяца до того, как мы познакомились, но она всегда вела себя так, словно я вырвала парня у нее из рук.

Она словно не слышала моего вопроса.

– Твоя девчонка? – кивнула она в сторону Элли, которая во все глаза смотрела на нас обеих. – Тогда ясненько.

Я покачала головой, так и не поняв причину ее гнева.

Элли потянула меня за рукав, точно хотела о чем-то предупредить, но не могла отвести глаз от Кэндис и пыталась понять, что происходит.

– Кэндис, я понятия не имею, о чем ты говоришь, – сказала я.

Она театрально закатила глаза:

– Ну конечно, ты ведь понятия не имела, что у нас с Патриком не просто роман. Тебя это не больно волновало.

Меня охватил гнев – и собственнический инстинкт.

– Мне жаль, если тебя это огорчило. Но у вас с Патриком все было кончено задолго до того, как появилась я. Да и длилось оно недолго. Давно пора забыть.

Она рассмеялась:

– Пора, думаешь? Спасибо за совет. – Она покачала головой, и на краткий миг я увидела печаль, тут же сменившуюся усмешкой. – Впрочем, уже поздно. Я понятия не имею, где она теперь.

Я вообще перестала ее понимать.

– О ком ты понятия не имеешь?

Она снова закатила глаза, а Элли дернула меня за рукав с такой силой, что пришлось оглянуться.

«Откуда вы ее знаете? – быстро спросила она на языке жестов. – Это ведь мать Беллы».

Я уставилась на Элли в полной растерянности. «Мать Беллы?» – так же переспросила я. Элли говорила, что Белле тринадцать, то есть она родилась за год до смерти Патрика. Будь у Кэндис ребенок, Патрик непременно сказал бы мне об этом! Мы ничего друг от друга не скрывали, да я бы и повеселилась слегка, узнав, что его бывшая ухитрилась забеременеть сразу после разрыва.

«Точно, – продолжала Элли. – Я видела фотографию в “Фейсбуке”. Это она».

Кэндис прервала нас презрительным смешком.

– Вот как? – с горечью спросила она. – Выучила-таки язык жестов ради глухой девчонки. А когда твоя помощь нужна была моему ребенку, к тебе и подступиться было нельзя?

Я даже не обиделась – так поразили меня ее слова.

– Твоему ребенку нужна была моя помощь?

– Дурочку будешь из себя строить? Через столько лет?

– Сколько раз тебе повторять: я понятия не имею, на что ты намекаешь! – огрызнулась я. Но внутри все сжалось. Я неотрывно смотрела на Кэндис. Пока не могла понять, к чему она клонит, но предчувствовала: это изменит мою жизнь. – Элли говорит, что ты – мать Беллы.

– Белла? – переспросила Кэндис. – Кто это?
Мы с Кэндис обменялись озадаченными взглядами.
– Тогда о ком ты сейчас говорила? – спросила я.
– О Ханне, разумеется, – ответила Кэндис.
Горло сдавило – не продохнуть.
– Ханна? – переспросила я шепотом.
– Комедию ломаем? – Кэндис возмущенно вскинула обе руки. – Прикидываешься, будто в первый раз о ней слышишь?
– Ханна? – повторила я. – Ханна существует на самом деле?
– А ты решила, что я все выдумала? Я, конечно, не ангел и много дров наломала, но я сказала Патрику, что у него есть дочь, ясно? Даже не пытайся обвинять меня, будто я это скрывала.
– Подожди, подожди! – Я с трудом шевелила губами. Элли снова дернула меня за руку, но я этого почти не почувствовала. Только твердила про себя: «Ханна, Ханна, Ханна!» Имя отдавалось у меня в голове раскатами эха. Я сильно себя ущипнула – не сплю ли? – но я не спала. Кэндис Белазар стояла передо мной наяву и утверждала, что у Патрика есть дочь – Ханна. А я никак не могла это осмыслить.
– Кейт! – крикнула мне Элли и дернула так, что рука чуть не вышла из сустава. Я обернулась, и она знаками торопливо сообщила: «Она говорит о МЛП. Ханна Белазар. “Белла” – потому что Белазар».
У меня челюсть отвисла. Я уставилась на Элли. Потом вновь сосредоточилась на Кэндис.
– У Патрика была дочь Ханна? Ты это хочешь мне сказать? – спросила я. – У него действительно есть дочь?
Впервые на лице Кэндис проступила нерешительность:
– Постой, он же тебе сказал? Или нет? Он обещал поговорить с тобой.
Сердце частило, на миг острой болью резанула мысль о предательстве. У Патрика был ребенок, как же он мог не сказать мне? Это невозможно! Мы делились всем. Чтобы Ханна существовала реально, а Патрик от меня это скрыл – нет, этого я принять не могу.
– Ей тринадцать, – уточнила я наконец. *Как и Ханне из моих снов.*
Кэндис почему-то глянула на Элли, потом на меня.
– Да. И что с того? – пожала плечами.
– Патрик знал о ней с самого ее рождения? – Мне было больно произносить эти слова.
Кэндис отвела взгляд, потом смущенно посмотрела на меня:
– Не совсем.
– *Не совсем?*

Она снова пожала плечами.

– Я сообщила ему, когда ей было год и два месяца. Ясно? Просто не могла больше справляться одна. Когда выяснилось, что она глухая.

Элли застыла и только глазами сверкала. А я от изумления утратила дар речи.

– Когда? – еле выговорила я. – Когда именно ты сказала Патрику?

Кэндис поморщилась, опустила глаза.

– Накануне. Перед тем как он... Я просила его забрать ребенка.

Только тут я все поняла. Эту ссору с Патриком в нашу последнюю ночь: значит, он засиделся за разговором с Кэндис и даже не сумел позвонить и сказать мне, куда подевался. Вот почему он так смотрел на меня, предупреждая, что собирается поговорить о чем-то очень важном.

Он не успел рассказать мне о Ханне. *Но собирался это сделать.*

– Я спросила, готов ли он забрать ее, – продолжала Кэндис, словно не замечая, что со мной творится. – Конечно, это было для него неожиданностью, однако он сказал, что непременно заберет, если только ты согласишься. Обещал поговорить с тобой.

– Он так и собирался сделать, – прошептала я.

Она меня не слушала.

– Он был счастлив, можешь себе представить? Счастлив узнать о ребенке, хотя и обиделся, что я сразу ему не сказала.

Я не чувствовала ни рук, ни ног, они словно отнялись. Останься Патрик жив, в тот же вечер он спросил бы меня, согласна ли я взять Ханну. Я бы сказала – «да», и стала бы ее матерью, как в моих снах.

– Зачем ты так тянула? – спросила я. – Почему не сказала ему сразу, как узнала о беременности?

Я готова была удушить ее. Смерть Патрика – что ж, это судьба. Но отнять у него ребенка – это было в чистом виде решение Кэндис. Да, моя жизнь осложнилась бы с появлением ребенка, но Патрик за год с лишним успел бы узнать свою дочь. Кэндис лишила его этого. Нас *обоих* лишила.

Пожав в очередной раз плечами, она отвернулась.

– К тому времени Патрик меня бросил, ясно? Должна же у девушки быть какая-никакая гордость. И мой новый парень, Карл, сказал, что не против растить ее как свою, лишь бы Патрик про нее не прознал. Карл – он боялся, что Патрик нам все испортит, что я снова с ним закручу или еще что.

– Почему же ты передумала?

Она уставилась на меня как на дуру:

– У меня нет страховки. И Карл сказал, он не станет тратить на

чужого ребенка. Так что вариантов у меня не оставалось, сама понимаешь. Я постаралась сделать, как для нее же лучше.

– Да уж, ты святая, – буркнула я.

– Кто бы говорил, – сощурилась она.

Я не знала, что на это ответить. Только качала головой, все еще не до конца веря.

– Но что же с ней было? С Ханной?

– Понятия не имею. Я отдала ее матери, а потом мать перестала общаться со мной, когда родились Тэмми и Сэнди. Мол, их я тоже воспитать не сумею, а ей троих не поднять. Я послала ее к черту, и на этом все.

– Тэмми и Сэнди?

– Мои близняшки. Нормальные. Извини, если обидела. – Она быстро глянула на Элли, и я тоже: девочка того и гляди взорвется и врежет Кэндис по физиономии. И я не стала бы ее осуждать. Может, и от себя добавила бы.

– Словом, – продолжала Кэндис, – мать обозлилась, с чего я этих оставила себе, а Ханну повесила на нее. Но с ними-то было легче, сама понимаешь. А теперь мать умерла, и как дальше с Ханной, я не знаю.

– То есть ты попросту позволила, чтобы ее забрали социальные службы? – возмутилась я. – Ты даже не пыталась ее найти?

– Нечего передо мной праведницу разыгрывать, Кейт. Тебе она тоже не понадобилась.

– Неправда! – сжала я кулаки. – Я даже не знала о ее существовании. Патрик не успел мне рассказать. Я бы сразу забрала ее. Как ты не понимаешь?

На этот раз мне удалось пробить брешь.

– Я думала... – неуверенно пробормотала Кэндис.

Я открыла рот, чтобы окончательно ее пригвоздить, но Элли шагнула между нами и потребовала:

– Сейчас же замолчите обе. Она тут. Белла пришла.

Я обернулась, и словно в замедленной съемке увидела Ханну – мою Ханну, в точности из снов. Она вывернула из-за угла и шла к нам, сжимая в руке карту. Я смотрела затаив дыхание: вот она подняла голову и глянула на Кэндис. Губы у нее задрожали: она узнала мать, женщину, которой хотела высказать свое негодование. Я видела боль в ее глазах.

А потом взгляд девочки наткнулся на Элли, и на лице Ханны – самом прекрасном в мире – промелькнуло замешательство. Наконец она заметила и меня и остановилась.

Время застыло. Мы с Ханной неотрывно глядели друг на друга. Я не могла шелохнуться, не могла выговорить хоть слово, но в голове стремительно проносились тысячи мыслей. Я не могла поверить в то, что она – настоящая. Что всегда жила в этом, реальном мире. *Неужели и она узнала меня?*

Я искала правильные слова, надо было что-то сказать, дать Ханне понять, что я ее знаю, и при этом не отпугнуть. Но я была настолько не готова, что стояла и таращилась на нее. Весь мир расплывался перед глазами, я видела только Ханну.

Она стронулась с места и подошла к нам. Вид у нее был озадаченный. Девочка переводила взгляд с Кэндис на меня и в итоге обратилась к Элли.

«Что происходит?» – жестами спросила она.

Элли пожала плечами, с недоумением посмотрела на меня.

«Не знаю, – так же ответила она Ханне. – Похоже, Кейт знает твою биологическую мать».

Ханна снова посмотрела на меня, на этот раз с подозрением. Я видела, что мерцает в ее глазах – знакомых глазах, *глазах Патрика*. Недоверие, страх. Но было там и что-то еще, – отдаленное, смутное узнавание. Или это я себе вообразила, ведь мне так хотелось верить, что и Ханна видела меня прежде.

«Ты знаешь меня?» – жестами спросила я. Понадобилось усилие воли, чтобы руки не задрожали.

– Нет, – вслух ответила Ханна. Голос ее звучал в точности как в моих снах. – Кто вы? Ее подруга? – Она презрительно оглянулась на Кэндис.

Та не утерпела:

– Постой, ты нормальная? Умеешь говорить?

Вот тут-то ко мне и возвратился голос.

– Знаешь что, Кэндис? – сказала я. – Ты – дура тупая. А Ханна – нормальная, да. И Элли тоже. Если человек плохо слышит, это не значит, что он ненормальный. Только очень невежественные люди могут так думать. Но ты же всегда и была такой – тупой и невежественной.

Я развернулась к Ханне, которая во все глаза с тревогой смотрела на меня.

– Прости меня, – сказала я, сама толком не зная, за что именно прошу прощения. Но мне казалось, весь мир должен извиниться перед этими девочками, а Кэндис, понятное дело, извиняться не собиралась. – Ханна, ты же понимаешь, это к лучшему, что в твоей жизни нет таких людей. Хорошо, что она от тебя отказалась.

– Кто вы? – глядя на меня в упор, повторила Ханна.

Я прокашлялась. Слезы щипали глаза. Как ей ответить, я не знала. Вряд ли Ханне снились сны, подобные моим, иначе она бы не так реагировала на эту встречу. Но что-то мерцало в ее глазах, хотя и не то мгновенное узнавание, на какое я подсознательно рассчитывала.

Не сказать ли, что я просто друг Элли и потому мне важна и судьба ее подруги? Но это была бы ложь! Объяснить, что я – та, кому было предназначено стать ее матерью? Но так я, чего доброго, спугну девочку. И в смятении у меня вырвались слова, которыми я только и могла выразить все, что переполняло сердце.

– Я знала еще прежде, чем впервые увидела тебя... – начала я на своем тайном языке, которого Ханна не знает, пытаюсь сказать ей, что любила ее всегда, даже тогда, когда понятия не имела о ее существовании.

Ханна смотрела на меня молча, и я решила, что она приняла меня за сумасшедшую. Или, хуже того, подумала, что я издеваюсь над ней вместе с Кэндис? Но вдруг вызов на ее лице сменился растерянностью, и она неуверенно подхватила:

– ...Что ты – моя судьба.

Оглянулась на Элли, ища поддержки, и снова посмотрела на меня.

Мое сердце взорвалось, как сверхновая звезда.

– Откуда ты знаешь эти слова? – прошептала я.

Ханна покачала головой:

– Понятия не имею. – Она все вглядывалась в меня, пытаюсь что-то сообразить. – Так вы знали моего отца? – спросила она наконец.

– Откуда ты...

– Не знаю. – Вид у нее был испуганный, но я не могла обнять ее и утешить, как бы мне ни хотелось: спешить нельзя. – Бабушка говорила, он был хороший человек, – продолжала она. – Говорила, он бы полюбил меня, если б узнал. Но он погиб.

– Да, – сказала я, кое-как протискивая слова сквозь сжимавшееся горло. – Так и было. Но он бы любил тебя, Ханна, всем сердцем. За это я ручаюсь.

– Так вы правда его знали?

– Я была его женой. – Ужасно произносить это в форме прошедшего времени. Но так надо. Теперь я понимаю.

– Значит, вы стали бы моей мамой? Так, что ли?

– Да. Должна была. Я... мне кажется, я и есть твоя мама.

– Что ж... – Она в последний раз глянула на Кэндис и отвернулась, все для себя решив. – Больше у меня никого нет.

Что бы она ни собиралась сказать в этот вечер Кэндис, все уже было

сказано без слов. Есть немало языков, которые обходятся без речи вслух, и я знала: Ханна закрыла свое сердце для той женщины, которая ее родила.

– У тебя есть я, – сказала я. – И бабушка Джо-ан, которая будет счастлива познакомиться с тобой. И тетя Сьюзен, и двоюродные брат и сестра, и еще одна бабушка во Флориде.

– То есть... у меня есть семья? – Губы ее снова задрожали.

– Да, твоя семья. – Я смотрела в глаза девочки, так похожей на Патрика, и думала о той жизни, которая была нам предназначена. Ничего от Кэндис в ней не было, и я была этому рада. Я видела в ней все, что я потеряла, все, что я обрела. Эта жизнь и была мне предназначена. Просто я долго искала к ней дорогу.

Эпилог

Восемь недель спустя

– Хорошо провела время, лапонька? – спросила меня Джоан, когда я промозглой ноябрьской ночью проскользнула в квартиру, изо всех сил стараясь не шуметь. Губы еще горели от поцелуя, которым мы с Эндрю попрощались на лестнице.

– Можно сказать, идеально, – призналась я.

Джоан уже постелила себе на раскладной кровати в гостиной и, улыбаясь мне, заложила страницу в романе, который читала до моего прихода, и отодвинула от себя книгу. Волос у нее после химиотерапии не осталось, как и в моем сне, но она отважно борется с раком. У нее есть теперь ради кого жить.

Ради Ханны.

Ради Ханны, которая крепко спит в бывшей гостевой, а теперь детской. Анализ ДНК подтвердил, что она – дочка Патрика, родная внучка Джоан. Эндрю потянул за все ниточки, чтобы ускорить процесс усыновления. Еще пару месяцев, и Ханна официально станет моей дочерью.

– Он мне нравится, – сказала Джоан. – Эндрю. Хороший человек. И с Ханной ладит.

– Так и есть, – согласилась я. Щеки у меня слегка покраснели, но я мужественно призналась: – И мне он тоже нравится, Джоан. Очень нравится.

В улыбке Джоан я видела искреннее одобрение и приятие, и была этому рада: она с открытой душой впустила в нашу жизнь Эндрю. Она была рада тому, что моя жизнь наконец устраивается, не так, как устраивалась с Дэном, а по-настоящему, во всей полноте. Наконец-то я осознала: я не обязана чувствовать себя виноватой за свое счастье. Не этого бы Патрик хотел для меня. И моя жизнь изменилась.

Теперь я знаю, как мне повезло найти человека, который все понимает. Эндрю обходится с Джоан как со старым любимым другом, и за это я ему бесконечно благодарна. Ведь я бы ни ради кого не могла отказаться от Джоан. Человек помельче не смог бы понять, с какой стати я поселила у себя мать покойного мужа. Но Эндрю и глазом не моргнул: «Это же семья, – сказал он мне в тот вечер, когда я впервые робко намекнула на сложившуюся ситуацию. – Нет ничего важнее на свете». И на этом точка. И мое решение удочерить Хан-ну он тоже поддержал и помог всем, что было

в его силах.

– Когда завтра ждать Элли? – спросила Джоан.

– Мама привезет ее к десяти.

Мы решили собраться накануне Дня благодарения, чтобы пригласить Элли. Сам праздник она проведет со своей мамой, которая с тех пор, как вернула себе дочь, сумела избавиться от зависимости. Элли еще не вполне поверила в ее исправление, но постепенно проникается надеждой. Раз в неделю она приходит на занятие ко мне в кабинет и часто приезжает в гости к Ханне, поболтать о мальчиках. Насколько я понимаю, лилововолосый Джей Кэш таки поцеловал ее.

– Забавно будет посмотреть, как девочки запикивают птицу в духовку, – захихикала Джоан. Элли и Ханна вызвались готовить индейку, впервые в жизни. «Чтобы у вас с Эндрю было время поворковать», – жестами дала мне понять Элли и конечно же вогнала меня в краску.

– Подумать только, а через месяц с небольшим уже и Рождество, – размышляла вслух Джоан, пока я вешала куртку и разматывал шарф. – Наше первое Рождество с Ханной. Кто бы нам еще недавно сказал, что такое будет? – На миг взгляд ее устремился куда-то вдаль, за пределы нашего мира. – Жаль, что Патрик этого не видит.

– Думаю, видит, – сказала я.

– Я тоже так думаю. – Она зевнула. – Пора мне спать, а то завтра останусь без сил. Дурацкий рак.

– Дурацкий рак! – подхватила я. Обняла ее перед сном, принесла на ночь стакан воды, поцеловала мою свекровь и выключила свет. Прошла по коридору и заглянула в щелку, чтобы убедиться, что Ханна спит.

Да, она мирно дышит во сне. Лунный луч, проникнув в окно, серебрит изящные черты лица, ставшего для меня таким же знакомым, как мое собственное. На цыпочках я зашла в комнату и подтянула одеяло повыше, чтобы девочка не замерзла ночью. Она зашевелилась и улыбнулась во сне. Что-то ей снится?

Она так и не сумела объяснить, откуда ей известны заветные слова, которыми мы с Патриком признавались друг другу в любви. Но сейчас, глядя, как вздрагивают ее ресницы и расплывается улыбка на губах, я думаю: может быть, как и я, она прежде видела эту жизнь во сне.

На ее тумбочке стоят два предмета, которые вполне убедили меня: есть между нами какая-то связь за гранью привычного понимания. Во-первых, это обрамленный рисунок самой Ханны, на нем она изображена с родителями в Диснейленде. Я увидела эту картинку несколько недель назад, когда Ханна, перебравшись ко мне, распаковывала вещи.

– Что это? – задохнулась я, уставившись на рисунок так, словно увидела привидение. Да ведь и правда увидела.

Она, хмурясь, присмотрелась к своему рисунку: – Я нарисовала его в десять лет, когда мне приснилось, будто я с папой и мамой ездила в Диснейленд. Это было как будто все взаправду. – Обернувшись ко мне, она с удивлением добавила: – А мама тут похожа на тебя, верно?

– Очень похожа, – смаргивая слезы, ответила я.

Второй предмет на тумбочке – баночка с серебряными долларами.

– Я их все время нахожу, – пожала она плечами, отвечая на мой вопрос. – Странное дело, конечно. Просто иду по улице, гляну себе под ноги – лежит монета. Как будто с неба падает.

Я подняла глаза к небесам, где, как я надеюсь, обитает мой Патрик. Может быть, Ханна права: может быть, доллары падали с неба, давно ушедший отец подсказывал ей дорогу домой. Когда-нибудь я расскажу ей про серебряные доллары, про давнюю традицию ее семьи выбрасывать монету на счастье. Но пока мне достаточно знать, что доллары достались ей. У девочки впереди вся жизнь, чтобы вернуть вселенной удачу.

Я легонько поцеловала Ханну в щеку и тихо прикрыла за собой дверь ее комнаты. Выбралась обратно в гостиную. Там уже погас свет и Джоан тихонько похрапывала. Стараясь не шуметь, я выскользнула из квартиры.

Я прошла по 3-й авеню до 42-й улицы и села на поезд номер 5, который отправлялся с Гранд-Сентрал. Вышла на 59-й улице и прошла три квартала на запад до 5-й авеню, свернула налево и дошла до Гранд-Арми-плаза, остановилась лицом к отелю «Плаза», а за спиной, правее, остался отель «Шери-Недерленд».

Посреди площади журчал фонтан Пулитцера, в который мы с Патриком должны были бросить монету вечером восемнадцатого сентября 2002 года. Теперь я знала: он вручил мне утром серебряный доллар, потому что Кэндис рассказала ему о Ханне. Нам предстояло отпраздновать появление нашей дочери, которая должна была вот-вот войти в наш дом. Так он надеялся.

Фонтан украшен бронзовой статуей Помоны, римской богини изобилия. Может быть, подумала я, Патрик выбрал это место, потому что наша жизнь вдруг преизобильно наполнилась. Помона держала в руках корзину с фруктами, и я подумала о роге изобилия, символе Дня благодарения: опять-таки уместно, что я пришла сюда накануне этого праздника. Я и не надеялась, что наступит для меня день таких изобильных даров, что благодарность перельется через край.

Но ведь всегда было за что благодарить жизнь, даже после Патрика.

Это я позволила горю заслонить проблески надежды. Вероятно, серебряные доллары падали с небес и для меня, как для Ханны, стоило только открыть глаза и поискать.

Я сняла с шеи цепочку, на которой висел серебряный доллар, столько лет служивший мне утешением. Утешением – но и бременем. Сейчас, сняв его, я почти с удивлением поняла, что это всего лишь монета, ничем не отличающаяся от собранных Ханной. Двенадцать лет я цеплялась за прощальный подарок Патрика, но на самом деле он имел в виду совсем другой подарок: Ханну, дороже серебра и навсегда.

И более того: он оставил мне все необходимое, чтобы я могла построить себе счастливую жизнь. Мне давно следовало это понять. Патрик ободрял меня и советовал идти за своей мечтой – и я стала музыкальным терапевтом и помогаю детям. Он любил меня и научил – пусть я на какое-то время и забыла урок, – что каждый имеет право любить и быть любимым. Он учил меня искать в жизни дары и от всего сердца благодарить за чудеса. Даже в его смерти был для меня еще один дар: понять, как драгоценна жизнь.

– Больше ни минуты зря не потрачу, – пообещала я вслух, глядя на серебряную монету в своей руке. Я осторожно выдернула цепочку и сдвинула монету в сторону. Прохладная, блестящая, но сама по себе ничуть не волшебная. Это вовсе не частица Патрика. Патрик в моем сердце, в моей дочери, в каждом моменте моей жизни. Теперь, когда я это поняла, с монетой пора расстаться.

Передавай удачу дальше, всегда требовал Патрик. Пусть кто-то еще загадает желание. Я словно слышала его глубокий, подбадривающий голос. Сжала доллар в руке. Посмотрела на Помону, на пять бассейнов, изливавшихся каскадом в самый большой нижний бассейн. Где-то я читала, что скульптор, Карл Биттер, погиб в аварии, не закончив эту работу, кто-то доделал за него фонтан. Так и Патрик: всю жизнь мне предстоит завершать его дела, то прекрасное, что он начал, но не сумел довести до конца. Это счастье, подумала я, строить жизнь – свою и Ханны – так, чтобы воздать должное памяти Патрика. Но и свой штрих я в эту жизнь внесу.

Я в последний раз посмотрела на свой талисман, поцеловала его и закрыла глаза. Глубоко вздохнула и бросила его в фонтан. Легкий всплеск порадовал меня: угодила точно в воду. И я пошла домой, так и не взглянув, куда попала монета: мне она больше не принадлежит, пусть уходит к тому, кому понадобится удача.

Я шагала домой, избавившись от груза весом всего в восемь граммов, но словно огромная тяжесть свалилась с плеч. Впервые за двенадцать лет я

не смотрела вспять, в прошлое, я глядела в будущее и знала: оно прекрасно.

* * *

Дома, в постели, я еще раз подумала о том, как все сложилось с Ханной. Она очень похожа на девочку из моих снов, и многое я знала о ней заранее, но теперь я наслаждаюсь каждой новой подробностью. Ее музыкальным смехом. Привычкой красить ногти больших пальцев не в тот цвет, в какой все остальные. Недавно она влюбилась в одноклассника, Эдди Колтона. Терпеть не может грибы, а вот горошек – только подавай. И ямочка на правой щеке – в точности как у меня. И она в самом деле любит оладьи с арахисовой пастой, черникой и медом.

– Обожаю! – воскликнула она, когда я впервые поставила перед ней это блюдо. – Как ты узнала?

Не перечислить всего, что я люблю в ней. Сто вещей и еще тысячу, как говорил мне Патрик. А ведь я только начинаю ее узнавать. С этой мыслью, улыбаясь, я заснула.

Я проснулась снова в лимонном свете моих снов. Рядом крепко спал Патрик, и с минуту я просто смотрела на него.

Сон не такой яркий, как прежние. Видимо, я теряю способность проникать в этот мир. Может быть, это Патрик указал мне путь к Ханне, или сам Бог вмешался – так или иначе, эта жизнь больше не для меня. То, что было у нас с Патриком, не может повториться, и в моей жизни навсегда останется пустота на том месте, которое занимал Патрик, но теперь у меня есть Ханна – и Эндрю. Мне пора двигаться дальше, становиться лучше, становиться собой. Это мой долг перед мужем, который не дожил и до тридцати.

Я обхватила Патрика обеими руками, вдыхая знакомый запах – в последний, я понимала, раз. И я заплакала – тогда он пошевелился, повернулся на бок, прижался ко мне, лицо совсем близко, глаза в глаза.

– Кэтили? – спросил он с тревогой. – Все хорошо?

– Да, – ответила я, ведь теперь у меня и правда все хорошо. – Ты в самом деле тут? – спросила я, дотрагиваясь до его лица, сознавая, что этим вопросом сама себя изгоняю из сна. Комната чуть потускнела, но под пальцами я ощущала, как колется утренняя щетина, и тело его было теплым. Я бы хотела остаться с ним здесь, навсегда, – но это желание было уже не столь сильным, как прежде. Вот и хорошо.

– Я всегда тут, Кейт, – ответил он. Наверное, так и есть, подумала я.

Тот, кто в моем сердце, никуда от меня не уйдет. – Где ж мне еще быть.

– Может быть, на небе, – тихо сказала я, следя за тем, как расплываются края комнаты. – Или ты счастлив в мире-который-мог-быть, где-то по ту сторону радуги.

– Что ты такое говоришь? – Он прижал меня еще сильнее и пальцем вытер мне слезы, но он сам уже расплывался, и прикосновение его рук я едва ощущала.

– Только знай: я всегда буду тебя любить, – заторопилась я. – И Ханну, всей душой. Я всегда буду заботиться о ней.

– Ну конечно, – сказал он, глядя меня по щеке. – Ты же ее мама.

И я снова зарыдала:

– Да, правда.

– И я всегда буду любить тебя, Кэтили, – сказал он мгновение спустя. – Я знал еще прежде, чем впервые увидел тебя...

Слезы ручьем текли по моему лицу.

– ...Что ты – моя судьба, – закончила я.

Вплотную к нему, закрыв глаза, я чувствовала только тепло его тела, слышала ровное биение сердца, знала, что так могло быть.

Могло, но не стало. Стало по-другому.

– Спасибо, Патрик, – шепнула я. Я крепко обнимала его, зная, что это в последний раз. Настала пора отпустить Патрика и идти дальше, в будущее. Жить своей жизнью.

Я мечтала о другом, я планировала жизнь иначе, но мне была предназначена эта. И наконец-то я готова ее принять.

Об авторе

© Robin Gage

Кристи́н Хармель – автор девяти романов, в числе которых бестселлер «Забвение пахнет корицей». Ее книги изданы в 23 странах.

Кристи́н окончила Университет Флориды по специальности «журналистика». Работала репортером журнала People. Сотрудничала с журналами Ladies' Home Journal, Woman's Day, Travel + Leisure, American Baby, Men's Health.

Живет в Орландо, Флорида.